

Литературно-художественный
и общественно-политический
ежеквартальный журнал

Двина
2010 • № 3 (39)

Лауреат премии
ИМПЕРСКАЯ КУЛЬТУРА

Год
основания
2001

Учредители

Агентство по печати
и массовой
информации
Архангельской области
и Архангельское
региональное
отделение
Общероссийской
общественной
организации
«Союз писателей
России»

Издатель

ГАУ Архангельской
области
«Издательский дом
«Двина»
Директор
Е.Е. УДАЛКИН

Адрес

г. Архангельск,
пр. Новгородский, 32,
7-й этаж

Почтовый адрес

163004, Архангельск,
а/я 45

Телефон/факс

29-20-11

Тема номера: Юность Фёдора Абрамова

500 муниципальных
библиотек
Архангельской
области
получают журнал
«Двина»
при финансовой
поддержке
Министерства
образования,
науки и культуры
Архангельской
области

Редактор журнала

Михаил ПОПОВ

Редакционная коллегия:

Мария АВВАКУМОВА
(Москва),
Елена ГАЛИМОВА,
Александр ИПАТОВ
(Северодвинск),
Елена КУЗЬМИНА,
Валерий ЛЕМЕСОВ
(Уппсала, Швеция),
Александр ЛОГИНОВ
(Каргополь),
Александр РОСКОВ,
Екатерина СИМОНОВА,
Виктор ТОЛКАЧЁВ,
Елена ТРОПИЧЕВА,
Ольга ФОКИНА
(Вологда),
Валерий ЧУБАР,
Андрей ЧУКЛИН
(Нарьян-Мар),
Инэль ЯШИНА

© Архангельская писательская организация, авторы, 2010
© Редакция журнала «Двина», 2010
© М. К. Попов — обложка, макет, дизайн, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

• Проза

- Фёдор Абрамов**
«Звуки, краски и запахи родимой земли...»19
- Антон Шушарин**
«Ангелы в ночи», рассказ33
- Александр Киров**
«Устами младенца», притчи41
- Александр Сомкин**
«Карамболь, или Три встречи», рассказ-быль 45
- Катя Самсонова**
«Memoryhouse», маленькая повесть58

• Поэзия

- Мария Кривополенова**
«Вавило и скоморохи» 6
- Мария Аввакумова**
«Время оно»21
- Иосиф Бродский**
«...и я, сельскохозяйственный рабочий
Бродский»27
- Александр Росков**
«На Свида»51
- «Наши письма», стихи молодых55

• Литературоведение и критика

- Елена Галимова**
«Работа – это, вероятно,
самая высокая любовь...»13
- «Пусть каждый держит вотчину свою...»
Авторы **Ольга Корзова** и **Олег Борисов**49
- «...имени Абрамова»
Автор **Л. А. Волосенко**54

• Публицистика и очерк

- Владимир Личутин:**
«Русская душа неистребима!»
Автор интервью **Людмила Ашиток** 3
- Олег Ларин**
«Очарованная странница» 7
- «Не умирать родился – жить». Письмо сестры
Фёдора Абрамова Марии Александровны
(Публикация **Игоря Золотусского**) 9
- Виктор Толкачёв**
«Шаги к судьбе», **Федя Абрамов** в документах... 10
- «Юнга, выручай!..», начало трудовой
биографии. Автор **Борис Можайцев**16
- «Как работаем, так и живём»
Автор **Олег Химаныч**17
- Семён Шуртаков**
«Бухта встречи»,
к 75-летию **Виталия Маслова**.....22
- Дарья Ильчук**
«Духовный путь моего деда»29
- Каргопольская весна:**
литературный фестиваль (фотоокно)40
- Юрий Бадьин**
«Мать и сын», вспоминая
Александра Шабалина.....43
- Авторы фото: **А. Афонин, Ю. Бадьин, А. Глущенко, В. Зыкин, Н. Дедова, А. Келарев, О. Корзова, Р. Кучеров, М. Попов, Е. Самсонова, С. Ярыгин**

МОЛОДЫМ КУДА У НАС ДОРОГА?

Не так давно председатель Совета Федерации Сергей Миронов призвал государство сделать для молодёжи две вещи: «Первое – публично признать страшную, нелицеприятную правду: российскую молодёжь надо спасать, физически и морально. Второе – объявить войну всем бизнесам, процветающим на её растлении и деградации.

...И только потом уже выяснять, каков инновационный потенциал молодёжи и как его использовать на благо государства».

Думаю, «бизнес, процветающий на растлении и деградации», можно без всякой натяжки назвать преступной деятельностью против будущего страны, ведущейся по предварительному сговору. Ибо ни торговля наркотиками, ни продажа алкоголя несовершеннолетним, ни детская проституция, ни открытая пропаганда культа насилия и воровского образа жизни не могут вестись на территории огромного государства преступниками-одиночками без соответствующего «крышевания».

Есть простые вопросы, публично произнесения которых боятся наша олигархическая элита и бюрократическая верхушка. Они могли бы звучать так: почему ваши семьи живут всё лучше, а наши дети, молодёжь, старики и средний класс – всё хуже? Намерены ли вы отчитаться за беспрецедентные привилегии, доставшиеся вам за два-три ваучера и несколько тысяч личных сбережений, которые к моменту приобретения вами заводов и целых отраслей народного хозяйства были эквивалентны двум-трём долларам США?

И если общество и государство не удовлетворятся отчётом, то надо думать, как российскому народу, которому по Конституции принадлежит вся власть в стране, принять от вас эволюционно, без шума и пыли, непосильную для вас ношу, вернуть средства производства и денежные ресурсы в народно-хозяйственный оборот?

Вопрос, повторяю, должен прозвучать публично – от имени общества – и быть услышан всеми.

Почему деньги наших детей находятся в ваших кошельках? Как вы их используете? Даете работу заграничной молодёжи или ломаете по ночам головы над проектами индустриализации собственной страны и занятости подрастающего поколения? Прядявите, пожалуйста, эти проекты!

Мы поверили бы в вашу мудрость управленцев и ваш финансовый гений, если бы по истечении пятнадцати лет «реформ» в продаже появился хоть один конкурентоспособный отечественный автомобиль, телевизор, мобильный телефон, компьютер, пылесос... Именно с этими обещаниями всенародная собственность и прибиралась частными руками. Мы поверили бы в вашу способность управлять землями сельскохозяйственного назначения (половина из которых сейчас пустует), если бы в каждом детском садике и школьной столовой появилось натуральное молоко, а на рынках и в супермаркетах продавались свои, а не привезённые из заморских стран свинина, баранина, говядина, гуся, утки, куры, картошка, морковь, капуста, помидоры и огурцы. Если бы обувь и прочий ширпотреб производили на российских модернизированных фабриках, а не везли эшелонами и судами из Китая или Турции, выдавая их за достижения французских кутюрье.

Возможно, я чересчур пессимистичен, но мне кажется, что нынешний капитализм не оставляет большинству «не золотой» молодёжи надежд создать семью, обзавестись детьми и собственным жильём, трудиться честно и жить долго и счастливо. То, что раздал ворами, не соберёшь крохами. И самыми доступными из всех «программ» по-прежнему остаются «доступные наркотики», «доступный алкоголь», «доступный секс», «доступная тюрьма», а не те, в которые государство вкладывает немалые деньги.

И на вопрос, ставший традиционным: «Молодым куда у нас дорога?» – нет пока утешительного ответа.

Дмитрий КАРАЛИС

Родники

Год
Фёдора
Абрамова

Владимир Личутин:

«Русская душа неистребима!»

Учитель должен быть
первым человеком,
вторым – врач,
третьим – крестьянин-мужик с сошкой,
и всё встанет на свои места.

«Его устами говорит Русская земля» – так отозвалась о творчестве Владимира Личутина председатель региональной организации Союза писателей России Елена Галимова на вечере, устроенном в честь 70-летия нашего земляка-писателя. Что сегодня волнует автора «Крылатой Серафимы», «Любостая», «Души неизъяснимой», «Раскола», чем он хочет взволновать, заразить нас, призывает поднять голос?»

Любите Личутина – издайте!

– Владимир Владимирович, как Вы перенесли свой юбилей – у Вас в Москве был большой вечер, теперь здесь в Архангельске...

– Пока молод, то кажется, что жизнь долга, бесконечна, а прикатил к каким-то годам, вроде бы и не жил. Не хотел ничего праздновать, но убедили, что надо, тогда я дал идею провести общественное собрание на тему «Россия. Раскол. Преодоление», чтобы отстраниться от похвал, награждений, поцелуев, часто не чистосердечных, высокопарных слов, которые тоже посыпаны солью и перцем. Хотел поговорить о том, как нам жить дальше...

Когда пришёл в Дом литераторов, ошалел, к кому это толпятся люди? Все проходы забиты, в фойе сидят? Пришли не на концерт, не на юмор, меня слушать. И слушали восторженно. Русского человека, который не боится сказать честное, соевное, живое слово.

Я сейчас не себя хвалю, поймите, а говорю о духовном состоянии нации. Есть сознательное угнетение русской культуры, русской литературы, русского слова, но тот, кто думает, что покори нас, что народ согнулся, ошибается. И этот вечер показал: русская душа неистребима!

– В Архангельске зал, к сожалению, был гораздо скромнее и народу меньше.

– Так в Москве тоже было не найти денег, ссылаются на кризис. Но не слишком ли зашорились мы на экономике, процентах, сражаемся за золото, никель, нефть, газ и забываем, что всё создается культурой, что в основании нации – нравственность человека. И никакие миллиарды тонн газа, никеля, стали, нефти не помогут, государство будет разрушаться. Мы это сейчас видим: приоритет капиталу, а народ нищает, зато миллиардеры и в кризис доходы свои увеличили, но на создателей духа, на совершенствование нации жалеют копейку.

Вот сейчас поздравляла представитель губернатора, спасибо, но много парадных слов, вы лучше помогите книжку мою выпустить. В Поморском университете подготовили третье издание, дополненное, «Души неизъяснимой», а в губернии нет денег... Если говорите, что любите Личутина, гордитесь им – издайте!

А вечер в Архангельске получился хороший, ведь здесь собрались люди, близкие мне по взглядам, я с ними начинал, с кем-то даже в школе учился, первые графоманские вещи писал. Но что делать, простите, пожалуйте, я сам стал такой старичок, и все состарились – обородатели, замоховели, кто покривился, как сыроежка-грибок, тоже на бочок, едва на стопки свои наступает... Но духом-то мы неизменны! И сзади подпирает, не даёт упасть новая поросль, не такая уж безнравственная, как кажется. Несовершенная – да, но тоже думающая, чувствующая, есть молодые учителя, врачи, литераторы, у которых душа плачет, радеют о народе. Сейчас возникает такой новый слой людей на смену нам. Вот на них у меня надежда.

У писателя глаза в кучку

– Однако молодые не очень-то признают стариков, может, и Личутин для них не авторитет.

– В культуре нет стариков и молодых, и у литературы нет возраста. Некоторые молодые писатели считают: что там Распутин, Белов, Личутин, их время ушло. Да у нас такие тиражи были – десятки миллионов людей читали наши книги, нынешним и не снились. У них-то за душой практически ничего нет ещё. Писатель должен быть близок своему народу, ценить русское слово. Забывая о слове, забывают и о душе. Как она мучается, страдает, ещё с петровских времён хочет простора и воли, а ей не дают. Раскрой очи!

– Молодых в Москву тянет, а не к почве, земле.

– Москва – это зачумлённый город, да и в Москве ничего не светит, если нет вот здесь, в сердце национального чувства. Надо его пестовать. Почувствуешь себя русским, можешь куда угодно ехать...

Я-то бежал из Архангельска как раз от космополитизма, считал, что здесь болото, засасывающее любое живое дыхание, тогда был молодой, самонадеянный, позже пришёл к мысли, что при советской власти властвовала антисистема, построенная на пренебрежении к крестьянину. Мы до сих пор не можем понять, что стоим на крестьянине, рухнет он, пропадёт – нас не будет.

Должно быть чувство, что я русский человек, принадлежу к своему народу, душу надо собрать в кулак, а наблюдается развинченность и в словах, и в мыслях. Прийти к русскому просвещённому национализму – это долгий путь...

– Владимир Владимирович, должен ли писатель быть в оппозиции к власти?

– Потому я и всячески противился проведению юбилея в Москве, что считаю: писатель должен быть всегда в оппозиции к власти, то есть он отстаивает своё личностное мнение, обладает особым мировидением, что не свойственно политику. Политик смотрит широко – в пространство, у него фасеточное зрение, а у писателя, более-менее приличного, иконное. Видели на иконах глаза у святых отцев? Они у них близко посажены. Не подумайте, что я себя со святыми равняю, нет, конечно, но глаза у меня такие – в кучку. Это принцип писателя – глядеть в глубь вещей.

Исчезнет деревня – нация кончится

– На вечере Вам вручили документы из архива ФСБ, касающиеся родственника жены – Семёна Борисовича Семёнова.

– У этого человека необычная судьба. Он самоучка был, книги ему голову задурили, как и мне, и многим другим, стал помощником социал-демократов, подпольщиком, его посадили в лагерь на Мудьюге. Оттуда бежал, при советской власти крестьянствовал, на Мезени получил землю, даже создал село Кепино – полнокровное – с пекарней, школой, он же добытчик был, с младых

ногтей добывал хлеб насущный. Но ему не дали в радость жить, ни при царе, ни при Советах... Прижали налогами, задавили до макушки, кончилось тем, что сказал: «Всякая власть есть насилие», его арестовали, отправили в Сибирь, там он скончался.

Писал Льву Толстому, Сталину. Он был из породы русских философов народных, плеяды умных людей, которые смотрели в глубь русской нации, и они сами были её зерно, не терпели лжи, всю жизнь вставали ради соблюдения правды, страдали ради неё, как, например, Михаил Новиков, который был расстрелян на Бутовском полигоне. Тот тоже писал Толстому: иду с пашенки, у меня в животе одни постные щи бурлят, мимо проезжает лакированная карета. Там господа, которые ничего не умеют, потому что мы им чулочки натягиваем, варим им кашку, а они проезжают мимо с ухмылкой, едут в Париж по Лувру ходить, смотреть Шекспира... Нельзя так больше жить!

– Сегодня «господа» с такой же ухмылкой в Куришавели ездят.

– Извечный конфликт богатых и бедных! И совершенно правильно писал Новиков, что революции будут длиться бесконечно, пока русский человек унижен. К сожалению, это унижение продолжается: деревня изнемогла, рушится, едешь по России, и слёзы застилают глаза, нет ни одной фермы, которая бы не упала, на сотни вёрст ни одной животинки, коровёнки. Происходит исчезновение русской деревни, а исчезнет она, и нация кончится.

Может, я пафосно говорю, но не могу иначе, не могу в свои юбилейные дни закрывать глаза, говорить – как всё прекрасно, как делают это с экранов телевизоров, где идёт сознательное умерщвление русского, геноцид крестьянина. И не понимают те, кто это творят, что хоронят себя, своё будущее, своих детей, внуков и правнуков. Снова грядёт русский бунт, а мы его сами устраиваем. Потому что приоритет капиталу, мамоне, проценту; ростовщик овладел, и все подчинились ему. Эх, говорил мне мой издатель Титов, поедешь, очень тебя прошу, не говори там ничего лишнего, но увы...

Сто лет на возрождение души

– Вы утверждаете, что без крестьянина мы умрём, а чем может спастись деревня?

– Это все знают, её экономически можно спасти в течение биологического цикла – от телёнка до коровы, пять лет – и нация будет накормлена, без всяких привозных продуктов. Специалисты, академики некоторые говорят – и три года хватит. Но очень сложно восстановить репродуктивность, количественный состав народа, должна быть какая-то планка – ниже её опуститься нельзя. Я предполагаю, не меньше 20 миллионов должно быть мужиков, с семьями – 50–60 миллионов крестьян в стране. Но это-то восстановить можно быстро – при внимании власти, самое сложное – возродить душу крестьянина, для этого не менее 100 лет нужно. Потому что необходимо не просто самих себя воспроизвести, а духовного человека. Что требует череды бесконечной носителей нашей

древней культуры, а прервалась цепь, надо вспоминать, что там было, вот и получаются пробелы духовные.

Культура создаётся в естественной природе – восход солнца, движение дня, закат, об этом, между прочим, никто не думает. Вы даже не знаете, как мгновенно всё пребудет, с душой-то, все ваши экономические задумки в считанные годы. Сейчас страдаете, чтобы накормить человека, а если восстановите душу его, он сам себя накормит.

Кстати, Сталин это доказал прекрасно. В 45-м война закончилась, страшная разруха, миллионы вдов, а Сталин сказал – рожайте, женщины, я вам 50 рублей заплачу. Они все истосковались, им нужна была ласка, не потаскухи были наши матери, русские женщины, не продавались, пусть и случайная, но это всё равно была любовь – при сексе дети не рождаются, только – в любви.

Деньги против духа – век борьбы

– А нам сегодня нужен Сталин? Лужков хотел повесить плакаты с его изображением к Дню Победы, вышел скандал.

– Это гений, личность, которая рождается раз в 300–400 лет. В нашей близкой истории таких людей было всего несколько – Александр Невский, Дмитрий Донской, Никон, а были антихристы, злодеи, вроде Петра I.

– Разве Сталин – не Антихрист?

– Нет, он посланник Божий. Поверьте мне, я был ярым противник Сталина, ведь дед с бабушкой лишенцы были, сколько несчастья перенесли. Прошли годы, прежде чем я всё это воспринял не утробой, а душой, сердцем и умом. И сейчас мне открылся другой Сталин. Новое общество, бывало, и через большую кровь и мясорубку строилось, не сравнимую... Сталин теорию марксизма-ленинизма претворил в жизнь, реализовал. Сейчас все говорят, это был неудавшийся эксперимент, нет, это было мечтание человечества, которое свершилось, но против него восстали все чёрные силы. Капитал стал дороже совести, чести, восстание денег против восстания духа. Стяжателей против нестяжателей. XX век – это сто лет борьбы, стяжатели пока победили, но это ни о чём не говорит. Наша беда, что мы раздражители не можем уничтожить, всё новое создаём и старые не забываем.

– День Победы. Наверное, это остался единственный праздник, который народ объединяет, что он для Вас?

– День Победы – вершина духа – это победа над врагом. Когда кто-то говорит, что трупами поля засеяли и тем победили, неправда! Ты ложишься под каждый танк миллионами – и не победишь, побеждает не количество, а дух. Я дитя войны, читал письма отца погибшего, он был уверен в победе, и так верили в неё миллионы русских людей.

А Францию за месяц отдали, поляки за две недели сдались, чехи вообще не сражались – все сошлись с фашизмом, который создан был, чтобы возвысить свой народ над другими, а русские никогда этого не делали!

– И когда говорят, что Гитлер и Сталин, фашизм и национализм – одно и то же...

– Неправда, почему я за русский просвещённый национализм – наш народ проповедует любовь ко всем. Хотя везде внушают, что национализм – страшная болезнь, хоть один день вы живали при нём? Нет? А почему говорите, что это плохо. Когда он восторжествует, то русская нация будет непобедима.

Почему Пётр – Антихрист

– Вы бывали в Пустозерске, когда писали «Раскол»?

– Уже после выхода книги, да это и не обязательно. Пять лет собирал библиотеку, материал казался чужим для меня, ведь я далёк от веры был тогда, потом уже крестился, жил в монастырях... Сложно мне далась книга, потому что писать решил о религиозной стороне, а раскол не внешний, как креститься – двумя пальцами или тремя, он коснулся всей жизни – от обряда до быта, и всё искажил. Почему Пётр – Антихрист, он этот раскол узаконил, колокола сронил, Патриарха под зад пнул, обрёл сотни тысяч людей на страдания, самосожжение, уничтожена была примерно четвертая часть населения. Он был первый масон, через Петра и сегодня руководит Русью мамона, недаром памятник ему на стрелке Москвы-реки гигантский стоит.

– Владимир Владимирович, Вы говорите, что Россия свернула со своего заповедного пути. Как на него вернуться?

– С Петра I и свернула. А вернуться – достаточно русское чувство возбудить в людях, хватит и миллиона человек, которые бы воскликнули: «Я – русский!», чтобы переломить ситуацию. И они должны сказать – верните нам национальность в паспорт, почему отобрали? А когда в паспорте будет написано – русский, иначе всё пойдёт: не экономически, а духовно.

– Вы очень хорошо говорили о Годе языка, сейчас Год учителя, а мы отмечаем его сериалом «Школа», показом по Интернету избияния педагога... Как вернуть авторитет этой профессии?

– Положение учителя сегодня в обществе отвратительное. Он всегда был самым уважаемым человеком в деревне. А как уважение произрастает? Вот у меня в деревне на Рязанщине есть друг, писатель, он имеет хороший дом, и его все по имени-отчеству называют, а моя избёнка старая, меня Вовка зовут, но, если бы у меня был двухэтажный особняк, тоже бы Владимиром Владимировичем величали. Если бы учитель экономически был благополучен... При Сталине, кстати, не возникало вопроса, как содержать школу, где учитель и два ученика. Много ли этот педагог один мог дать своим ученикам, но он заботился о их нравственности, он воспитывал. И при этой системе 90 процентов выпускников в вузы поступали. Как иссяк родник национальный, откуда силу государство черпало! Учитель должен быть первым человеком, вторым – врач, третьим – крестьянин-мужик с сошкой, и всё встанет на свои места.

С Интернетом привыкаем к лени

– Молодые мало читают, а что им важно читать?

– У меня сын ни черта не читает, кто не читает книгу, тот умер ещё при жизни. Интернет – это гибель человечества, помните, телевизор называли машиной кретинизма, в Америке люди выбрасывали его из окон, а Интернет в тысячи раз страшнее. Это паук, пьёт живую человеческую кровь и впрыскивает химическую воду. Я всячески ему противлюсь, хотя бес мне шепчет, ведь с ним легче, сделай себе, все удивляются, как ты живёшь без него, но я пользуюсь компьютером только как печатной машинкой.

Интернет пришёл к вам в дом, и в окошко его не выбросишь уже, потому что телевизор обольщает, а Интернет облегчает работу, человек привыкает к лени, сначала к мышечной, потом и духовной. Люди уже перестали считать, ленятся, раньше до 100–200 тысяч в уме могли сосчитать, а сейчас два плюс два не сочтут. Идёт уничтожение способностей, великая афера Сатаны. И следующий бунт человечества будет против Интернета, странно, что люди умные, мудрые не понимают этого, они с возделением туда идут, как будто рядом старая жена в бородавках, а поманили молодой девкой.

А читать книги надо, очень важно, какую литературу читать, что вложить в себя, но лет до 15 – можно и всё подряд, даже всякую дрянь, тренировать сознание, у человека читающего развивается логика, появляются размышления, чувства. Я маленьким Гюго читал, Золя, чаще на уроках, под партией, и столько всего пережил!

– В фильме, снятом Клавдией Хорошавиной, Вы говорите, что люди и петь перестали...

– Издавна мы обращались с молитвами, песнями к Богу, прося защиты. Как без молитвы жить, так и без родной песни нельзя обходиться. В песне русские чувствовали себя дружинниками, воинами. И в армии, помню, пели, я подголоском был, шёл впереди и выводил тенорком. На деревне идут бабы – поют, сено разгребают – поют, пообедают – поют, домой идут – поют... Тяжело было, а пелось, потому что было правильное жизнеустройство общинной жизни.

Сейчас же собираются в кучку, напиваются мертвецки, и никто не вскрикнет песни, даже хмельной не затянет... Потому что душа немощует. Утратила жизнь свои горизонты, тогда и сладкое становится невыносимым, хочется напиться, сойти с ума, и богатый и нищий находятся в одном состоянии, нет идеала, для чего жить. Деньги этого дать не могут. Без песни, её подпитывающей энергетики, хуже, чем когда недоедают.

– Пессимист Вы, Владимир Владимирович...

– Нет, я верю, вся история повернётся в нашу сторону – корневого русского народа, ибо не случайно Бог нам даровал такие огромные земли. Надо возвращаться к ней – матушке, и необходимо пустить все силы и деньги, что безмолвно лежат под спудом, на исцеление деревни и возрождение крестьянства.

Людмила АШИТОК

ВАВИЛО И СКОМОРОХИ

(Записано от М. Д. Кривополеновой в 1915 г.)

ОТРЫВКИ

У чесной вдовы да у Ненилы
А у ей было чадо Вавило.
А поехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати.
Ишша белую пшоницу засевати:
Родну матушку свою хочё кормити.
А ко той вдовы да ко Ненилы
Пришли люди к ней да весёлые,
Весёлые люди не простые,
Не простые люди, скоморохи.
«Уж ты здрасвуёшь, чесна вдова Ненила!
У тя где чадо да нынь Вавило?»
«А уехал Вавилушко на ниву
Он ведь нивушку свою орати,
Ишша белую пшоницу засевати:
Родну матушку хочё кормити».

.....
А пошли скоморохи к Вавилушку на ниву:
«Уж ты здрасвуёшь, чадо Вавило,
Тиб да Бог нивушку орати,
Ишша белую пшоницу засевати,
Родну матушку тебе кормити».
«Вам спасибо, люди весёлые,
Весёлые люди, скоморохи,
Вы куда пошли да по дороге?»
«Мы пошли на инишное царьство
Переигрывать царя Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зетя его да Пересвета,
Ишша дочь его да Перекрасу.
Ты пойдём, Вавило, с нами скоморошить».
Говорил то чадо ведь Вавило:
«Я ведь песен петь да не умею,
Я в гудок играть да не горазён».
Говорил Кузьма да со Демьяном:
«Заиграй, Вавило, во гудочик,
А во звольчатой во переладець.
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочик,
А во звоньчатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил.
.....
Ишша то чадо да тут Вавило
Видит, люди тут да не простые,
Не простые люди-те, светые:
Он походит с има да скоморошить.
Он повёл их ведь домой жа.
Ишша тут чесна вдова да тут Ненила
Ишша стала тут да их кормити.
Понесла она хлебы-те ржаные.
А и стали хлебы-те пшонные.
Понесла она куру-ту варёну,
Ишша кура тут да ведь взлетела.
На печьней столб села да запела.
Ишша та вдова да тут Ненила
Ишша видит, люди тут да не простые,
Не простые люди-те, светые,
И спускат Вавила скоморошить...

У истока

его

судьбы

Год
Фёдора
Абрамова

Марья Дмитриевна Кривополенова, в обиходе Махонька, – персонаж романа Фёдора Абрамова «Чистая книга», над которым писатель работал в последние годы. А исток жизни самого автора (февраль 1920 года) – это окончание на Севере интервенции и Гражданской войны. О времени, предшествовавшем появлению Фёдора Абрамова на свет, рассказывается через судьбу удивительной землячки, которая спустя десятилетия стала героиней его художественного произведения.

Олег ЛАРИН

ОЧАРОВАННАЯ СТРАННИЦА

Летом восемнадцатого года Марья Дмитриевна кинулась в Архангельск, прорвалась, можно сказать, сквозь частокол заградительных постов и застав, но там уже было не до неё. Город недоедал и недосыпал, наполнился слухами, маялся ожиданием неизбежных политических перемен, в которых одни отдавали предпочтение Советам, другие надеялись на приход иностранной эскадры под эгидой Антанты.

Второго августа под гром оркестров на пристани Архангельского порта высадились английские, американские, французские солдаты-легионеры, и молодой русский красавчик-прапорщик преподнёс командующему объединёнными войсками генералу Ф. Пулю традиционные хлеб-соль. В разношёрстной толпе, окружившей пристань, было много офицеров царской армии, которые чувствовали себя хозяевами положения. Цепь малых стычек на Севере закончилась, началась одна большая война.

Прожив несколько дней в гостеприимной семье Бориса Шергина, добыв каким-то образом «союзнический паёк» в количестве одного фунта сахара кускового и одного фунта сахарного песка вместе с пшеном и рисом, бабушка возвращалась снова на Пинегу.

Олег Игоревич Ларин – известный публицист, прозаик. По месту жительства москвич, но бесконечно предан северной старине. Многие его документально-художественные книги посвящены людям и истории Русского Севера.

Ворох новостей посыпался на неё в доме Прасковьи Андреевны Олькиной: восставшее население городка захватило склад военкомата с оружием и установило в уездном центре старую власть. Весь исполком в полном составе сидит нынче в тюрьме, во дворе дома Зычихи – той самой Зычихи, продувной, оборотистой бабы из володинских прихлебателей, которая в своё время просила у Совета денег на ремонт прогнившего острожного помещения. В просьбе ей тогда отказали недальновидные комитетчики, и вот теперь она измывалась над своими арестантами: кабы не ваша скупость, господотоварищи, сидели бы по-людски и с удобствами, а теперь мучайтесь на гнилых досках!

В Карпогорах тоже было беспокойно – подняли голову зажиточные мужики-кооператоры из Никитинского общества, разогнали Совет, восстановили земскую управу. Опять, как и прежде, правят в деревнях старосты, и народ вроде как помалкивает, не бунтует, весь ушёл в себя. Невозможно, даже несуразно подскочили цены: за мешок муки давали семь шкурков песка, за фунт чая – оленью тушу, за фунт пороха – пять оленьих шкур.

Не ручаясь за достоверность, Прасковья Андреевна сообщила ещё, что с верховьев Пинеги на плотах и по берегу идёт банда большевистских головорезов, которые занимаются грабежом, сжигают деревни, насилуют женщин, сажают на кол тех, кто кричит против Советов и комбедов, – так, по крайней мере, болтали беженцы на пристани. Не поверив слухам, Марья Дмитриевна отправилась к своему знакомому, земскому врачу Полонскому, занимавшему большой пост в городской управе, и тот подтвердил: да, идёт сила немалая, только никакая это не банда, а красноармейский отряд особого назначения под командованием Щенникова-Кулакова, и не сегодня-завтра он займёт Суру, а потом и Верколу. Не случайно командование готовит против него войска.

Бабушка подумала-подумала и стала собираться домой в Шотогорку. Некогда тихая, уютная, располагающая Пинега превращалась в шумный военный лагерь, отовсюду звучала незнакомая гортанная речь, чадили походные кухни, гремели оркестры, летела пыль из-под чужих сапог, над крышами домов то и дело кружил аэроплан, пугая до смерти овец и престарелых, – и Махонька засуетилась, забегала, собирая жалкие свои пожитки, и, как ни уговаривала её Прасковьюшка погостить ещё недельку, поковыляла вечером на пристань к буксирному пароходу «Мужик»...

Побираясь по деревням, ещё хранившим вековой, кондовый уклад, Махонька видела кругом надрывавшуюся от слёз бедность. Почти в каждом доме – печальные, хватающие за душу рассказы о братоубийствах, о зверствах красных и белогвардейцев. Война заглянула в эти дома ненадолго, но память, которую оставили по себе солдаты иностранного легиона вкупе с бородатыми мужиками из местных, была страшной и отвратительной. Война развела в стороны до того крепкие и дружные семьи: брат стрелял в брата, отец – в сына. Расстрелянные избы зияли брешами, а в глазах детей и стариков метался пережитый страх.

Встретившийся старухе знакомый богомолец с низовьев рассказывает о том, как под Усть-Почей, где шли жестокие бои, расправлялись с пленными красноармейцами. На шею им накидывали удавные петли и привязывали к седлам кавалеристов. «Если угонитесь – будете жить. Не поспеете – отправляйтесь к Богу в рай».

В деревне Вихтово прохожие случайно наткнулись на бежавших с острова Мудьюг каторжан. Оборванные, болезненные, много дней не евшие хлеба, стояли они перед крестьянами с протянутыми руками. Вид недавних узников был страшен. Слушая их рассказы, пинежане верили и не верили: как вообще эти люди уцелели и выжили?..

И ещё одна молва, на сей раз из Верколы, всколыхнула привыкших к гримасам войны пинежан. Матрос Коська Щеголихин, чекистский начальник, на глазах у верующих выпотрошил мощи блаженной памяти Артемия Праведного. И как только рука поднялась у ирода! Артемий Веркольский был местночтимый святой, он собирал на престольные праздники огромные толпы из ближних и дальних уделов: сам Бог прославил мощи праведника чудесами, сам отец Иоанн из Кронштадта прикладывался губами к его священной раке!.. Народ не мог простить такого богохульства..

Гражданская война и интервенция шли своим чередом, обрастая множеством слухов и склоняя население то к одной, то к другой противоборствующей стороне. Ничто не являлось таким сильным аргументом против власти, как отсутствие хлеба. В рядах белогвардейцев и интервентов всё чаще вспыхивали бунты; случалось, что целые воинские части из насильно мобилизованных крестьян переходили на сторону Советов. «Скоро год, как союзники здесь, а русской армии как боевой единицы... не существует», – заявил представителям правительства Северной области командующий войсками Антанты генерал Ф. Пуль, и вскоре английские и американские батальоны стали покидать Архангельский порт.

«Мы остаёмся одни. Перед областью выбора нет: Север либо побеждает, либо постыдно несёт комиссарское ярмо», – кричали на сходах сторонники правительства Чайковского, призывая залатывать дыры на фронте, образовавшиеся после ухода союзнических войск. В спешном порядке шло формирование «национального ополчения» из пожилых зажиточных крестьян.

В то же время у регулярных частей Красной Армии и партизан не было достаточных сил, чтобы окончательно добить противника и установить власть Советов на Севере. Война снова приняла локальный затяжной характер. Летучие отряды белых появлялись то в одной, то в другой деревне, устанавливая на короткое время прежние порядки.

Решив не искушать судьбу, Марья Дмитриевна возвращалась в Шотогорку. У ручья вблизи деревни Чёшегоры ей встретились две дородные жонки, стиравшие бельё.

– Куда ты, бабка? Стреляют! – остановили её напуганные голоса. – Нонче ведь никто не ходит...

– Домой попадать нать, – как ни в чём не бывало отвечала Махонька. – У вас тут какая власть?

Гравюра
П. Павлинова,
1916 год

– Белые, – не сразу ответили жонки и посмотрели на неё строго и подозрительно. – А ты за кого, бабка?

– Белые меня не съели, а красные и подавно не съедят. Пойду к красным! – И она затянула былинку о том, как поднимался на святую Русь собака-злодей Калин царь, а «за ним сорок царей, сорок царевичей, за ним сорок королей, королевичей...»

Успокоились чёшегорские бабы – узнали глос славной сказительницы Махоньки, что по городам представляла на театрах, показали ей потайную тропку, чтоб не наткнулась она часом на белых дозорных солдат.

А в деревне тишина стоит, будто повымерли все, даже собаки не лают и колодцы не скрипят. Прибежала к бабушке соседка, умоляет в её дом перейти, вместе ночевать.

– Красных ждём. Страховито!

– А мужик-то твой где? – допытывалась Махонька.

– В погреб сидит. Дрожит как овечий хвост!

– Да что он безумничает! – рассердилась Марья Дмитриевна. – Время-то знаешь какое? Найдут красные – убьют!

И пошла храбрая старушка по дворам – вытаскивать шотогорских мужиков из подполья. Стыдила их, уговаривала: «Кто тронет, как вы в доме-то своём? А в погреб увидят, осердятся – обязательно убьют. Вылазьте, мужики!»

Красные пришли на следующий день, никого не тронули, кто в своих домах оставался, а «подпольщиков» арестовали. Побежала тогда бабка к красному начальству. Для пущей важности показала книжку с собственным портретом, которую для тепла носила у себя на груди. Кто-то из красноармейцев узнал сказительницу, начальник отряда выдал ей ржаную ковригу и полфунта сахара, а в отношении арестованных обещал разобраться: как-никак военное положение...

Зиму 1920 года Марья Дмитриевна провела в чужом доме, нянчила малых детей...

ОТ РЕДАКЦИИ. «Нянчила малых детей», на Севере говорят ещё: водилась. Как знать, не водилась ли Махонька и с махоньким Федюшкой. Может, укачивала его, баюкала. Может, мурлыкала ему колыбельные и досюльные старинки. Ведь не случайно же в сердечной памяти писателя возникли впоследствии и древние песни, и старинки, а с незабвенной Марьюшкой они – сам-друг – поаукались судьбами.

Автор этого письма – сестра Ф. А. Абрамова Мария Александровна. Адресовано оно писателю И. П. Золотусскому, который после кончины Фёдора Александровича взялся писать о нём книгу. Она вышла в 1987 году. Игорь Петрович был почётным гостем театрального фестиваля «Родниковое слово» (май 2010 г.) и любезно поделился с «Двиной» своим архивом. Печатается с небольшими сокращениями.

«НЕ УМИРАТЬ РОДИЛСЯ — ЖИТЬ»

Многоуважаемый Игорь Петрович!

Получила Ваше письмо, большое спасибо, что Вы помните моего брата. Вот уж несколько дней думаю, что и как рассказать о моих родителях, братьях, тётушке Иринье Павловне. Не знаю, смогу ли я ответить полно.

Родители мои крестьяне. Всю жизнь занимались крестьянским трудом: пахали землю, сеяли хлеб, заготавливали корм скоту, как и все крестьяне. Отец Александр Степанович умер рано. Обувь была плохая, застудил ноги. Ногу отняли. Писал из больницы из Карпогор маме, чтоб обувь ребятам, т. е. нам, не отдавала в починку, сам придет скоро и починит. И вдруг телеграмма: «Приезжайте за телом!» Была распутица, и старший брат Михаил (ему всего было 15 лет) один ездил за мёртвым отцом. [Осталось нас у матери 5 человек.] Феде был только годик, мне – 2,5 годика и братья: Вася, Николай до 10 лет.

Мать в семье была самой младшей. Мой дедушка (её отец) умер рано. Землёй был наделён только один он. А у бабушки было 5 человек детей, и все девчонки. И всю жизнь до замужества ходили по работницам, чтоб прокормиться. А мама моя побиралась с коробкой в руках. «Помню, – говорила она, – снег-то начнёт таять, а я босая ходила, с проталинки на проталинку перескакиваю, ногу подтяну под себя и опять бегу». Вот такое было её детство.

Мать говорила, что отец никогда на неё ни разу рук не приложил, плохим словом не обозвал.

Когда гроб с телом отца стоял в избе, женщины всё просили, чтоб малого Бог прибрал, т. е. Федю. Мать сказала: «Не умирать родился – жить». Тогда женщины сказали, что Степанида, видно, помешалась с горя.

Да, мама хлебнула горя с недостатком.

Нужно было всё самой делать и моему старшему брату. Он с 15 лет стал робить за мужика. Тут и Николай с Василием помогали. Потом и мы подросли, тоже стали помогать. Вода, дрова, корм для скота – это наша с Фёдором была работа. На мельницу с ним тоже ночевать ходили, чтоб мельник наше зерно смолот.

Мама о нас заботилась. Никогда не давала лечь спать голодными. Если уснём, то будила нас и заставляла есть. Федю особенно оберегал старший брат Михаил. Но и нас он никогда не наказывал. Михаил и Николай работали зимой на лесозаготовках. Домой приезжали, чтоб сена и дров привезти, в бане помыться и забрать хлеба, картошки и др. продуктов. Михаил учился 3 года в школе, столько и Николай. Ведь нужно было работать.

Во время страды старший брат забирал всех на сенокос на дальние пожни, вёрст за 30. Мы с

мамой оставались дома. Мама жать уходила на поле, а я должна травы корове и овцам наносить. Вечером прибрать их, воды и дров наносить. В лес сходить за голубикой.

Вася, брат, учился в школе. Но в середине года из 7 кл. ушёл (поступил работать переписчиком в какую-то контору). Деньги были нужны.

Я же в школу пошла поздно, мать не хотела меня вообще отпускать в школу: надо было пряхть, ткать. Только по настоянию старшего брата двенадцати лет я пошла в школу.

Федя учился впереди меня. Он семи лет в школу пошёл. Учился хорошо. Помню в 3 кл. ему дали премию за хорошую учёбу: матери на брюки и ситцу на рубашку. Радости у нас у всех не было конца.

Валенки катать Николай научился, и обувь шить тоже. И нам с Федей катал валенки и бахилки из старых голяшек от больших бахил шил.

А одежду нам шила тётушка Иринья. Она ходила по домам и шила одежду за харчи, так и кормилась.

Когда к нам приходила, у нас был праздник. Мы любили сидеть около неё. Вдевали нитку в иголку, т. к. она уже тогда плохо видела, хотя и были очки, но, наверное, уже были слабы. Вот так тётушка и обшивала нас всех. Холст, что мы с мамой выткали, мама красила в ольховой коре и им потягала тётушка шубы. Овчины мама сама выдывала, а отминали с овчин тесто мы с Федей. В бане нас мама мыла по очереди. Нажарит нас веником, и мы с Федей прямо в сугроб выедем и купаемся.

В избе у нас всегда зимой было холодно. Стены сырые. Мы спали с ним и с мамой на печи или на полатах. Неважно жили, но всегда были сыты. Об этом мать заботилась.

Федя с 5 кл. уже не жил зимами в Верколе, т. к. семилетки в Верколе ещё не было. Учился он в Карпогорах. Там он был первым учеником.

Брат Василий заочно закончил семилетку, потом техникум учительский, потом (после войны) учился в партийной школе в Архангельске 2 года и одновременно закончил пединститут.

Я тоже заочно закончила педучилище, потом, когда 13 лет проработала в школе, Вася приказал поступить в институт заочно. Поступила. Он приказал перевестись на очно. И я закончила в 1952 году учительский институт. В Новодвинске проработала 20 лет в школе, и теперь 13-й год на пенсии.

Никого у меня больше не осталось, кроме племянников.

Мама умерла мучительной смертью, почти голодом.

Когда началась война, мы получили телеграммы от Федей из Ленинграда и от Николая из Архангельска, что едут на фронт. В это же время Вася ушёл добровольцем, и старший брат вместе с ним тоже уехал.

Мама пришла, пошла за молоком в кладовку, упала, и её парализовало. ...Около 5 лет так она мучилась и вместе с ней мы.

Завтра, т. е. 22 декабря, исполняется 15 лет, как умер Вася. Хоронили мы с Федей. А вот Федю хоронила только я.

Больше не могу писать. Простите меня... Слезы застилают глаза, не могу.

С уважением к Вам Мария Александровна.
21/ХІІ-84 г.

Виктор ТОЛКАЧЁВ

ШАГИ К СУДЬБЕ

Федя Абрамов в документах

Говорят: как корабль назовут, так он и поплывёт.

И на Руси, особенно на Севере, всегда верили, что между именем, которое получил человек при рождении, и его судьбой существует незримая, но неразрывная связь.

29 февраля 1920-го, когда в многодетной крестьянской семье Абрамовых в селе Веркола, что на Пинеге, родился сын, по святцам был Касьянов день. Житие рисует этого святого сыном благочестивых родителей, юношей, устремлённым к знаниям и высокому служению Богу, целомудренным и чистым душой... А по необъяснимому народному наговору он – завистлив, немилостив, недоброжелателен, скуп: «Касьян, на что ни взглянет – всё вянет», «Касьян на народ – народу тяжело. Касьян на траву – трава сохнет. Касьян на скот – скот дохнет».

«Ну как такое имя ребёнку дать? Будет потом упреков от парня, когда вырастет», думала в смятении мать младенца Степанида Павловна и упросила священника не нарекать его именем Касьяна, а поискать что-нибудь более привычное. Ближайшим в святцах оказался «Фёдор», что в переводе с греческого означает «дар Божий».

На том и поладили.

Но ещё был Фёдор Стратилат – стратег, воин; Фёдор Тирон – оберегатель христиан; Фёдор Черниговский – князь, внук Владимира Мономаха, автора знаменитого «Поучения». Так что, благодаря матери, много чего замесили в характер её сына – будущего воина и писателя-правдосказателя Фёдора Абрамова его небесные покровители...

Через год умер в больнице глава семьи Александр Степанович Абрамов. На руках матери осталось семеро: старшему – 15, младшему, Феде, два года. И тогда Степанида Павловна взяла и повела своей твёрдой и уверенной рукой семейную ладью по беспокойному житейскому морю. Основой уклада и отношений в семейной артели стал истовый, как молитва, крестьянский труд.

С семи лет Федю вывозили уже на дальние покосы...

Удивлялись односельчане тому, что «творила» ребячья семья с бабой вдовой во главе. Когда начались колхозы, в хозяйстве было уже две лошади, две коровы, «сенной» бык, полтора десятка овец...

И записали их «середняками».

Но не только труд ставил Федю в жизни. Душу его помогала рости́ть другая труженица – сестра матери, книжница, староверка тётушка Иринья. Она рано приохотила Федю к чтению, вносила в семью душевный свет, доброту, свой молитвенный мир – мир «древлего благочестия». И наверняка имя и слово неистового праведника, проропа Аввакума, с детства входили в память и душу отрока, формировали его чувства, мировоззрение, характер.

Графика
Юрия Воронова

Федя Абрамов (справа). Карпогоры. 1934 г.

Фёдор
Абрамов –
ученик
9 класса.
Карпогоры.
1937 г.

Учился он в школе жадно и настырно. Документы – свидетели:

«Переводной список учеников Веркольской школы первой ступени. 1930–1931. Абрамов Ф. – Способный, активный. Принимал участие во всякой общественной работе».

В 1932 году Федя окончил начальную школу отличником и пионером. Как раз в соседней деревне открылась первая школа-пятилетка. Приняли всех детей бедняков, детей красных партизан. А его, первого ученика, не приняли!

А потому, что сын середнячки.

Это была и горькая обида ребёнку, для которого ученье – всё, и первое испытание. В те дни он просто ненавидел и клял свою мать. Ведь это из-за неё, из-за её жадности к работе они стали середняками, а были ведь бедняками, голытьбой!...

Зимой его всё-таки приняли в школу-пятилетку.

Но испытания сына середнячки на этом не кончились.

Пришло время в комсомол вступать. Не приняли.

И снова обида – за что? Почему?

Трудно было нормальному ребёнку усваивать теорию классово-борьбы и практику «социального происхождения».

Только через два года, когда он учился уже в районной средней школе и его наставником, примером и образцом для подражания в жизни стал любимый учитель Алексей Фёдорович Калининцев, Федя, лучший ученик его, повторил свою попытку с комсомолом.

Протокол № 24

Заседания членов бюро Карпогорского РК ВЛКСМ от 6/X-36 года.

В присутствии членов бюро: ИВАНОВ, ДЕНИСОВ, ПАВЛОВ...

Слушали:

Решение первичной КСМ организации при Средней школе о приёме в члены ВЛКСМ АБРАМОВА Фёдора Александровича, год рождения 1920, учащийся 9 класса средней школы. Соц. происхождение из крестьян-середняков, по положению колхозник. Отличник учёбы.

АБРАМОВ – присутствует.

Постановили:

Решение первичной КСМ организации утвердить, тов. АБРАМОВА в члены ВЛКСМ – принять¹.

Дальше всё хорошо пошло, будто бы – «картина маслом». Федя уже член Ленинского Союза Молодёжи, лучший ученик, общественник. Кому, как не ему, выступить на районной комсомольской конференции от школы!

Сказали, что говорить. Проверили, что написал. 23 августа 1937-го Федя выступил в прениях по докладу секретаря райкома:

– *Вопрос политвоспитания является основным вопросом... В нашей организации был слабый рост, занятия проводились один раз в декаду, изучали текущую политику, был кружок по подготовке молодёжи в члены ВЛКСМ, но работы провели немного, о чём указывает рост – 54 человека... Пионерработа была поставлена не на*

должную высоту, отряды работали не все, было развито среди учащихся курение, хождение на вечеринки и т. д. В школе нет зала, ребятам негде провести своё свободное время... Помощь от РК ВЛКСМ была достаточна... Наша школа в этом году вступает в курс средней школы. Задача комсомольской организации – сделать выпускной класс – комсомольским.

Хорошо выступил, решили райкомовцы: о проблемах сказал, работу райкома отметил, дела с пионерами покритиковал, задачу поставил!

После этого большой вопрос о секретаре такой большой комсомольской организации, как районная средняя школа, был решён. Тем более Федя Абрамов уже не середняк-единоличник, а колхозник; не только лучший ученик, но и активный общественник; и говорить может...

Вот и сделаем его комсоргом! – решили райкомовцы.

Всего один оборот налаженной бюрократической машины и...

Протокол № 1

Заседания членов бюро Карпогорского РК ВЛКСМ от 28/VIII-37 года.

Слушали:

Сообщение тов. КОВАЛЁВА о проведении отчётно-выборного собрания КСМ организации при Карпогорской средней школе.

Постановили:

1. Отчётно-выборное собрание при средней школе утвердить.

2. Утвердить вновь избранный комитет в составе 3-х человек и секретаря комитета тов. Абрамова Фёдора Александровича, ученика 10 класса средней школы, в КСМ состоит с 1936 года, соц. положение крестьянин-колхозник¹.

Вдруг, из школы, из Карпогор, исчез Алексей Фёдорович Калининцев, любимый учитель, который вёл все естественные науки от ботаники и дарвинизма до геологии и астрономии и даже немецкий язык. Когда не было учебников, он сам изготовлял для учеников конспекты будущих уроков, да ещё со своими рисунками! Создал опытный школьный участок, в клубе – драматический кружок, струнный оркестр...

Куда он исчез? Взрослые что-то знали, но молчали. Дети ничего не знали, но тоже молчали. Страшное слово шелестело: враг народа... Что-то не то сделал? Или что-то не так сказал, а кто-то донёс...

Федя не знает, что делать. Но райком знает: мероприятия проводить!

Протокол № 1

Собрания учащихся 8–9 классов от 28-го января 1938 года,

с присутствием 47 человек.

Повестка дня:

О судебном процессе над «параллельным центром» (доклад И. Г. Фофанова).

Прения по данному вопросу:

Абрамов Фёдор и Новиков Александр – от лица учащихся 8–9 класса над троцкистскими шпионами, диверсантами, изменниками родины требуют высшей меры наказания. Ещё раз вскрывают двурушничество, подлость, измену родине, вредительскую работу презренных бан-

¹ ОДСПИ. Ф. 2390. Оп. 8. Д. 2. Л. 128–129.

¹ ОДСПИ. Ф. 2390. Оп. 9. Д. 1. Л. 9.

дитов, ставивших перед собой цель реставрации капитализма в России. Большевистская бдительность, отличная учёба – наш ответ на вылазки классового врага.

Постановили:

1. Просить верховную коллегию суда СССР над изменниками родины вынести самые высшие меры наказания.

2. Быть как никогда ещё более бдительными, уметь раскрывать врага, бороться с противонародными влияниями в нашей школе среди учащихся...

3. В ответ на это третью четверть ознаменовать успехами в учёбе, изжить плохие оценки и увеличить отличные.

4. Всем учащимся прочитать судебный процесс над троцкистами и извлечь из этого соответствующий вывод, а также вести разъяснительную работу среди младших классов.

Председатель собрания Абрамов

Секретарь Москвина

Трудно сейчас сказать, что чувствовал, о чём думал 16-летний сельский юноша Федя Абрамов, «требуя» от лица учащихся 8–9 классов высшей меры наказания над «троцкистскими шпионами, диверсантами, изменниками родины». Вполне возможно, искренне верил, что они враги.

16 марта 1938-го произошло ещё одно событие. Нагрянули работники райкома комсомола, собрали партийных педагогов, комсомольцев и объявили закрытое собрание первичной организации ВЛКСМ при Карпогорской средней школе. Присутствовало 15 человек¹.

В повестке дня – обсуждение поступка пионервожатой Алевтины Назаровой при проведении урока о Февральской революции.

Суть дела разъяснила секретарь райкома комсомола **Дерябина Н. Е.**:

– Товарищ Назарова на вопрос учащихся 6-го класса, «имел ли Троцкий ордена», дала неправильный, контрреволюционный ответ о том, что предатель Троцкий имел заслуги в прошлом, а этим самым дала повод, что он имел и ордена. Учащиеся спорили по этому вопросу 4 дня и обратились ко многим учителям. Назарова в комитет комсомола не сообщила, скрыла от комсомольской организации свой поступок.

Началось обсуждение.

Каракин К., старший пионервожатый:

– Назарова никогда своевременно не являлась на комсомольские собрания, совещания и прочее. С пионерской работой у неё за последнее время дело обстоит плохо, и мои указания как старшего пионервожатого считает ничем, что, мол, сама больше и лучше знает. Этот поступок её для всех комсомольцев послужит уроком, как факт политической неграмотности. Думаю, что Назаровой нужно дать выговор...

Родионов К., учитель:

– Алевтина Константиновна дала неверный ответ ученикам. Неужели она не знала, что он враг народа? Лучше бы неверный ответ не дала ребятам. Поступок очень серьёзный. Она знала контрреволюционную теорию Троцкого, поэтому не должна так отвечать ребятам. Сама

она серьёзности этого поступка не осознаёт, не признаёт и не придаёт ему важнейшего политического значения. Выговор за это ей мало. Думаю, что её нужно исключить из рядов ВЛКСМ...

Фефилов Я., учитель:

– Если отдельные учащиеся нарушают в школе дисциплину, то мы придаём этому факту политическое значение. Такой факт, сказать, что Троцкий имел заслуги перед революцией, было сказано сознательно. У неё в отряде есть вражда между пионерами, но она не придаёт этому политического значения. Моё мнение: Назарову исключить из комсомола.

Кобылина А., завуч школы:

– Алевтина Константиновна остаётся при своём мнении, что, мол, были в партии преданные люди, а сейчас свихнулись, а кто и как, этого факта не переживает. Моё мнение: исключить из комсомола.

Дерябина Н., секретарь райкома комсомола:

– Меня возмущает поведение Назаровой. 11 марта провела беседу, дала неправильный, контрреволюционный ответ. В ней есть зазнайство. Признаться в своих ошибках не хочет. Сваливает вину на комсомольскую организацию, якобы не наладили хорошо политучёбы. Зная, что Троцкий заклятый враг всего трудового народа, говорит о каких-то заслугах. Она не достойна быть членом ВЛКСМ.

Абрамов Ф., комсорг школы:

– Не могу этот политический факт обосновать как преступление, а считаю это серьёзной ошибкой, а нам урок, чтоб впредь таких ошибок не повторять. Думаю, что её в комсомоле оставить можно...

То было время всеобщего страха и массового доноительства в стране, когда «врагов народа» искали всюду, даже среди детей. И находили.

По сути, абсолютно правильный ответ пионервожатой вызвал такую реакцию идеологических функционеров и перепуганных учителей, что она стала политическим обвинением: сознательное, контрреволюционное, преступное действие пионервожатой.

Тем не менее, собрание постановило:

За контрреволюционное объяснение учащимся вопроса о враге народа Троцком, за непризнание ошибок, их замазывание А.К. Назарову из рядов ВЛКСМ исключить и снять с работы пионервожатого отряда № 3. (14 – за исключение, воздержался 1 – Абрамов Ф.).

Председатель – Москвина

Секретарь – Абрамов

Немало мужества понадобилось Феде Абрамову, чтобы побороть страх, не согласиться с грозными обвинениями и не проголосовать «за». Он «воздержался». Но в той обстановке даже такая попытка помочь обвиняемой грозила ему самому крахом судьбы. И потому, это был Поступок. Проявление характера твёрдого и совестливого.

То был шаг к судьбе.

Виктор Фёдорович Толкачёв – публицист, прозаик, автор нескольких художественно-документальных книг. За книгу «Священные нарты» удостоен Всероссийской премии имени Ф. А. Абрамова. Член Союза писателей России.

¹ ОДСПИ. Ф. 2390. Оп. 9. Д. 3. Л. 120, 167.

Суть

жизни

Год
Фёдора
Абрамова

Елена ГАЛИМОВА

«Работа – это, вероятно, самая высокая любовь...»

В творчестве русских писателей-традиционалистов, прежде всего – в прозе Фёдора Абрамова, Валентина Распутина и Василия Белова, содержится глубокое художественное постижение сути труда, его философии, этики и эстетики.

Как и все другие явления жизни, труд в творчестве этих писателей изображается с народных позиций, включаясь в систему традиционных ценностей. При этом у Абрамова, даже по сравнению с другими «деревенщиками», во многом близкими ему по духу и по взглядам, ценность труда подчёркивается особо, по сути – абсолютизируется. В слове в день своего шестидесятилетия, само название которого («Работа – самое большое счастье») говорит о приоритете труда в системе его жизненных ценностей, писатель, размышляя о русской деревне как основе национальной жизни, так характеризует сущность патриархального крестьянина: «...это тот человек, который жил по законам совести, по самым высшим неписаным законам, к которым на протяжении всей своей истории стремится человечество. Это человек... который руководствовался одной-единственной заповедью: жить без работы, не работать – это великий, самый великий грех».

Работа – главное содержание жизни абрамовских героев. И это чаще всего не просто работа, а труд до изнеможения, труд на пределе человеческих сил (а иной раз – и за пределами), когда «с осени до весны на лесозаготовках, потом сплав, потом страда – по неделям преешь на дальних сенокосах, – потом снова лес. И так из года в год». От такой работы, «не разгибаясь от зари до зари», – растрескавшиеся красные руки, похожие на сучья, у молодой красавицы-тетятницы Марии («Золотые руки»); мозоль во всё правое плечо у Пелагеи Амосовой, которая за «восемнадцать лет и одного дня не отдыхала»; свою пекарню она называет каторгой, жёрновом

каменным на шее. Безотказно, «как лошадь, как машина», работал в колхозе Павел Амосов. «И заболел он тоже на колхозной работе. С молотилки домой на санях привезли». Евгения, невестка Василисы Милентьевны, «с багром в руках... тринадцать раз прошла всю реку от вершины до устья». Читателю в пору воскликнуть вместе с этой абрамовской героиней: «Неужто человек только затем и рождается, чтобы с утра до вечера чертоломить?» Казалось бы, какая может быть радость от такого труда, едва ли не рабского, вынужденного, действительно каторжного?

В некоторых размышлениях о творчестве Фёдора Абрамова, особенно в трактовах зарубежных литературоведов и в откликах, появившихся в России в последние десятилетия, после изменения государственного устройства нашей страны, подчёркивается именно такой – подневольный, рабский характер труда героев писателя, при этом сами герои изображаются прежде всего как бесправные жертвы государственной системы. Так, А. Немзер, утверждая, что в романе «Дом» показано, как «работа – после исчезновения скреп страха и голода – стала для большинства дурацкой обузой», по сути дела, только этими причинами – страхом и голодом, с помощью которых извечно управляли рабами, – объясняет трудовой подвиг пекашиинцев во время войны и в послевоенные годы.

Но герои Абрамова, несмотря на суровые условия их жизни, на зависимость от государства, – не рабы, никогда рабами себя не ощущали и психология их совсем не рабская. В романе «Дом», действие которого происходит в благополучные семидесятые, вспоминая, что пришлось пережить в войну и после войны, в «страшные времена, когда ребята всю зиму, сбившись в кучу, отсиживались на печи», Лиза Пряслина размышляет о том, что, как это ни удивительно на первый взгляд, «никогда у них, у Пряслиных, не было столько счастья и радости, как в те далёкие незабываемые дни». И не только она так вспоминает это время. «А старухи, вдовы солдатские, бедолаги старые, из которых ещё и поныне выходит война? Уж их-то, кажись, от одного поворота головы назад должно бросать в дрожь и немочь. Тундру сами и дети годами ели, похоронки получали, налоги и займы платили, работали от зари до зари, раздетые, разутые... А ну-ко, прислушайся к ним, когда соберутся вместе? О чём толкуют? О чём чаще всего вспоминают? А о том, как жили да робили в войну и после войны. Вспоминали, охали, обливались горючей слезой, но и дивились. Дивились себе, своим силам, дивились той праведной и святой жизни, которой они тогда жили. И недаром... когда собравшись у неё старухи по привычке завели разговор о войне, старая Павла со вздохом сказала: «Да ведь тогда не люди – праведники святые на земле-то жили»».

Герои Фёдора Абрамова, как и их создатель, любят работать.

Об этом прямо заявляет «ветошная голубоглазая старушонка» Настасья Степановна из вошедшей в «Траву-мураву» миниатюры «Во

крестьянстве выросла», которая совсем не нуждой, не необходимостью объясняет своё решение не уезжать из своего дома к зовущим её детям, не отказываться от коровушки, с которой ей *«жить весело»*. *«Робить хочу, – говорит она. – ...я люблю работать»*. Героиня другой миниатюры, старая Пахомовна, просит поставить ей на могилу вместо памятника плуг (*«Памятник»*).

Та же Пелагея в конечном итоге приходит к осмыслению невозможности ощущать полноту жизни без казавшегося непосильным грузом труда: *«Всю жизнь думала: каторга, жёрнов каменный на шее – вот так такое эта пекарня. А оказывается, без этой каторги да без жернова ей и дышать нечем»*. Раззадорившись на сенокосе, Михаил Пряслин, которого никто не подгоняет, не понуждает, более того – никто не видит (он работает на дальнем сенокосе один), не найдя, *«с кем бы помериться силёнкой, кого бы на соревнование вызвать»*, самозабвенно соревнуется с солнцем: *«Ну и жали, ну и робили! Солнце калит, жарит двадцать один час без передыху – и он: три-четыре часа вздремнёт, а всё остальное время – коса, грабли, вилы»*. О крестьянке Аграфене Артемьевне из повести *«Мамониha»*, обкашивавшей траву вокруг дома, повествователь говорит: *«Она вся была в работе. И как для истинно набожного человека во время молитвы ничего не существует вокруг, так не существовало сейчас ничего на земле и для неё»*.

Для них работа – не принудительная трудоповинность, а главное содержание жизни, способ осуществления полноты своего существования в мире. *«Работа»* и *«жизнь»* для абрамовских братьев и сестёр – синонимы. *«Дай ты мне что-нибудь подделать. Я ведь жить хочу»*, – просит Пелагею старая мать за три дня до смерти.

Если работа в народном сознании равнозначна, равновелика жизни во всей её полноте и необозримости, то, разумеется, нельзя сводить её бытийный смысл только к производству материального продукта, к утилитарной, практической пользе. Но и умалять эту практическую цель труда – обеспечить существование человека, семьи, общества – нельзя: она всегда была главной. Эта самая основная, самая очевидная аксиома народной жизни: чтобы выжить, необходимо работать, – никогда не подвергалась сомнению. Апостольское слово: *«...яко аще кто не хочет делати, ниже да яст»* (*«...если кто не хочет трудиться, тот и не ешь»*) (2 Фес. 3: 10) созвучно русской народной мудрости: *«Есть работа, есть хлеб»*, *«Труд кормит и одевает»*, *«Бог труды любит»*. Или, как говорит одна из рассказчиц в *«Траве-мураве»*, *«работа всё родит»*.

Однако эта самая очевидная польза труда – стяжание его продуктов, результатов в натуральном или денежном воплощении – далеко не единственное, что обеспечивает ему такую высокую оценку народа. В национальном сознании и в творчестве писателей, запечатлевающих его, труд – абсолютная ценность (*«Человек рождён на труд»*), при этом смысл его не одномерен; труд приносит как земные, материальные плоды, так и неосозаемые, духовные.

Так, работа помогает героям произведений Абрамова обрести душевное равновесие, утишить

бурю страстей, прийти в себя. Степан Андреевич Ставров, чтобы успокоиться, всегда принимается плотничать: *«и горе, и радость топором вырубает»*. У Михаила Пряслина на сенокосе с потом выходят *«все нервы и психи»*. Измученный мыслями о причинах неурядиц, не в силах найти ответы на вопросы, *«почему поля запущены, почему покосы задичали»*, он лечится трудом: просветляется душа, умиротворяется, забываются тягостные раздумья: *«Всё вымело, всё вычистило работой»*.

Умиротворение, которое испытывает хорошо потрудившийся человек, отражается и на его внешности. Повествователь в *«Деревянных конях»*, глядя на Василису Милентьевну, вернувшуюся из леса *«с двумя большими берестяными коробками на руках, полнёхонькими грибов»*, замечает, *«сколько благостного удовлетворения и тихого счастья было в её голубых, слегка прикрытых глазах. Счастья старого человека, хорошо, властью потрудившегося и снова и снова доказавшего и себе, и людям, что он ещё не зря на свете живёт»*. И вспоминает свою покойную мать, *«у которой, бывало, вот так же довольно светлились в сияли глаза, когда она, до упаду наработавшись в поле или на покосе, поздно вечером возвращалась домой»*. Алька Амосова, думая о Пелагее, размышляет: *«А была ли счастлива мать? Какие радости она видела в своей жизни? Неужели же испечь хороший хлеб – это и есть самая большая человеческая радость? А у матери, как запомнила Алька, не было другой радости. И только в те дни добрела и улыбалась (хоть и на ногах стоять не могла), когда хлеб удавался»*.

Труд – и процесс, и результаты его, – удовлетворяет и эстетические потребности крестьянина. Красота и поэзия труда в единстве с его пользой открываются Лизе Пряслиной, для которой *«самой большой красой на земле»* становится *«голый выкошенный луг, с которого убрано сено»*. Говоря о Пелагее Амосовой, А. Рубашкин отмечает, *«как она умела красиво трудиться»*. Крестьянская утварь – *«и старый заржавленный серп с отполированным до блеска цевьём, и мягкая, будто медвяная чашка, выточенная из крепкого берёзового свала»*, которые рассматривает герой-рассказчик в *«Деревянных конях»*, – всё раскрывает ему *«особый мир красоты. Красоты по-русски неброской, сделанной топором и ножом»*.

Характер отношения к труду любимых героев Фёдора Абрамова определяется неустанной **потребностью** в работе, восприятием её не как тяжкой необходимости, постылого бременя, а, напротив, как радостной возможности творческой самореализации и служения людям. Они испытывают своего рода душевный голод, ненасытимую жажду труда. Михаил, целый день косивший без перерыва (*«Курил на ходу. Костра не разводил, чайника не грел – бутылку молока стоя выпил»*), к вечеру *«всё равно вдосталь не наработался. Когда солнце село и вокруг стала разливаться вечерняя синь, такая досада взяла, что хоть плачь»*. Он вспоминает, что Степан Андреевич, *«когда смолоду... страдал»*, однажды *«неделю не разжигал огня»*: *«жалко было тратить время на приготовление горячей пищи»*. А их односельчанин Ефрем, когда строил свой дом, так уставал

за день, что вечером не было сил на крыльцо подняться: *«Ползком вползал в избу. И всё равно – не наробился, всё равно, сказывают, каждый раз со слезами на глазах пенял Богу: "Господи, зачем ты темень-то эту на земле развёл? Пошто людям-то досыта наробиться не дашь?"»*.

О том, как всеобъемлюще значение труда в художественном мире Фёдора Абрамова, точно и ёмко сказал Г. А. Цветов: «В шкале нравственных ценностей труд для Ф. Абрамова занимает первое место. Не случайно и лучшие герои миниатюр Ф. Абрамова, как и "братья и сёстры" из тетралогии, повестей и рассказов, трудом искупают вину, трудом самоутверждаются на земле, в труде видят цель своей жизни, труду на благо соотечественников отдают все силы...»

И в размышлениях писателя, и в интуитивных прозрениях его героев, и в наблюдениях литературоведов и критиков явственно ощущима убежденность в том, что у труда есть, помимо всех частных, «прикладных», ещё и высшее, самое главное предназначение. Напомним, что необходимость трудиться Ф. А. Абрамов называл *заповедью*, а неисполнение этой заповеди – самым большим *грехом*, то есть включая труд в число христианских добродетелей. Но так ли это? Добродетелен ли труд в этом высшем – духовном смысле? Ведёт ли он человека по душеспасительному пути? Г. А. Цветов писал о том, что святость труда для Абрамова и его героев бесспорна и «освящена веками национальной истории». Но, возможно, это справедливо лишь в отношении народной этики, которая может не всегда и не во всём совпадать с христианским вероучением?

Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский, в «Беседе о трудолюбии» напоминая слова святого апостола Павла из Второго Послания к коринфянам: «Во всем представляющее себе якоже Божия слуги, в терпении мнозе, в скорбех, в бедах, в теснотах, в ранах, в темницах, в нестроениях, в трудах», – называет труд одним из «более неизбежных и более удобоносимых» «бремен», необходимых человеку. Святитель размышляет о том, что сам по себе труд как действие не является ни добродетелью, ни пороком. Он может и вредить душе человека, и быть спасительным, всё зависит от характера труда, а главное – от отношения к нему. «Труд поневоле много ли лучше, нежели труд вола, несущего ярмо и влекущего плуг? И не сугубо ли тяжек, во-первых, собственно тягостию труда, во-вторых, тягостным чувством неволи?» – вопрошает он. Но даже и такой, подневольный, принудительный труд может стать менее тягостным и полезным для души, если человек сумеет изменить отношение к нему, «заменяя подавляющее чувство неволи удобоносимым бременем нравственной необходимости, разумно сознаваемой». Такой же нравственной корректировки, ценностной переориентации требует, по мысли святителя Филарета, и труд по страсти (чаще всего – из корыстолюбия), и труд из честолюбия.

«Беседа о трудолюбии» раскрывает учение о труде, каким оно содержится «в источнике христианского любомудрия». Приведем слова из Книги Бытия: «Взя Господь Бог человека, егоже созда, и введе его в рай сладости, делати его и хранити» (Быт. II. 15), – митрополит Филарет задаётся во-

просом о том, зачем же было «райскому человеку назначено делати», коль скоро «рай не имел нужды в усиленном возделывании»? И находит ответ в «изречении премудрого», которое приводит Иоанн Златоуст: «Мнозей бо злобе научила праздность». Опасность безделья именно в этом.

Характерно, что в сознании русского народа целительное свойство труда как способа уберечь душу от разъедающего, развращающего влияния праздности было так очевидно и бесспорно, что это закрепилось в языке: словари в качестве антонима слова «труд» приводят не «отдых», как можно было бы ожидать, а «лень» (а глагола «трудиться» – «лениться»).

Ядром размышлений святителя Филарета о значении труда стали слова Иоанна Златоуста о том, что после изгнания из рая труд стал для каждого человека и для всего человечества не только наказанием Божиим, но и поучением к смирению, «которое должно вести к умилоствлению Судии Бога». Это исправительное средство, которое предписывается христианством человеку «уже не столько в качестве наказания, сколько в виде служения Богу». И «служение благу ближнего», напоминает святитель, «есть действительное служение Христу».

Отметим, что в памятниках русской письменности XVI–XVII веков – Домострое и сочинениях митрополита Даниила – говорится о трудолюбии и как о христианской добродетели, и как о способе в земной жизни уподобиться Христу: «И Господь убо въ плотстемъ смотреии, якоже рече Великий Василий, по первому возрасту родителем повинуюся, и всяк трудъ телесне кротко, с ними ношаше».

Если в знаменитом трактате начала XIII века папы римского Иннокентия III «О презрении к миру» (известном на Руси с XVII столетия под названием «Тропник») труд оценивается как наказание человеку за первородный грех, то в России уже примерно с XV века физический труд перестаёт восприниматься только как наказание и неизбежное зло, а становится средством спасения.

Это помнили и в это верили герои Абрамова, трудившиеся самозабвенно и жертвенно. Им внушали, что Бога нет, разрушив храмы и запретив молиться. Но им оставался труд. «Пуцай вместо молитв наша работа будет, – говорят старые крестьянки, ломившие всю войну и не менее трудные послевоенные годы. – Как думаешь, примет Бог-то заместо молитв нашу работу?»

Так относился к труду и сам Фёдор Абрамов, объяснивший своё кредо ясно и просто: *«Чему я поклоняюсь? Что я исповедую? Какая моя вера? Что больше я ценю в своей жизни? И от чего получал радости больше всего? Работа! Работа! Вы спросите, а любовь? Я и на это отвечаю... Работа – это, вероятно, самая высокая любовь, любовь к своей семье, любовь к своему дому, любовь к Родине, любовь к народу»*.

Елена Шамильевна Галимова – доктор филологических наук, профессор ПГУ, исследователь творчества Бориса Шергина, Юрия Казакова, руководитель областной писательской организации, лауреат Всероссийской премии «Имперская культура».

ЮНГА, ВЫРУЧАЙ!..

Начало трудовой биографии

Архангельск, весна 1945 года. На Северной Двине ледоход. Всё население города по сложившейся традиции собирается на набережной, чтобы полюбоваться этой величественной и прекрасной картиной. Река пробуждается от зимнего сна, стряхивает оковы! А вот среди льдин лавируют лодки – это практичные горожане стараются запастись дровами, вылавливают баграми плывущие брёвна и буксируют их на песчаный берег.

Для нашей семьи ледоход означает ещё и начало навигации: наша мама работает кассиром на пассажирском пароходе. Этой весной она обещала и меня устроить на пароход – юнгой (учеником механика). Она рассудила, что так я не буду без дела шататься по городу, да ещё и начну зарабатывать деньги. Кроме того, иждивенцам выдавали 300 г хлеба, а плавсоставу – целых 800 г. В те голодные времена это значило много!

Конечно, как все мальчишки моего возраста, я мечтал поступить в школу юнг на Соловках. Но решающее слово оставалось за мамой. И вот она сказала: «Завтра идём в отдел кадров оформлять тебя на работу».

Наступил мой первый трудовой день. Пароход стоял под парами.

Капитан, Николай Петрович Юрьев, приказал личному составу построиться и представил мне всех членов команды:

– Лена и Света – матросы, Петя и Игорь – кочегары, Татьяна Николаевна – кассир, Виктор Петрович – механик.

Это были мальчишки и девчонки 16–17 лет. Кассир немного взрослее (23 года). Самым старшим на корабле был капитан – ему исполнилось 27. В конце войны остро ощущался дефицит рабочих рук: основная работа, в том числе тяжёлая, физическая, легла на плечи детей и подростков.

В это время объявили посадку пассажиров. Я вслед за механиком спустился в трюм. Виктор Петрович показал, где располагается паровой двигатель, объяснил, в чём состоят мои обязанности.

«Тихий назад!» – донёсся из переговорного устройства приказ капитана.

– А теперь смотри, как управлять двигателем, – сказал мне механик. – Это вентиль, он регулирует количество пара, поступающего из котла в двигатель. Если открыть его полностью, то в двигатель будет поступать максимальное количество пара и корабль разовьёт максимальную скорость, а если закрыть – остановится. Это штанга. При поднятой до упора штанге корабль пойдёт вперёд, а при опущенной вниз – назад».

Корабль отшвартовался от пристани и отправился в очередной рейс.

Механик вручил мне маслёнку и объяснил, как смазывать трущиеся детали.

Первый рейс прошёл успешно. А в следующий раз мне уже доверили самостоятельно управлять двигателем. При этом механик не следил за мной, а постоянно находился в рубке вместе с матросом-рулевым и капитаном. Периодически коче-

гар просил меня выбросить шлак в речку через открытый иллюминатор.

Моя работа оказалась не очень сложной, но ответственной.

Как-то раз я выполнял команду капитана «Полный вперёд». Вдруг сверху, через люк на меня свалился механик и резко перевёл рычаг механизма на «Полный назад». Лишь позднее я узнал, что произошло. Оказывается, перед носом парохода внезапно появилась шлюпка с пассажирами. Пароход почти протаранил её – и тогда люди оказались бы в воде и попали под работающие винты. Их спасла молниеносная реакция механика.

Два месяца работы прошли спокойно. Я уверенно управлял паровым двигателем.

Однажды, когда я смазывал подшипник вала, над моей головой внезапно ударила струя горячего пара. Срочно вызвал механика, он установил причину возникновения аварии. На очередной остановке крышку парового двигателя сняли и заменили вышедшую из строя старую прокладку на новую. Герметичность двигателя была восстановлена.

Закончилась война. Вернулся из госпиталя бывший механик (он лечился несколько месяцев и ещё нуждался в длительной реабилитации). Его направили на работу на наш пароход вместо Виктора Петровича, призванного в армию.

Через неделю призвали в армию и кочегара. Кем его заменить? Подходящей кандидатуры на эту должность не нашлось...

Капитан позвал меня и сказал:

– Юнга, выручай!.. Поработай кочегаром несколько дней.

Пришлось согласиться.

Итак, я приступил к новым обязанностям. Лопатой бросал в топку парового котла уголь. Металлическим ломом длиной 2,5 м переворачивал шлак и уголь, горящие в топке; скребком такой же длины выгребал раскалённый шлак в лоток, расположенный перед топкой, и заливал его холодной водой, а затем выбрасывал через иллюминатор в реку.

За смену полагалось кинуть в топку около тонны каменного угля. Кроме того, кочегар был обязан следить за уровнем воды в котле (с двух сторон котла располагались водомерные приборы) и при необходимости наполнять его водой. После окончания рейса требовалось прочищать (банить) от золы и нагара 24 дымоходные трубки котла (по ним во время горения угля идёт горячий дым). Для этой работы использовался ёрш (банник).

Работа была очень тяжёлой. Конечно, 14-летний мальчик не мог справиться с ней в одиночку. Капитан понимал это и выделил мне помощника – с трудом передвигающегося матроса-инвалида. Командование пароходства, учитывая сложившуюся ситуацию, направило наш пароход по другому маршруту – самому лёгкому, в сторону Белого моря.

Наш пароход шёл по рукаву Северной Двины, изобиловавшему «кошками» (наносами речного песка), которые постоянно меняли своё расположение. Приходилось двигаться очень медленно. Матросы замеряли глубину реки длинными шестами. Несмотря на эти меры предосторожности,

случалось, носовая часть парохода садилась на песок («кошку»).

Первую вахту мы вместе с помощником выдержали. Давление пара в котлах удавалось держать только на 5 атмосферах (нужно было 7 атмосфер). Теоретически я был знаком с работой кочегара (недаром два месяца трудился рядом с кочегарами в машинном отделении). Но мне не хватало мастерства, а главное – силы. Периодически наш корабль обгоняли другие, более быстроходные. Матросы с этих кораблей, дразня и насмехаясь, показывали нам концы каната. Мы молча сносили обиду, только грозили им вслед кулаком, высовываясь из иллюминатора.

Так мы вдвоём отработали семь дней, обеспечивая работу двигателя и парового котла, пока на пароход не взяли сильного, обученного кочегара.

Так проходил день за днём. Пароход перевозил пассажиров, гражданские и военные грузы. В любое время на палубе корабля при необходимости можно было установить орудие.

Случались авралы – например, когда нужно было загрузить уголь в трюмы, – и тогда мы все дружно выходили на работу. Конечно, такие авралы сильно выматывали. Мой брат Владилен рассказывал, что однажды я пришёл с вахты и лёг спать, а через некоторое время вдруг поднялся с закрытыми глазами. Не просыпаясь, опустил ноги под кровать, и, держась за постель, потопкал что-то ногами. Потом лёг снова. Наутро, конечно, я ничего не помнил и не мог объяснить брату, что я делал во сне. Но, скорее всего, утрамбовывал в трюме уголь.

Уголь брали на пирсе порта Бакарица. Недалеко от угольного склада стояли под разгрузкой транспорта союзников с военными грузами. Мы видели, как разгружались английские танки «Матильда».

Но особенно мы любили разгружать бидоны с молоком, которые перевозились из колхоза в госпитали города. Ведь колхозники расплачивались с нами парным молоком.

В конце августа пришло время расставаться с молодёжным коллективом. Я уволился и приступил к занятиям в школе.

Четыре месяца службы на корабле пролетели незаметно. За это время я освоил работу механика, кочегара и матроса, научился дисциплине, исполнительности и работе в коллективе. Рабочая закалка очень помогла мне в жизни.

Борис МОЖАЙЦЕВ
г. Ростов-на-Дону

Борис Николаевич Можайцев, уроженец Архангельска, живёт сейчас в Ростове-на-Дону. В своё время закончил два института, работал хирургом-окулистом, кандидат медицинских наук, автор более 70 научных публикаций, на его счету 32 рацпредложения и три патента на изобретения (фото 1947 года).

КАК РАБОТАЕМ, ТАК И ЖИВЁМ

ЭТА МЫСЛЬ ПРЕСЛЕДОВАЛА
МЕНЯ ВСЮ КОМАНДИРОВКУ

Уверен, большинство сегодняшних россиян совершенно не способны вообразить себе, чтобы бригада норвежцев гордо несла переходящее Красное знамя, заработанное за ударный труд на стройке. А ведь напрасно!

Стахановцы и король

Так вот, в 1945 году, когда север Норвегии был освобождён от фашистов, экономику и быт здесь пришлось восстанавливать, а точнее даже сказать, возрождать. Сами норвежцы этот период своей истории так и назвали – Возрождение, точь-в-точь как Ренессанс. Теперь в Хаммерфесте есть музей Возрождения, и там в экспозициях – документы и экспонаты того времени. Демонстрируется и переходящее красное знамя ударной бригады строителей, которые отстраивали разрушенный город, и знамя это, между прочим, красного цвета. Норвегия уже тогда была Королевством, но, как видим, социалистическое соревнование, ныне в России обильно поливаемое грязью, монархической Норвегии сгодились. Музейные фото норвежских «стахановцев» соседствуют в музее с портретом короля Хокона VII – их национального лидера, и ничего в том крамольного жители преуспевающей сегодня страны не видят.

Понятно, норвежцы никогда лентяями не были. Скажем так, прохладная среда их этнографического обитания не позволяла жить с прохладцей. Вот они и работали, заимствуя, пускай временно, и тот положительный опыт, который имелся в СССР. Не потому ли и преуспели?

Вместе с тем, на взгляд стороннего россиянина, норвежцы в общем-то и «не перерабатывают». Впрочем, как те же немцы, шведы или датчане, которых мне также довелось видеть в деле – на суше и на море. В том смысле, что жили они, как это у нас принято говорить, не рвут. И седьмым потом не исходят. Надобности в том нет. Всё настолько продумано и чётко организовано, настолько ответственен каждый из работников в технологической или другой иной цепочке производства, обслуживания, что «нештатные ситуации», из которых чаще всего и состоит весь рабочий день россиянина, у них крайне редки.

Наконец, самое главное. В отличие от нас, скандинавские трудяги сумели наладить дело так, чтобы плодами их физических усилий и творческого ума пользовалась не только некая олигархическая прослойка. Потому и живут они сегодня всей Европе на белую зависть.

Почему вы пьёте?

В Норвегии я не впервые – был на её крайнем севере, теперь вот – в срединной части, бывал и на юге. А первый раз съездила туда ещё в пору Советского Союза, два десятилетия назад, когда контакты между их Финнмарком и Архангельской областью только-только начались.

Так вот, нигде и никогда я не слышал ни одного скверного слова о простых россиянах, если хотите – об обывателях. Признаться, о наших политиках доводилось выслушивать много не лестного, а вот о простых людях – ничего дурного! И в этот раз тоже. Единственный вопрос, за который мне было всегда стыдно, а норвежцы, понимая этот нюанс, старались задавать его очень деликатно, – почему в России так много пьют? Они были милосердны, задавая этот вопрос, и потому тут же спешили добавить: да, мы понимаем, у вас была трудная история, много горя, русский человек много пережил... Но надо же как-то налаживать жизнь, думать о своих детях. Так почему же Россия так много пьёт, когда надо работать?!

«Гуляй, Россия!»

Почему Россия, при всём откровенно плачевном состоянии своей экономики, так много гуляет, норвежцам тоже непонятно. Традиционные посленовогодние загулы в 10 дней или вот последние четыре дня неких праздников, «совмещённых» с бывшим Днём Советской армии и Военно-морского флота – это из какой оперы?! Мы что – страна всеобщего достатка, самые сытые и самые обеспеченные? Дела все сделаны – некуда руки приложить?! А тут ещё и наше насквозь пошлое телевидение заходит в сплошной праздничной истерике: «Смотри, Россия!», «Веселись, Россия!», «Гуляй, Россия!».

Иллюстрация Саввы БРОДСКОГО к роману М.Сервантеса «Дон Кихот» (1975)

Неужели наши люди, а это миллионы телезрителей, не понимают, как травят подобным цинизмом их умы и души?!

Отдохнуть в Норвегии – святое дело. В субботу с 17 часов все «избушки – на клюшку»! В воскресенье по всей стране не работает ни один магазин, даже продовольственный! Поначалу я искренне недоумевал – как же так?!

– Нет, нет и нет! – горячо объясняли мне норвежцы, – выходной день должен быть отдан семье, детям. Наши профсоюзы за это боролись несколько десятков лет, это наше социальное завоевание...

Новая книга Олега Химаныча, как и предыдущие, посвящена флоту, только у «Визы Архимеда» необычный ракурс – это взгляд через призму юмора и сатиры, в некотором роде возвращение автора в журналистскую юность, когда главным его жанром был фельетон.

Один с сошкой, двое с ложкой

Летим из Тронхейма в Тромсё с промежуточной посадкой в Будё. До Будё лёту 45 минут, только «причалили» к терминалу его аэропорта, одни пассажиры – на выход, другие следом – в салон. То есть 150-местный «Боинг-737» тут как трамвай. Моментально к самолёту подкатывает бензовоз-заправщик «Shell». Машина вылизана до стерильности, сверкает нержавеющейкой, как медицинский инструмент. На цистерне – электронное табло. По нему и глядим, сколько топлива вливается в наш «боинг». Здесь же к багажному отсеку, а он прямо под нашим рядом кресел, шустро подкатывает машинка с тележкой и тремя грузчиками. Из самолётного отсека по транспортёру плывут чемоданы и сумки, эти трое снимают их и складывают на тележку. Затем, уже с другой тележки, точно так же ставят на ленту новый багаж, а транспортёр несёт его во чрево самолёта. Стоянка в Будё – минут 20, у нас поезда порой стоят больше. Самолёт наш «отчалил» и уже через считанные минуты разогнался на полосе...

В Тромсё пересаживаемся на архангельский Ан-24. Самолёт стоит на отшибе, поскольку ни к одному из терминалов норвежского аэропорта он «не стыкуется». Нет, Ан-24 хороший, надёжный самолёт, но по древности конструкции и уровню комфорта для пассажиров ни в какие европейские «ворота» не лезет. Поэтому сначала идём по лётному полю и уже по трапику поднимаемся в салон. Там сумрачно, жёлтые лампочки горят, да ещё и не каждая, холодно, сырость и запах керосина будто впитался в его нутро. Видимо, так пассажирам дают понять, что самолёт заправлен топливом? В Мурманске останвка. К багажному отсеку самолёта подходят, как и в Будё, тоже три грузчика. Но двое из них оживлённо чешут языками, пока с багажом, естественно, без энтузиазма, вопкается один. Он же затем, таская из тележки по одному чемодану, выдаёт их пассажирам уже в здании вокзала. Тоже без энтузиазма. Очередь (в полутёмном накопителе), естественно, на взводе, ведь надо ещё пройти контроль и перерегистрацию на Архангельск. Вероятно, впервые левее тем же Ан-24 норвежцы подавлены ненавязчивым российским сервисом и растерянно озираются – куда попали?!

А, собственно, куда они попали? В страну, где вдвое больше чешут языками, чем работают. И это можно сказать не только в отношении тех, кто или осатанело пьёт, или не хочет работать на дядю-олигарха, известно каким образом приобретшего «свою собственность», но и в отношении чудовищно раздутого чиновничьего аппарата.

Вот как мы в России работаем, так и живём.

Олег ХИМАНЫЧ,
член Союза писателей России
Тронхейм–Будё–Тромсё–Северодвинск

Север
на широте
сердца

Год
Фёдора
Абрамова

Фёдор АБРАМОВ

ЗВУКИ, КРАСКИ И ЗАПАХИ РОДИМОЙ ЗЕМЛИ

ГРОЗА НАД ПИНЕГОЙ

Ещё с утра на западе синело. Стариков ломало. Потом часов в 8 поднялась громадная туча. Солнце ещё не зашло, и весь запад был в янтарном зареве, а вся середина неба была обложена тучей. Гром, молния. Смерч. Столбы песка. Волны на реке. Потом дождь. Всё смолкло.

Туча прошла стороной. Деревня скрылась за завесой дождя.

Вода фиолетово-чёрная, в кровавых отблесках. Кусты воют.

Июнь 1959

КРАСОТА ЛЕСА

Есть у леса красота света – это в марте, апреле. Потом – красота первой зелени (каждое дерево зеленеет по-своему). Потом – зрелость (зелень по цвету выравнивается – густая, глухая зелень).

Затем красота цвета – это в начале и в разгар осени.

И, наконец, ещё одна красота поздней осенью, когда облетел лист, – красота формы, так сказать, графическая красота леса.

Именно этот вид красоты мы открыли для себя сегодня.

Каменно-кремневый дуб. Судорожная, на взводе мускулатура ствола и скрюченных ветвей. Весь оцетинился, вызов всему миру: «А ну-ка, попробуй. Подходи!»

Напротив дуба – высокий, толстоствольный тополь – этакий русский молодец-гуляка.

Ствол вяза, прямой, с ровными спокойными желобками, похож на дорическую колонну с мелкой гранью.

Удивителен краснотал.

Голая глушь берёзовых веток – кружево в голубом воздухе. А кленочек маленький во всём стилиага – ствол подзеленил.

А сколько, если внимательно взглядеться в сучья сосны, увидишь разных зверей, зверюшек и человечков. Сучья-удава, зайцы и медведи качаются в голубом воздухе. А на одном суку – ни дать ни взять замерший перед прыжком с трамплина лыжник.

Молодой Конёнков и Эрзя умели читать сучья. Они вычитали в них всю русскую мифологию.

(И грустно и стыдно за наших художников.)

А какие краски, какие пятна!

А как великолепа кора сосны. То шкура жирафа (золотистая кора в пятнах солнца), то – слоновова кожа.

Особенно нас поразила одна ветка липы. Толстый ствол и резко очерченная ветка на голубом небе. Целая картина! (И в этой картине, вероятно, больше народности, чем во всех колхозниках, нарисованных нашими художниками.)

Октябрь 1963

ОПАЛЬНЕВО

Утро после ночного дождя. Голубые промоины в сером небе и девственно чистая, промытая дождём, благоухающая черёмуха.

23 мая 1971

ОПАЛЬНЕВО. НЕЗНАКОМАЯ ТРАВКА

Часовская пожня на опушке лаврентьевского леса. Травка чахлая, осока, жёлтый мох.

Но что это за светло-коричневые султанчики, раскиданные по всей пожне? Что за трава, как будто я раньше её тут не видал.

Подхожу ближе. Осинник. Молодой осинник, сантиметров 20 от земли. Когда же успел вырасти? Ведь траву на пожне косили в прошлом году. Должно быть, осенью всколосился, а за нынешнюю весну уже подрос.

Вот какая сила! Не выкоси её этим летом – к осени будет кустарник. А ещё через год от пожни останутся только воспоминания.

23 мая

* * *

Весна – великий художник, с редким чувством меры и красоты.

Взять – цветение деревьев, к примеру. Чтобы не сразу распустить их, покрыть цветом?

Нет, весна каждому дереву, каждому кусту даёт возможность выявить себя самим.

Сперва цветёт верба. Не ахти какой богатый цвет, но когда кругом голо, когда кругом нет ещё травы, не распустился лист – дивный свет исходит от неё.

Тут уже трава распустилась, зелёным ковром покрывается земля.

В лесу – возжигание паникадила. Такая чистота в этом цвете.

А ещё цветущая ива напоминает выводок цыплят.

Вслед за ивой зацветает черёмуха. Но черёмухе не страшно соперничество травы, цветов. С ней некому и нечему сравниться.

Потому что она так буйна в своём цветении, будто в белые колокола начинает греметь земля.

Или ещё одно сравнение напрашивается, сравнение, идущее от чистоты и непорочности цвета: белые ангелы спускаются на землю.

Рябина, цветущая вслед за черёмухой, скромна. На ней природа делает передышку, чтобы затем с новой, небывалой, опьяняющей силой радужным костром вспыхнуть в жасмине.

9 мая 1978

ИВА

Без листьев цветёт.

А если среди тёмной зелени ёлок, сосен, так и кажется, лес свою Пасху справляет, светоносную кадилницу возжёт.

Или ещё: невеста непорочная. Серёжки жёлтенькие, только что вылупившиеся из яйца цыплятки – беззащитные, наивные.

Я люблю это время, когда нет ещё зелени, когда все деревья ещё в почках, а она одна освещает перелески...

Радуйтесь. Воскресение пришло – как бы говорит верба.

На открытых местах верба быстро вызревает, а в тенистых сохраняет цвет долго.

Май 1978

БЕРЁЗА

Правильно сказал поэт: берёзовый ситчик.

18 мая 1978

ЗЯБЛИК

По сравнению с соловьём – простенько, наивно, незатейливо. Как самодельная дудочка-сопелка против какой-нибудь духовой трубы.

Зяблики – каждый утверждает на своей территории. Справедливости тут, как во всём, немного. Хорошо, если это лес заповедный. А если это обочина грохочущего шоссе, заплёванный простреливаемый динамиками лесок...

Поёшь, зазываешь, надрываешься весь день, а кто прилетит к тебе? Какая зяблениха позарится на такое подворье?

Я видел сегодня таких горемык-зябликов возле Приморского шоссе. Не позавидуешь.

Прыг-скок – на кустик, на валун, на пенёк, на ель – где виднее, где слышнее. И всё без толку: всё глохнет в рёве и грохоте снующих взад и вперёд машин.

18 мая 1978

ЧЕРЁМУХА – БЕЛАЯ ЯРОСТЬ ЗЕМЛИ

Ива чиста, целомудренна. Как непорочная, под белой фатой невеста. И скромна.

Это – зяблик в царстве деревьев.

Черёмуха – это соловей, который в своей страсти, в своём пении не знает пределов. Поёт в усмерть.

Черёмуха опьяняет – цветом, запахом. Это баба в неистовстве своей любви (а не девушка), доходящая до самоиступления, до гари (цвет её просто сгорает).

Черёмуха – это белая ярость налившейся зеленью земли. (На полях: Под конец противна: как пьяная гуляющая баба.)

18 мая 1978

КАМНИ

Промзелый день. Костёр не разжечь.

И вдруг они – камни, валуны, откровение поведали.

Красота северных валунов сродни северной природе – мягкая, скромная, даже стыдливая.

19 мая 1978

МУРАВЬИ-САМОУБИЙЦЫ

Всё Приморское шоссе, все асфальтовые дорожки и дорожки – к заливу, вдоль залива – осыпаны муравьями. Их давят машины, их топчут люди, а они всё ползает и ползает – в одиночку, кучками, целыми колониями.

Что это такое? Легче ползать по асфальту? Древние дороги свои вспомнили? Соблазны цивилизации – кому не надоест бездорожье?

А может, это самоубийцы? Сознательно идут на смерть ради сокращения численности своего вида?

В природе это бывает.

В Дубултах раз вечером вышли на залив – весь берег красный. От крови? От солнца? Нет, божьи микробами усыпан, выброшены из моря.

20 мая 1978

* * *

Природа наиболее разнолика и разнообразна дважды: весной, когда открывает глаза после зимней спячки и радуется жизни, и осенью, когда закрывает глаза, когда подводит итоги тому, что сделала за лето. Время мудрости, грусти, печали.

Летом природе некогда ни думать, ни красоваться: страда, рабочее состояние.

Из всех кустарниковых мне ближе, пожалуй, всего черёмуха. Своей одержимостью. И не потому ли я её так люблю?

27 мая 1978

РАСПЛАТА ЗА ТАЛАНТ

О том, что соловей первый певец в птичьем царстве, знают все. Но всем ли известно, где он живёт? В мокром кустарнике, на мочажине, возле глухих ручьёв, ям со стоячей водой, стариц, закисших озёрин. В общем – в невообразимой сырости.

Это плата за талант. Чтобы петь так самозабвенно, с такой неистовостью, с такой самоотдачей, как поёт соловей, надо постоянно остужать, прополаскивать раскалённое горло. А потом и о безопасности должен подумать соловей.

Такое пение – приманка для каждого хищника, для каждого недруга.

Влажный воздух нужен постоянно. Только во влажном воздухе петь можно.

Публикация

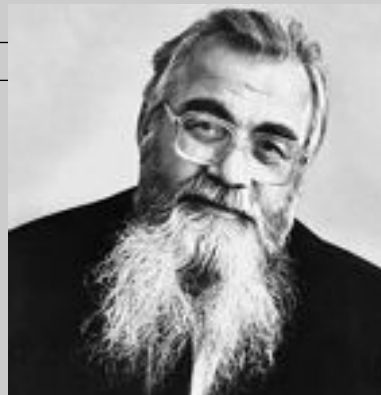
Л. В. Крутиковой-Абрамовой.

• От редакции. Книгу «Алые олени» (на обложке) нам подарила библиотекарь Архангельской школы № 4 Е. С. Сухих. На этом экземпляре стоит автограф писателя:

*Лилия Тамара Абрамова
27 мая 1978*

Семён ШУРТАКОВ

БУХТА ВСТРЕЧИ

К 75-летию
писателя
и гражданина
Виталия
Маслова

Мои и Виталия Маслова жизненные пути-дороги перекрестились в 1960 году, если и не на краю света, то уж определённо на краю земли – в той географической точке России, где великая сибирская река Лена впадает в Ледовитый океан. Меня занесло туда задание московского журнала, заинтересовавшегося, как идёт «прирастание России Сибирью», а Виталий нёс службу на гидрографическом судне с поэтическим названием «Иней», которое на ту пору оказалось в той самой точке – бухте Тикси.

Местное начальство приезд писателя в столь дальний угол посчитало явлением редкостным, едва ли не уникальным, и в просторном Доме культуры устроило многолюдный литературный вечер, в котором только ответы на вопросы из зала заняли больше часа. Именно этот вечер и оказался тем перекрёстком, о котором сказано выше, а так то ли я попал бы на «Иней», то ли нет – в Тиксинском порту бросают якоря десятки разных кораблей...

На другой день Виталий вместе со своим товарищем Иваном Жилиным пришли ко мне в гостиницу. Пришли, естественно, не с пустыми руками, а с рукописями.

Знакомимся. Иван и в том, как ведёт себя, и в стихах – весь нараспапку. В разговоре за словом в карман не лезет. Вообще-то, открытость – исконная черта русского характера, и, наверное, скорее положительная, чем отрицательная. Но говорить он торопится, и частенько с его быстрого языка слетают слова легковесные, не продуманные, а как бы первые попавшие. Такая же картина и в стихах: даже при беглом прочтении их резали глаз неточность, приблизительность, а то и полное несоответствие многих слов и образов.

Виталий сдержан во всём: и в слове, и даже в жесте. Речь его медлительна, словно сквозь тяжёлые жернова сначала проходит, прежде чем словесную форму обретает. Но уж скажет – как припечатает. Если же кому-то то и другое из сказанного оспорить захотелось, что ж, он выслушает, но на твои доводы, в свою очередь, приведёт новые доказательства правоты собственной точки зрения. Среди его стихов немало было достаточно серьёзных по своему содержанию. Однако им не хватало той поэтической лёгкости, которая только и делает вроде бы обыкновенные слова – поэзией. Не лучше обстояло дело и с прозой. В прочитанных мною записях будто солнечными пятнами в заповедном лесу проступали отдельные картины, пейзажные зарисовки, попытки постижения человеческих характеров. Но всё это было не более чем подступами, попытками выразить в слове увиденное и пережитое. По всему чувствовалось, что человеку есть что сказать, но он пока ещё не

умеет, не знает, как это сделать. Перед начинающим литератором как бы простиралась длинная и отнюдь не гладкая, с многими колдобинами, дорога – дорога обретения своего собственного языка, своего, лишь тебе одному присущего, стиля. И по этой дороге Виталий делал ещё только первые, самые первые шаги.

Разумеется, я не собирался запугивать парня великими трудностями пути, который он выбрал. Но в то же время и хвалить его пока было не за что, памятуя, что горькое лечит, а сладкое калечит. Так что будем считать, что у нас тогда, в бухте Тикси, просто состоялся серьёзный мужской разговор.

Не мной первым замечено: человеку свойственно мерить других своим аршином, то есть вольно или невольно «прикидывать», соизмерять собственную биографию с биографией кого-то из своих знакомых. Вот и я во время разговора с Виталием не раз вспоминал, как со своими первыми, далеко не совершенными сочинениями поступил в Литературный институт и потом проходил пятилетнюю школу на семинарах Фёдора Гладкова, Константина Паустовского, Леонида Леонова. Вот бы и Виталию или в нашем институте поучиться, или хотя бы разок-другой поучаствовать в семинарах молодых писателей, которые в те времена проводились у нас постоянно, систематически, как на областных, так и на республиканских и всесоюзных уровнях. Но как ему угадать на такой семинар, по семь-восемь месяцев обретаясь во льдах Арктики?!

Тикси – середина великого Северного пути, здесь встречаются корабли, идущие с Запада на Восток и с Востока на Запад. А ещё приходилось слышать, что и само название бухты по-якутски обозначает «встреча». И как же тогда здорово получается: двух человек, один из которых родился в Архангельской области, а другой – в Нижегородской, судьба свела не где-нибудь, а за тысячу вёрст, на берегу Ледовитого океана в бухте Встреч – какой-то виртуальной мистикой веет от этой насквозь реальной истории, не правда ли?..

Виталий конечно же пригласил меня на свой «Иней», и весь следующий день я провёл на судне. Тут наши «роли» как бы поменялись: мастер, в тонкостях знающий своё дело, водил по отсекам и объяснял эти тонкости неопиту, полному профану и в радиотехнике, и во многом другом...

Дороги наши с Виталием в Тикси сошлись, многие же годы потом видеться нам не приходилось. Он продолжал ходить ледовым Северным путём, совершил длительное плавание аж в Антарктиду, затем, как отличный специалист, был переведён на высокую должность начальника радиостанции нашего первого атомного ледокола «Ленин».

В моей жизни за эти годы тоже больших перемен не произошло. Разве что прибавился «семинарский» опыт: я принимал участие во многих, в том числе и знаменитом Читинском совещании молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, а потом был приглашён на работу в Литературный институт – также в качестве руководителя творческого семинара прозы.

Однако же связь наша с Виталием все эти годы не прерывалась. Виталий из разных точек Арктики слал мне свои сочинения, я делал обстоятельный, вот именно семинарский разбор их, как по форме, так и по содержанию, и отсылал обратно. Правда, хоть и не часто, но бывали случаи: тут своих дел невпроворот, а заглянул в почтовый ящик – там очередная бандероль от Виталия. Как быть, что делать? Делал я так: на минутку сосредотачивался, представлял бескрайние ледовые поля Арктики, что для меня было проще простого – из Тикси я летал на ледовую разведку и созерцал те самые поля под полуночным солнцем ни много ни мало восемь часов, – затем видел сокрушающий те поля атомоход, а в его радиорубке отъединённого, отодвинутого льдами ото всего мира Виталия и... и брался за чтение присланных им рассказов...

Первый класс – не самый ли трудный в нашем деле, – похоже, близился к завершению: Виталий стал присылать вещи, в которых не просто описывались какие-то события или жизненные факты, а изображался человек, оказавшийся в центре тех событий, его внутренний мир, его, в конечном счёте, характер. Ну и конечно же теперь куда больше заботы стал проявлять молодой автор о сюжете и композиционном построении своих вещей, о том, чтобы читательский интерес от страницы к странице возрастал, а не наоборот.

Второй, доработанный по моим замечаниям и пожеланиям, вариант рассказа «Слепой в тундре» (название потом будет изменено на «Северную быль») я не стал посылать почтой, а лично отнёс в столичный миллионнотиражный журнал «Смена», поскольку в редакциях меня, к тому времени автора нескольких книг, знали поближе, чем начальника радио, пусть и на самом большом в мире ледоколе. Редактор попросил меня написать краткое напутственное слово, что мной с готовностью и было сделано. Моё дружеское напутствие невелико по объёму, и его, наверное, есть смысл процитировать – всё же это первый выход Виталия Маслова к читателю:

«Первые стихи и рассказы Виталия Маслова все были посвящены Северу, морю. Это и понятно: вся жизнь его связана с Севером и морем. Родился он на Мезени и с ранних мальчишеских лет плавает в Северных морях. Сначала на рыбацких посудинах, затем на гидрографических судах, а в последнее время на атомоходе “Ленин”. Виталий Маслов радист и очень любит свою специальность, как любит и свой родной Север. Это последнее мне бы хотелось особо подчеркнуть.

Способностью видеть наделён всякий, удивляться же перед увиденным, “заметить” его дано далеко не каждому. Говорят, что с этого удивления – удивления не только перед чем-то необыкновенным, из ряда вон выходящим, а и перед обычным, обыденным, рядовым – и начинается писатель. Если это справедливо, то не менее

справедливо, наверное, и другое: каждый берущийся за перо должен также хорошо знать и обязательно любить то, о чём он собирается писать. По моему глубокому убеждению, без этой любви и не может быть настоящего писателя.

“Северная быль” – первый рассказ Маслова, публикующийся в столичном журнале. Виталий Маслов как бы выходит в большое и трудное литературное плавание. От всей души желаю ему попутного ветра!»

Первый рубеж Виталием Масловым был наконец взят. Дальше пошло вроде бы полегче. Один за другим появляются рассказы «Заиндевелые бока» и «Никола Поморский», «Свадьба», «Восьминка», «Едома». Один за другим – это, разумеется, не так, что один сегодня, а другой послезавтра: и написание каждой вещи, и их публикации разделяют не дни или недели, а годы...

Постепенно рассказов подкopiилось на сборник, и Виталий, назвав его «Крутая Древета», понёс в Мурманское издательство. Там рукопись почитали и сказали, что готовы её издать, но хорошо бы какой-то известный писатель написал предисловие. Виталий, недолго думая, назвал меня, хотя, полагаю, решающую роль тут играла не столь уж большая моя известность, сколько то, что в те годы написанное им лучше меня никто не знал. Я получил от главного редактора издательства официальное письмо и с радостью за Виталия написал вступление к сборнику. И – поскольку оно представляет довольно важный штрих к творческому портрету Виталия Маслова, мне бы хотелось его тоже привести хотя бы фрагментарно.

«...Книга эта, как уже и так понятно, – о Севере. Она сурова по общей тональности, как суров и край, в котором живут её герои-земляки и потомки великого помора Михаила Ломоносова. Может, даже кому-то покажется, что некоторым рассказам недостаёт светлых красок, а кто-то и так подумает: надо ли, по прошествии стольких лет, писать о трудных послевоенных временах? Зачем вспоминать о голодных годах, о какой-то “восьминке” чая, когда давно уже и хлеба все едят досыта, и чая любого сорта и любой крепости можно пить до отвала?!

Но если мы говорим нынешней молодёжи, что восстановление разрушенной и обескровленной войной жизни стоило нам огромных, нечеловеческих усилий, что это, после ратного, был ещё один великий подвиг народа, – откуда молодёжь узнает об этих усилиях, об этом подвиге, поскольку она видит всего лишь плоды этих усилий, их конечный результат?

Рассказы В. Маслова – именно о подвиге народа в тяжелейшие послевоенные годы, о суровом мужестве и, если так можно сказать, неисчерпаемой стойкости его духа. Много жизненных взгод обрушивается на жителей Крутой Дресвы; в этой северной деревушке нет ни одного дома, где бы война не оставила своей страшной отметины: в одной семье погиб сын или муж, в соседней – и тот и другой, в третьей ушли на фронт пять сыновей и ни один не вернулся... Неразумное, недальновидное местное руководство усугубляет и без того немалые трудности послевоенной жизни. Иные руководители не понимают ни сути народной жизни, ни его, народа, устрем-

лений. Именно в этом и заключается трагедия Марии Павловской из рассказа “Свадьба”.

Тут следует, видимо, сказать, что автор отнюдь не занимается живописанием тех трудностей, о которых идёт речь, он далёк от мысли смаковать эти трудности и приковывать к ним и только к ним читательское внимание. Нет и нет! В. Маслов пишет обо всём этом с сердечной болью: ведь он не со стороны глядит на Крутую Дресву, он здесь не заезжий корреспондент, а свой человек. Он живёт думами и чаяниями северной деревни; он незримо сидит с земляками и за свадебным столом (“Свадьба”), и в доме Анфисы Алексеевны (“Никола Поморский”), он делит с ними и самые радостные и самые горькие минуты.

Автор в своих рассказах создаёт как бы обобщённый образ помора-северянина, со своим особым складом характера, со своим взглядом на жизнь и со своим самобытным языком. Обобщённый, разумеется, не в понимании абстрактный. Нет. Масловские герои, как и все живые люди, каждый на особицу и лицом и голосом, да что голосом – интонация и то у каждого своя. Но запоминаясь каждый сам по себе, они вместе с тем и как бы “дополняют” друг друга.

Главное же – через художественно зримый показ нелёгкой жизни северян автор рисует впечатляющую картину народной жизни, показывает несгибаемую стойкость своих героев, их высокую нравственную красоту. Особенно сильные в этом отношении являются рассказы: “В тундре” и “Восьминка”, написанные сурово, сдержанно и оттого пронзительно.

В. Маслов по-сыновьи беззаветно любит свой Север. И любовь эта – на всю жизнь. И хотя о Севере уже немало писалось и пишется по сей день – Виталий Маслов сказал своё слово. Герои его рассказов – правдивые и чистые, сильные духом люди. Знакомство с ними и нас, читателей, делает сильнее. А не для этого ли, кроме всего прочего, и пишутся книги?!

Радость наша с Виталием, увы, оказалась преждевременной. Некая высокопоставленная дама посчитала книгу недостаточно светлой и оптимистичной. Она отдавала должное тому, как проникновенно написаны рассказы, даже признавалась, что некоторые из них «читала и плакала». Однако же из этого похвального воздействия истинно художественной литературы она делала довольно странный вывод «но не всем же плакать!». И «Крутая Дресва» книгой не стала...

В 70–80-е годы мы с Виталием уже не только продолжали переписываться, но и постоянно виделись. Я говорю о зимах – каждую зиму Виталий приезжал в Москву. Бывало, что и по несколько раз. И у нас всегда находилось, о чём поговорить, если беседа наша продолжалась час или два, а хоть и целый день.

В еской причиной систематических приездов в столицу, кроме чисто литературных дел, было и ещё одно обстоятельство. Давненько интересуюсь я старыми книгами. И самый большой, если не сказать пристрастный мой интерес, – книги по отечественной истории и славяно-русской культуре. Знающие люди даже считают, что мне удалось собрать приличную библиотеку. И поскольку, постоянно бывая у меня в гостях, Виталий видел эту библиотеку,

постепенно и он тоже пристрастился к книгособирательству. Но это, конечно, вовсе не значило, что к каждому его приезду в Москву букинисты выкладывали перед нами припасённые раритеты. Ценную редкую книгу приходится искать не только месяцами, но и годами. И у нас с Виталием был установлен такой порядок. Получив за очередную навигацию солидную зарплату, немалую часть её Виталий, как нынче говорят, отщёгивал на книги. А я потом, шастая по букинистическим магазинам, вместе с книгами для себя выискивал нужные издания и для товарища. Мне это было не в тягость, поскольку интересы наши были близкородственными.

Мне удалось «ухватить» изрядное число редких изданий, таких, например, как знаменитая «История города Архангельского» В. Крестинина и «Записки о Русском Севере» академика И. Лепёхина, напечатанные ещё в XVIII веке, «Раскол русского старообрядства» Я. Щапова, «О повреждении нравов» М. Щербатова. А как радовался Виталий, когда посчастливилось отыскать для него «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина в 12 томах!

Н е раз и не два Виталий приглашал меня побывать в его родной Сёмже. И такая поездка состоялась.

Из Архангельска до Мезени – местным самолётиком. Из Мезени ещё восемнадцать километров – на чём придётся, но лучше и вернее – на узике-вездеходе.

И вот она – Сёмжа.

Место первые поселенцы деревни выбрали знатное: здесь в Мезенскую губу впадает небольшая речка Сёмжа. И вот по высокому уступу междуречья раскиданы большие, присадистые дома. Правда, хорошо, если половина из них обитаемы круглый год, во второй же половине живут так называемые дачники, то есть те же сёмжинцы или их родственники, но приезжающие только на дачный сезон – на лето.

Родовое гнездо Виталия находится в самой середине селения. Это большущий двухэтажный домина с огромным пустующим двором и сеновалом, с различными хозяйственными пристройками. Мне для проживания выделена на втором этаже персональная уютная комнатёнка, и я в ней с дороги, едва коснувшись подушки, сладко засыпаю.

Под вечер, за старинным, с медалями, тульским самоваром, поближе знакомлюсь с отцом Виталия Семёном Виссарионовичем. С удовольствием слушаю такой неповторимый, такой певуче-музыкальный северный говорок и чувствую себя так же хорошо, как на своей родине, в нижегородском селе Кузьминке, где тоже дачником живу каждое лето. Вот разве что здешний мягкий говор отличается от нашего круглого, как колесо, окаящего, – вся и разнища...

На другой день мы с Виталием побывали в уже известном мне по его рассказам Доме памяти, сама идея которого и её воплощение целиком принадлежат моему другу.

Человек смертен – это непреложно. Но так ли уж непреложно, чтобы с уходом человека из жизни уходила в небытие и память о нём? Сколько жителей Сёмжи сложили свои головы, защитив свою Родину, а значит и родную Сёмжу, в Отечест-

венной войне! И почему бы идущим вослед поколениям не сохранить священную память о них? Да, стоят величественные памятники павшим на поле боя воинам на Мамаевом кургане под Сталинградом, на Прохоровском поле под Белгородом, на Поклонной горе в Москве. Но это – памятники всем, памятники миллионам. Но почему бы и в каждом городе, каждом селе не иметь хотя бы Дома памяти, где бы поименно были помянуты те, кто ушёл из этого города или села на войну и не вернулся.

И именно такой Дом – не первый ли в России? – создал Виталий Маслов в Сёмже, где собрал имена поморов, погибших во всех войнах начиная с XIX века, составил родословные всех сёмжинских родов. И если я и мои товарищи до этого знали Виталия как талантливого писателя, теперь узнали ещё и как – не побоюсь громкого слова – общественного деятеля. Человека, который своими деяниями творит важное и нужное не только лично для себя, а всему обществу. А ещё и обязательно добивается претворения задуманного, превращения мысли – в дело.

Виталию Маслову, наверное, было бы пора уже и в Союз писателей вступить. Тем более что в те времена членство в Союзе имело куда большее значение, чем ныне. Правда, тогда и само вступление было обставлено более строго: например, приёмное дело абитуриента, не выпустившего ни одной книги, как правило, попросту не принималось к рассмотрению. И всё это мне, как давнему члену приёмной комиссии, было хорошо известно. В чём выход из этого тупикового положения?

Пришлось вспомнить ещё одно речение, которое только и могло как-то нейтрализовать общепринятое «как правило», а именно – «нет правил без исключения». Тем паче, что после остановки «Крутой Дресвы» Виталий не опустил руки, а продолжал упорно работать и журнал «Север» публикует его роман «Круговая порука». Дело осложнялось лишь тем, что не все члены комиссии могут читать представленные сочинения, голосование же – тайное, бюллетенями. И, чтобы не было осечки, следовало наивозможно убедительно представить творчество архангельского помора моим сотоварищам по комиссии, что я, в меру своих сил, и постарался сделать.

Полагаю, что написанное мной выступление на заседании приёмной комиссии тоже имеет прямое отношение к литературной судьбе Виталия Маслова, и привожу его без лишних сокращений.

«Наличие одних лишь журнальных публикаций у нас, членов приёмной комиссии, вызывает как правило, чувство некоторой настороженности: ну вот, торопится, не мог дожидаться выхода книги...»

Хочу заверить уважаемую комиссию, что Виталий Маслов никуда не торопится: более двух лет назад прекрасная книга рассказов «Крутая Дресва» набрана, свёрстана и подготовлена в печать в Мурманском издательстве. И если она до сих пор не увидела свет – в этом нет вины автора. Почитайте рассказ «Восьминка» в «Нашем современнике» или «Слепой в тундре», напечатанный в «Смене», – вы убедитесь, какие это великолепные вещи. И из таких рассказов состоит вся книга. Сам факт опубликования многих рас-

сказов книги в упомянутых журналах, а также в нескольких номерах «Севера» уже говорит о их достаточно высоком литературном качестве.

...Уже по рассказам В. Маслова было видно, что идёт в литературу талантливый художник, имеющий что сказать людям. Роман «Круговая порука», опубликованный в «Севере» и выходящий в нынешнем году в «Современнике», – убедительно и неопровержимо подтверждает это.

В. Маслов – вполне сложившийся художник, со своим самобытным взглядом на жизнь и своими же, не заёмными, изобразительными средствами. И в жизненном материале, и в языке, каким пишет В. Маслов, явственно ощущается большой запас прочности, надёжности, неиссякаемого богатства.

Твёрдо уверен, что у всех познакомившихся с творчеством В. Маслова не возникнет и малейших сомнений, что он достоин звания члена Союза писателей. Уверен, что за приём его в наш Союз мы проголосуем единогласно».

Остаётся добавить, что за приём в Союз нового писателя комиссия и впрямь проголосовала единогласно.

Заодно, может быть, стоит привести и ещё один документ того же времени – это каким-то образом сохранившаяся в моём архиве телеграмма из Арктики. Хотя информации в ней и мало, но она в лаконично-телеграфной форме даёт понять-почувствовать наши с Виталием взаимоотношения, наше дружеское взаимопонимание, как бы воскрешает ушедшее время.

«Будьте здоровы Семён Иванович новых успехов вам и новых удач всё ради того же ради того же тчк скучаю по Вашей заботливой воркотне очень хочу Вас видеть = Маслов Ал Ленин».

Между тем собирание масловской библиотеки продолжалось. Не говоря уже о Москве, куда бы в так называемые творческие командировки я ни ехал, старался находить время наведаться в букинистические лавки и каждый раз что-то привозил из этих поездок. Даже из Болгарии – а в Софии был большой букинистический магазин – и то как-то привёз книгу о Солунских братьях Кирилле и Мефодии.

В те годы я писал историческую повесть, посвящённую освобождению Болгарии от османского ига в 1877–1878 гг., и мне не раз пришлось бывать в этой славянской стране. Я наводил нужные справки в Военно-историческом музее, встречался со студентами-русистами Софийского университета.

Видел я и как торжественно, красочно празднуется там День первоучителей славян Кирилла и Мефодия, День славянской письменности. В одном из праздников мне даже выпало счастье принять непосредственное участие: в колонне студентов и преподавателей университета я прошагал по центральному улице болгарской столицы. Незабываемая картина: все радостно возбуждены, девушки и парни одеты в яркие национальные костюмы и у каждого в руках – гвоздика, море цветов... И когда я рассказывал Виталию об этом – каким живым блеском горели его глаза, ну будто он сам среди праздничных болгар себя почувствовал...

И как знать – ведь не только пути жизни, но и пути мысли нашей неисповедимы, – ког-

да именно, в какой день и час осенила Виталия идея занять такой праздник и нам, русским. Ответить на этот вопрос он и сам бы, наверное, затруднился. Может быть, началось с любви к книге, с великого уважения к письменному Слову, тому Слову, которое дали славянам Кирилл и Мефодий?! А ещё и так можно сказать: мало ли кому из нас, русских-советских, бывавших в Болгарии, вполне логично могло прийти в голову: хорошо бы и у нас такой праздник был! Однако же каждый, кого «осеяла» эта мысль, тут же и задавался вопросом: а как её реализовать? В дореволюционной России и то, хотя попытка праздновать День письменности в середине XIX века и была, к концу века она сошла на нет, заглохла, и 24 мая остался лишь церковным праздником. И какую смелость, какую недюжинную отвагу надо иметь, чтобы решиться возродить его, сделать всеобщим, народным?!

И вот эта-то решимость, эта личная отвага и были проявлены Виталием Масловым.

В Болгарии, как уже было сказано, День Кирилла и Мефодия давно, чуть ли не двести лет, отмечается как национальный праздник. Там «при празднике» даже издаётся тонкий, но большого формата журнал с красноречивым названием – «За буквите». Этот журнал я показал Виталию и посоветовал списаться с нашими болгарскими братушками. Болгары с радостной готовностью отозвались, изъявив желание поделиться своим богатым опытом.

Вторая сторона начавшего раскручиваться дела состояла в установлении контакта с идеологическими инстанциями. Идти напрямую – заведомый тупик. Если в XIX веке в споре славянофилов и западников верх остался за последними, то и в XX слово «славянофил» в соответствующих инстанциях имело отнюдь не положительный окрас. А тут ещё кто-то ведёт разговор о какой-то славянской письменности...

И Виталий Маслов делает мудрый обходной манёвр.

Союз писателей традиционно проводил в Мурманске литературный праздник «Дни Баренцева моря». Прекрасно! По собственному списку, – прикинул Маслов, – пригласу я на этот праздник дюжину-другую (приедет половина – и то хорошо) известных русских писателей, причём известных не только своими талантами, но и своей... ну, скажем так – русско-славянской позицией. Название праздника как было, так и остаётся, но... в рамках «Дней Баренцева моря» мы отметим также 1100-летие славянской письменности, 1000-летие русской, украинской, белорусской литературы, а также прибавим сюда и 800-летие «Слова о полку...».

И пусть кто-то попробует найти в этом букете великих дат какую-то идеологическую крамолу!..

Воистину – не нашли. Обком партии, пусть и негромко, не во весь голос, но поддержал идею проведения такого праздника.

Теперь дело оставалось за решением всевозможных организационных вопросов. Например, 24 мая во всех школах Мурманска писатели и учителя-словесники проводят «Урок Слова». В середине дня – торжественное шествие с флагами по главной улице города. Ближе к вечеру – большой

литературно-музыкальный вечер величания Слова... Надо ли дальше перечитывать список самых разнообразных мероприятий? Не правильнее ли их суммировать и сказать: приготовление праздника заняло ни много ни мало – год! И как тут не воздать должное терпению и настойчивости Виталия Семёновича!

Разумеется, воевал Маслов не один. Со всех сторон он ощущал поддержку своих друзей и единомышленников – мурманских собратьев по перу. Особо действенная помощь была оказана ответственным секретарём Мурманской писательской организации Виктором Тимофеевым – честь ему и слава! Внесла свою лепту в общее дело и областная молодёжная газета «Комсомолец Заполярья» во главе с редактором Дмитрием Таракановым: весь год из номера в номер газета вела рубрику: «Навстречу празднику Слова». Про себя говорить не совсем удобно, но для полноты картины всё же придётся сказать: ещё до поездки в Мурманск я договорился с замом главного редактора «Литературки» о том, что газета обязательно даст информацию о празднике. Хотелось, чтобы как можно больше людей узнали о знаменательном событии, которое произойдёт в Мурманске 24 мая 1986 года. А тираж у «ЛГ» тогда был что-то около 6 миллионов. (В скобках заодно уж и добавлю: газета напечатала-таки статью, озаглавленную небывало, неслыханно и невиданно – «Праздник славянской письменности».)

На этом мне, пожалуй, можно и заканчивать свои заметки или, как нынче принято говорить, штрихи к творческому портрету Виталия Маслова.

Я мог бы более подробно рассказать как о первом празднике славянской письменности в Мурманске, так и о втором – в Вологде, третьем – в Новгороде, четвёртом – в Киеве, пятом – в Минске, шестом – в Смоленске, седьмом – в Москве, восьмом – в Херсонесе и девятом – в Салониках, на родине Кирилла и Мефодия. Но я делать этого не стану, поскольку полные записи перечисленных праздников в 1995 году вышли книгой «В начале было слово».

А в 1997 году Виталием Масловым было осуществлено ещё одно выдающееся по нынешним временам деяние – Славянский Ход. Он был посвящён 120-летию освобождения Болгарии от османского ига и прошёл по Белоруссии, Украине, Приднестровской Республике, Молдавии, Болгарии, Сербии, Черногории и закончился на Косовом поле. Но и о Славянском Ходе мои записи публиковались в «Нашем современнике», «Роман-газете», а в 2003 году вышли книгой, которая так и названа – «Славянский Ход». Так что ограничусь лишь тем, что приведу только текст авторского посвящения:

«Светлой памяти близкого друга, истинного патриота России, зачинателя Праздника славянской письменности и культуры Виталия Маслова посвящается».

Автор этого очерка С. И. Шуртаков – ветеран Великой Отечественной войны, в прошлом моряк, а ныне известный русский писатель. Семёну Ивановичу 92 года, но не иссякает творческий огонь этого замечательного человека.

Иосиф БРОДСКИЙ

«...и Я, сельскохозяйственный рабочий Бродский»

К 70-летию со дня рождения

* * *

А. А. А.*

В 60-е годы минувшего века в стране прошла кампания борьбы с тунеядством. Все, кто не имел постоянной работы, не состоял в штатах предприятий, организаций и учреждений, подвергались преследованиям. В их числе оказался и Иосиф Бродский, молодой ленинградский поэт, которому в кругу знатоков прочили большое будущее. Решением суда будущий лауреат Нобелевской премии был приговорён к 5 годам ссылки и отправлен на поселение в Архангельскую область.

Деревня Норенская, куда органы определили опального поэта, находится почти на широте Ленинграда. Климатические условия сходные. Но если бы душевный покой человека зависел только от климата...

Как жилось Бродскому в Норенской – можно догадаться по стихам. Не очень сытно, не очень уютно, не очень тепло. «...Жрал хлеб изгнанья, не оставляя корок...», «...сеял рожь, покрывал чёрною толю гумна...» – это из стихов, аукнувшихся спустя 15 лет. А вот стихи, написанные в конце 80-х: «...дрожит, тускло мерцая, стрелка нового компаса, определяя север не лучше, чем удаляя мысль прокурора».

Горечь, гнев, обида – тут есть всё. И это понятно. Но... Судя опять же по стихам, это было не самое худое место для зреющей поэтической души. Изгнание, родимая чужбина внесли в его творчество новую щемящую ноту. На Севере, в Норенской, было написано немало прекрасных строк.

За пределами подборки остаются большие работы: «Стихи на смерть Т. С. Элиота», датированные началом 65-го года; поэма «Два часа в резервуаре», помеченная датой «8 сентября 1965, д. Норенская»; готический цикл «Einem alten architekten in Rom» («Старому архитектору в Риме»), поэма «Письмо в бутылке». Здесь, судя по датам, делались наброски и фрагменты большой поэмы «Горбунов и Горчаков...».

В Норенской (по карте – Норинской) Бродский прожил полтора года. Благодаря заступничеству Анны Ахматовой, Дмитрия Шостаковича, Самуила Маршака он был досрочно освобождён. Осенью 1965 года ссылка закончилась. Норенская осталась позади. Но в судьбе Иосифа Бродского, по крайней мере в его творчестве, она осталась навсегда.

Михаил ПОПОВ

В деревне, затерявшейся в лесах,
таращусь на просветы в небесах –
когда же загорятся Ваши окна
в небесных (москворецких) корпусах.

А южный ветер, что облака несёт
с холодных нетемнеющих высот,
того гляди, далёкой Вашей музы
аукающий голос донесёт.

И здесь, в лесу, на явном рубеже
минувшего с грядущим, на меже
меж Голосом и Эхом – всё же внятно
я отзовусь, как некогда уже,

не слыша очевидных голосов,
откликнулся я всё ж на чей-то зов.
И вот теперь туда бреду безмолвно
среди людей, среди рек, среди лесов.

Май 1964

* * *

А. Буров – тракторист – и я,
сельскохозяйственный рабочий Бродский,
мы сеяли озимые – шесть га.
я созерцал лесистые края
и небо с реактивной полоской,
и мой сапог касался рычага.

Топорщилось зерно под бороной,
и двигатель окрестность оглашал.
Пилот меж туч закручивал свой почерк.
Лицом в поля, к движению спиной,
я сеялку собою украшал,
припудренный землицею как Моцарт.

Август–сентябрь 1964

ПЕСНЯ

Пришёл сон из семи сёл.
Пришла лень из семи деревень.
Собирались лечь, да простыла печь.
Окна смотрят на север.
Сторожит у ручья скирда ничья,
и большак развезло, хоть бери весло.
Уронил подсолнух башку на стель.

* Анне Андреевне Ахматовой.

То ли дождь идёт, то ли дева ждёт.
 Запрягай коней да поедем к ней.
 Невеликий труд бросить камень в пруд.
 Подопьём, на шелку постелим.
 Отчего молчишь и как сыч глядишь?
 Иль зубчат забор, как еловый бор,
 за которым стоит терем?

Запрягай коня да вези меня.
 Там не терем стоит, а сосновый скит.
 И цветёт вокруг монастырский луг.
 Ни амбаров, ни изб, ни гумен.
 Не раздумал пока, запрягай гнедка.
 Всем хорош монастырь,
 да с лица – пуст
 и отец игумен, как есть, безумен.

* * *

Колесник умер, бондарь уехал в Архангельск к жене.
 И, как бык, бушует январь им вослед на гумне.
 А спаситель бадей стоит меж чужих людей и слышит вокруг только шуршанье брюк.

Тут от взглядов косых горячи, как укол,
 сбивается русский язык,
 бормоча, в протокол.
 А безвестный Гефест глядит, как прошил окрест снежную гладь канвой вологодский конвой.

По выходе из тюрьмы он в деревне лесной в арьергарде зимы чинит бочки весной и в овале бадьи видит лицо судьи Савельевой и тайком в лоб стучит молотком.

*Июнь 1964***К СЕВЕРНОМУ КРАЮ**

Северный край, укрой.
 И поглубже. В лесу.
 Как смолу под корой,
 спрячь под веком слезу.
 И оставь лишь зрачок,
 словно хвойный пучок,
 на грядущие дни.
 И страну заслони.

Нет, не волнуйся зря:
 я превращусь в глухаря,
 и, как перья, на крыльях мне лягут
 листья календаря.

Или спрячусь, как лис,
 от человеческих лиц,
 от собачьего хора,
 от двуствольных глазниц.

Спрячь и зажди мне рот!
 Пусть при взгляде вперёд
 мне ничего не встретит,
 кроме жёлтых болот.
 В их купели сырой
 от взоров нескромных скрой
 след, если след оставлю,
 и в трясину зарой.

Не мой черёд умолкать.
 Но пора окликать
 только тех, кто не станет
 облака упрекать
 в красноте, в тесноте.
 Пора брести в темноте,
 вторя песней без слов
 частоколу стволов.

Так шуми же себе
 в судебной своей судьбе
 над моей головою,
 присуждённой тебе,
 но только рукой (плеча)
 дай мне воды (ручья)
 зачерпнуть, чтоб я понял,
 что только жизнь – ничья.

Не перечь, не порочь.
 Новых гроз не пророчь.
 Оглянись, если сможешь –
 так и уходят прочь:
 идут сквозь толпу людей,
 потом – вдоль рек и полей,
 потом сквозь леса и горы,
 всё быстрее, всё быстрее.

Май 1964

* * *

В деревне Бог живёт не по углам,
 как думают насмешники,
 а всюду.
 Он освящает кровлю и посуду
 и честно двери делит пополам.
 В деревне Он в избытке.

В чугуне
 Он варит по субботам чечевицу,
 приплясывает сонно на огне,
 подмигивает мне, как очевидцу.
 Он изгороди ставит. Выдаёт
 девицу за лесничего. И в шутку
 устраивает вечный недолёт
 объездчику, стреляющему
 в утку.

Возможность же всё это
 наблюдать,
 к осеннему прислушиваясь
 свисту,
 единственная, в общем,
 благодать,
 доступная в деревне атеисту.

1964

* * *

Осенью из гнезда
 уводит на юг звезда
 певчих птиц поезда.

С позабытым яйцом
 висит гнездо над крыльцом
 с искажённым лицом.

И как мстительный дух,
 в котором весь гнев потух,
 на заборе петух

кричит, пока не охрип.
 И дом, издавая скрип,
 стоит, как поганый гриб.

*1964***КОЛЫБЕЛЬНАЯ**

Зимний вечер лампу жжёт,
 день от ночи стережёт.
 Белый лист и жёлтый свет
 отмывают мозг от бед.

Опуская пальцы рук,
 словно в таз, в бесшумный круг,
 отбеляя пальцы впрок
 для десятка тёмных строк.

Лампа даст мне закурить,
 буду щёки лампой брить
 и стирать рубашку в ней
 еженощно сотню дней.

Зимний вечер лампу жжёт,
 вены рук моих стрижёт.
 Зимний вечер лампу жжёт.
 На конюшне лошадь ржёт.

*1964***ВЕЧЕРОМ**

Снег сено запорошил
 сквозь щели под потолком.
 Я сено разворошил
 и встретился с мотыльком.
 Мотылёк, мотылёк.
 От смерти себя сберёг,
 забравшись на сеновал.
 Выжил, зазимовал.

Выбрался и глядит,
 как «летучая мышь» чадит,
 как ярко освещена
 бревенчатая стена.
 Приблизив его к лицу,
 я вижу его пыльцу
 отчётливей, чем огонь,
 чем собственную ладонь.

Среди вечерней мглы
 мы тут совсем одни.
 И пальцы мои теплы,
 как июньские дни.

1965

Нить
родо-
словная

Год
Фёдора
Абрамова

Дарья ИЛЬЧУК

ДУХОВНЫЙ ПУТЬ МОЕГО ДЕДА

Долго и мучительно мы выбирали тему для работы на Иоанновские чтения. Думали написать о монастырях, которые я посетила. Особенно хотелось написать об Инкерманском монастыре, потому что он поразил и там я встретила иеромонаха Херувима, хранителя чудотворной иконы «Аз есть с Вами и никто же на Вы» и получила его благословение. Думала о теме иконописи, мучениках XX века, священниках и не могла остановиться ни на одной из этих тем. Но чем чаще я думаю о своём дедушке, тем больше хочу рассказать людям о нём, о человеке XX века, который прошёл путь от атеиста до глубоко верующего человека. Ведь это можно назвать милостью Божией, чудом, которое произошло с нашим современником на фоне страшного XX века. Революции, репрессии, разрушение церквей, атеизм, воспитание без присутствия Божия, Великая Отечественная война, послевоенные годы... Думается, что жизнь простого человека достойна внимания, потому что она – отражение своего времени. Можно считать, что жизненный путь дедушки – это своего рода духовный подвиг, о котором и идёт речь в исследовании. Виктор Фёдорович Горохов не был ни священником, ни монахом, ни яркой исторической личностью. Он был обычным человеком со своими плюсами и минусами, но его духовный путь вызывает у меня искренне уважение. Бабушку я плохо помню. Когда она умерла, я училась в первом классе. Поэтому у меня был только дедушка. И сейчас я понимаю, как мне повезло, что меня воспитывал и просто жил рядом со мной мой дедушка.

Смотрю на фотографии и вспоминаю... Он оставил мне свои записи – воспоминания. Некоторые из них хотелось бы привести:

Даше Ильчук 17 лет. Она – победитель областного конкурса краеведческих работ (научный руководитель: учитель истории Архангельской гимназии № 3 Л. А. Орехова).

«Меня зовут Горохов Виктор Фёдорович. Сейчас мне 75 лет и я тяжело болен. Жизнь подходит к своему завершению, и мне надо многое успеть. Дать свои наставления внукам, обдумать всё до мелочей. Я стар и опытен, а им ещё надо всему учиться, пока дойдут до моего умудрённого жизнью возраста. Главное, что я хочу им оставить, – это осмысление моей жизни, чтобы они знали и помнили обо мне, как помню о своих родителях и о своей любимой жене. А начиналось всё в далёком 1932 году, когда я родился 29 марта в семье кадрового военнослужащего. Произошло это в моём любимом городе Ленинграде. Моему отцу, Горохову Фёдору Петровичу, было в то время 25 лет, а маме, Антонине Ивановне, 19 лет. Поженились они по любви, и это чувство любви прошло по моему детству и осталось в моей памяти. Отец преподавал в Ленинградском высшем военном артиллерийском училище. Он был артиллерист, очень способный и талантливый. Он любил своё дело, ходил в военной форме и сапогах. Был подтянут и выдержан. И очень любил нас, своих детей. У меня есть младший брат. Он младше меня на 4 года. Мама принимала активное участие в художественной самодеятельности при училище, за что имела грамоты. Когда началась война с финнами, нас определили в детский дом, так как мама была направлена на фронт санитарструктором. Мы с братом очень переживали за маму, но всё закончилось хорошо, и наша семья воссоединилась. В 1 класс я пошёл в Ленинграде, но когда мне исполнилось 9 лет, моего отца переводят на службу в город Новосибирск. Было это в 1941 году. Мы собрались в дорогу, и, пока ехали в Новосибирск, началась война. Отец устроил нас в военном городке и сразу уехал на фронт. Я хорошо помню наш военный городок, где формировались воинские части и перед отправлением на фронт нашим солдатам показывали фильм «Чапаев». Мы, ребята, смотрели его очень часто и знали наизусть. Всю войну мы жили в Новосибирске. Как бы я хотел сейчас туда съездить! В Новосибирске мы осиротели. 31 января 1944 года наш отец, Фёдор Петрович, погиб, защищая Украину, Запорожскую область. Вот такое страшное сообщение – похоронка – пришло и в нашу семью. Мне было 11 лет. Я хорошо всё помню: слёзы матери, изменение нашей жизни – у нас не стало отца. Мама работала, но был голод. Не только у нас – у всех. Всю войну хотелось есть. Голод и болезни. Я очень много болел в годы войны».

Когда дедушка вспоминал войну, он всегда плакал. Тяжёлое военное детство. Сын офицера. Окружение военных с рождения. Патриотическое воспитание в семье. Дедушка всегда был очень организован, жил по расписанию, никогда никуда не опаздывал. Я часто думаю, как окружение влияет на воспитание человека, на поведение, привычки. Безусловно, офицерская среда повлияла на формирование дедушки и многие его привычки связаны с традициями военнослужащих. Дедушка был в душе офицером во всех смыслах, в лучших российских традициях. Всё это шло из семьи, из детства.

Из дневниковых записей дедушки

«После смерти отца я стал старшим мужчиной в семье. Я чувствовал себя защитником матери, брата. С детства я очень любил всё делать своими руками, мастерил много и для себя, и для брата. С возрастом я понял, что вся мужская работа в доме – это моя обязанность. С одной стороны, живя среди военных и имея близких родственников-офицеров (отец и его брат, мой дядя), я хотел связать свою жизнь с армией, стать офицером. А с другой стороны, во время войны многие здания были разрушены и нужно было строить, созидать. Я хотел строить, много строить, зданий, домов, где будут жить и работать люди».

Дедушка был очень талантливым человеком, он прекрасно рисовал. Я видела его рисунки. Если бы в детстве стали развиваться художественные способности, из него вырос бы великий художник. Он чувствовал красоту мира. Он интересовался живописью. Когда после его кончины мы разбирали семейный архив, я была поражена, насколько дедушка любил живопись – голландскую, фламандскую, испанскую, русскую школы. Я не ожидала этого, он никогда мне об этом не говорил, но мне передалось его увлечение живописью. Я люблю тех же художников, которых любил дедушка, каким-то необъяснимым образом, наверное, близость душ. Когда умерла бабушка, дедушка сам нарисовал ей памятник. Он долго рисовал, потом делал инженерные расчёты, чертежи. Это был очень красивый памятник. Дедушкино творчество было всегда красиво. Он хотел создавать красоту. Дедушка освоил резьбу по дереву. Он создал много оригинальных подсвечников, полочек и сказочных персонажей. Он всегда сначала рисовал свою задумку, делал расчёты и потом творил. Он очень любил дерево. Сам построил прекрасный дом, делал поделки. Всегда говорил, что дерево – живое, тёплое. У него было какое-то особое отношение к деревянным постройкам и вообще к строениям. Не случайно дедушка стал инженером-строителем. Для него строить – это создавать, творить.

Из дневниковых записей дедушки

«После войны мама решила вернуться в Ленинград. Заканчивал школу я в Ленинграде. После школы поступил в строительный техникум, считал, что надо восстанавливать то, что разрушено войной. Я с удовольствием учился и любил практику. Но подошло время службы в армии».

Об этом дедушка никогда не говорил, но мы знаем, что его призвали в армию в спецвойска КГБ. Я думаю, что туда направляли лучших, проверенных молодых людей. Кого, как не его, сына офицера, отдавшего жизнь за Родину, можно было туда направить. Он окончил военное училище КГБ и получил специальность юриста. Я до сих пор открываю для себя дедушку, и мне кажется, я его ещё долго буду открывать. Я, конечно, не знала, что дедушка служил в КГБ. Мне мама сказала об этом только после его кончины. На поминках друг нашей семьи, Ю. П. Абрамов, сам чекист, сказал, что дедушка приехал в Архангельск как сотрудник КГБ после окончания специального военного училища. И он, Юрий

Прокопьевич, служа в отделе кадров в КГБ, встречал дедушку на вокзале в день его приезда в Архангельск. Я долго не могла понять, почему дедушка не стал офицером, кадровым военнослужащим. Я не знала, что мой дедушка был офицером, хотя в семье об этом не говорили. И жизнь моего дедушки шла по двум путям – военному и строительному делу. Для меня всё встало на свои места. В КГБ дедушка прослужил до 1960 года и был уволен в связи с законом о значительном сокращении Вооружённых сил СССР. После этого он поступил в АЛТИ на факультет промышленного и гражданского строительства на вечернее отделение и окончил его в 1969 году по специальности «инженер-строитель».

Из дневниковых записей дедушки

«В Архангельск я приехал в 1955 году в один день и час с моей будущей женой. Мы тогда ещё не были знакомы. Я был молод и полон жизни. 1 марта 1956 года я познакомился с моей дорогой Катенькой на Дне Рождения у её подруги. Туда был приглашён мой друг Женька, и я пошёл вместе с ним. Я сразу понял, что это моя судьба. В этом же году мы поженились. Жили в деревянном доме на Павлина Виноградова, в небольшой комнате. Жили мы в любви и согласии. Мы были молоды и впереди у нас была целая жизнь. Даже не верится, что жизнь прошла... Моя Катенька ушла от меня в небытие, теперь и я готовлюсь к встрече с вечностью. Мы всегда очень заботились друг о друге. Мы были парой – двумя половинками, нашедшими друг друга. Мне было очень хорошо с ней всегда, просто и тепло. Я старался её чем-то удивить, порадовать, делал сюрпризы, что-то придумывал для неё, встречал с работы, чтобы вместе идти домой. И, конечно, в полной мере я осознал, какое это счастье – жить с моей Катенькой, когда жизнь её завершилась. Моя жизнь потеряла смысл. Дети, внуки – всё это не то. Это их жизнь. А моя жизнь закончилась вместе с ней. Но милостью Божией у меня началась духовная жизнь, именно с этого момента».

Дедушка с бабушкой прожили вместе 45 лет. Когда умерла бабушка, у дедушки на столе всегда стояла её фотография. А когда дедушка уже не мог ходить и только лежал, он всегда смотрел на большое совместное фото, которое стояло в книжном шкафу. Читаю и плачу – «Прошло 40 дней как нет моей Катеньки». Как ему было одиноко без бабушки! Но именно тогда пришла к нему вера в Бога. Все шесть с половиной лет, которые он прожил без бабушки, он горячо верил в Господа. Бабушка была верующей. Она ходила в церковь Всех Святых на службы, но в основном на праздники. Дедушка никогда не ходил на церковные службы, пока была жива бабушка. Он был далёк от этого.

Из дневниковых записей дедушки

«Моя мать была тайно верующей. У нас дома была икона Казанской Божией Матери. Нас с братом крестили в детстве и называли по церковному календарю. Я не имел религиозного воспитания и был далёк от веры в Бога, как и многие люди моего поколения. Многие, но не все. Мои представления о Боге полностью изменились».

после встречи с иеромонахом Соловецкого подворья отцом Елизаром. Всё промыслительно. После смерти моей Катеньки в моей жизни наступила пустота. Мою жену отпели в храме Всех Святых и похоронили. А я неожиданно понял, что надо за неё молиться. Прочитал книжечку «Мытарства блаженной Феодоры» и стал волноваться о душе моей жены. Купил молитвослов и стал читать молитвы. Затем я узнал об отце Елизаре и пошёл к нему на беседу. Когда шёл, думал: «Поговорю с ним, легче станет». Даже не подумал, что это исповедь. Так беседа с иеромонахом стала моей первой исповедью. Всё изменилось. Вместо пустоты жизнь наполнилась особым смыслом. Меня поразило, что мы с отцом Елизаром с одного года рождения, но какую разную жизнь прожили. Я жил без Бога, а он жил с Богом. Жил в то же время, что и я. Когда церкви закрывались, на службы нельзя было ходить. Все боялись этого. А он не боялся. Теперь я понимаю, что Бог в лице отца Елизара перевернул мою жизнь. Всё стало на круги своя... Я открыл для себя православие. Оказалось, что это всё родное, моё. Я стал жадно читать православную литературу, молиться. Купил иконы. Стал ходить в церковь, ту самую, куда ходила моя Катя, в церковь Всех Святых. Я воцерковился. Впервые в жизни стал соблюдать посты. Я был в ужасе от того, как я жил, без поста, без молитвы. А ведь все эти годы моей жизни каждый год была Пасха, каждый год Христос Воскресал, а я не думал про это, хотя про Пасху все знали. И я знал. Но ничего не чувствовал. И совсем не постился. Я всё время думаю, как бы было хорошо, если бы с моей женой одновременно воцерковились, вместе бы ходили в храм, вместе бы молились. Какое было бы счастье – молиться вместе с ней. Но я понимал, что я должен отмолить мою Катю и отмолить себя. Для этого Господь дал мне эти годы жизни без неё, чтобы прийти к Нему. Я купил псалтирь и акафисты и стал молиться. Главное для меня – это молиться за неё. В этом моя любовь к ней».

Дедушка очень много молился. Его молитва – это настоящее общение с Богом. Какое это было общение! Он часто плакал, когда молился. Он ко всему подходил серьёзно. Если надо было обратиться к какому-либо святому, то он обязательно читал тропарь, акафист, молитву – как положено, канонически, а не просто своими словами. Если он пользовался освящённым маслом, то также со всей ответственностью, по канонам обращался к Божией Матери или святым. Конечно, мой дедушка не был монахом, но весь образ его жизни был монашеский. Его спальня для него была келья. Он так её называл. И у меня осталось такое чувство, что это и есть келья. В углу дедушка повесил полочку, поставил иконы и установил лампаду. А дальше на стене очень много икон и расположены они канонически. Дедушка ничего не делал просто так. Всё у него было осмысленно, по правилам. Многие иконы он делал сам. Брал дощечку, обшивал её материей, а сверху приклеивал бумажную икону или икону из календаря. И всё делал с такой любовью! Со временем икон стало много, тогда дедушка смастерил ящичек, держал там многие

иконы, те, которые не были размещены на стене. Когда наступал день празднования иконы (день памяти святого), дедушка доставал праздничную икону, устанавливал её и читал акафист празднику. Под иконами у дедушки стоял стол, застеленный скатертью. На столе лежали пояс с молитвой, акафисты, молитвословы, стояли масла, святая вода, иконы. На праздники и в воскресные дни дедушка затеплял лампаду и начинал общение с Богом. Обязательно утреннее и вечернее правило, акафисты, Псалтирь. Мы знали, в какое время дедушка молится, и старались в это время не приходить к нему, не мешать молиться. Но самое ценное для меня – это совместная молитва с дедушкой. Иногда дедушке хотелось помолиться вместе с нами. Мы всегда с радостью соглашались, потому что это был настоящий праздник для души! Дедушка каждое слово произносил особо. Со значением. А как он обращался к Богу! Это не передать словами. Это надо было слышать.

Особо вспоминаются посты. Дедушка относился к постам очень серьёзно. Постился очень строго, по-монашески, особенно в первые дни поста. У него всегда был церковный календарь, и он смотрел, что можно употреблять в данные дни. И никогда не нарушал пост. Хотя был тяжело болен. Кроме прочих болезней у него был сахарный диабет. И когда мы его просили не относиться к себе так строго ввиду его болезни, он даже слушать не хотел. «Или так, или никак. Надо или поститься, или нет», – говорил дедушка. Ещё говорил, что пост его во Славу Божию. А как дедушка молился перед едой и после еды! В кухне у него тоже были иконы (так же как в гостиной и прихожей). Мы часто были у дедушки и видели, как после еды дедушка с таким чувством благодарит Бога, что насытил его. И он был действительно от всего сердца благодарен Господу за еду. Готовил дедушка очень вкусно. Мы до сих пор вспоминаем его блюда. Всё аккуратно нашинковано, нарезано, приправлено. Всё просто. У дедушки был особый вкус. Ничего лишнего. Всё, что нужно.

Из дневниковых записей дедушки

«Я стал ходить в храм Всех Святых. Как я полюбил церковные службы! Ходил на исповедь, на причастие. Так на старости лет я узнал православие. Я выписываю газету «Вера». Прочитываю её всю. С нетерпением жду следующего номера. Также с удовольствием читаю «Духовный сеятель». Когда я не смог ходить в храм из-за болезни, то впал в уныние. Мне не хватало церковной службы. Вот парадокс. Почти всю жизнь прожил без Церкви и не замечал этого, а когда не смог ходить в Церковь – то почувствовал себя обделённым. Дочь принесла мне аудиокассеты со службами, акафистами, с церковным пением, и я стал слушать службу по магнитофону».

К сожалению, мы с дедушкой ходили в разные храмы. Мы с мамой и сестрой ходим в Никольский храм, там нас крестили (дедушка – крёстный отец моей сестры и мой), там наша Воскресная школа... А дедушка полюбил храм Всех Святых. Там отпевали бабушку, и его тянуло только туда. Но иногда мы тоже ходили с дедушкой в храм Всех Святых. Как дедушка гордился и радовался! Он нас наставлял во всём, передавал то, что

сам знал. Особенно учил нас дедушка, как себя вести на кладбище. Он нам написал печатными буквами молитву, которую надо читать над могилой бабушки, и мы все вместе читали. Дедушка говорил, что могилу надо содержать в порядке, потому что на Второе Пришествие все умершие должны встать среди цветов, а не среди сорняков. Последнее желание дедушки было о том, чтобы отпели его в храме Всех Святых, где отпевали бабушку, и похоронили рядом с ней. Ещё дедушка нам с сестрой написал молитвы до и после учения и очень советовал нам их читать. Он подарил мне икону святой Дарии, а сестре – святой Екатерины, а также крестики. Милый дедушка, все твои подарки мы бережно храним! Дедушка научил меня разгадывать кроссворды. С ним легко было разгадывать, он знал абсолютно всё. Он привил мне вкус к серьёзной литературе. Вслух читал мне классиков. Потом мы с ним обсуждали прочитанное. Вообще с ним было очень интересно общаться, потому что у него был широкий кругозор и энциклопедические знания. С возрастом он становился все интереснее. Он интересовался абсолютно всем. Он читал редкие книги, некоторые были настолько трудны для восприятия, что, кроме него, никто бы прочитать их не смог. Меня это всегда поражало. Сейчас, взяв в руки дедушкины книги, я нахожу много пометок на полях, и мне кажется, что я и сейчас общаюсь с дедушкой. В жизни я пока ещё не встретила людей, подобных моему дедушке.

Дедушка умер 5 ноября 2007 года, ему было 75 лет. Проводить его пришло много людей. Отпевали в храме Всех Святых. Отпевание было очень торжественным. Многие из знакомых – неверующие. Но Господь собрал всех вокруг дедушки и заставил молиться и креститься, ставить свечи. Все говорили: «Какое красивое отпевание и какой красивый ваш дедушка». Действительно, у него было очень одухотворённое лицо. А на 9-й и на 40-й день все опять встретились на панихиде в любимом дедушкином храме, верующие и неверующие. И, может быть, у кого-нибудь с этого началась духовная жизнь.

В заключение я хочу ответить тем людям, которые говорят нам: «Ну и что толку, что ваш дедушка стал глубоко верующим и полюбил православие, тяжело болел и умер». Но ведь жизнь земная не вечна. Земная жизнь – это подготовка

*Икона
Казанской
Божией
Матери*

к жизни небесной, и очень важно для души, когда человек становится верующим. Это праздник души, когда, несмотря на все горе, болезни, страдания, человеку хорошо оттого, что он с Богом. И я твёрдо верю, что Господь не оставит его милостию Своей и в мире ином. Кроме того, несмотря на тяжёлое заболевание, Бог оградил дедушку от невыносимых болей, которые должны были быть. И это очень важно. Я ещё раз убедилась, что Бог не оставляет своих – людей, любящих Его. После воцерковления дедушка очень изменился, стал смиренным и умудрённым. Мы знаем, что люди, достигшие определённого духовного уровня, уже не могут более жить земной жизнью. Чем больше любовь к Богу, тем тяжелее душе вдали от Него и тяжелее жить на земле. Я думаю, что последний год дедушка тяготился земной жизнью, хотел скорее соединиться душой с Господом. Он имел очень сильную любовь к Богу. Мой дедушка остался верен Богу, семье и Отечеству. Он оставил нам с сестрой очень важное дело – сохранение православных традиций. Обдумывая жизнь дедушки, я ещё больше понимаю, что без Бога жить нельзя. Новые поколения имеют свои особенности жизни, свою историю, своё развитие, но остаётся неизменным одно, основа основ – это любовь к Богу и к ближнему. Мой дедушка нашёл свою дорогу к Богу. И, может быть, пример его жизненного пути, пример жизни людей старшего поколения необходим современному человеку как воздух во спасение души!..

Дедушка оставил заметный след в православной жизни моей семьи, родных и близких, хранящих православные традиции.

ДЕСНИЦА «ЗОЛОТОГО ВИТЯЗЯ»

«Золотой Витязь», доселе известный как международный кинофестиваль, обрёл новое качество, став Славянским форумом искусств. Достойное место в нём отводится словесности. Свидетельством тому – I Славянский форум «Золотой Витязь», который завершился в начале лета.

Высшая награда Славянского литературного форума – Золотая медаль им. А.С. Пушкина «За выдающийся вклад в развитие славянской литературы» – присуждена Семёну Шуртакову, нашему, кстати, автору. Дипломом «За вклад в развитие отечественной словесности и единство славянских народов» отмечен Владимир Личутин за книгу «Сны бессловесных». А на региональном уровне (Архангельская область) дипломантом «Золотого Витязя» стал Василий Матонин, главный редактор альманаха «Соловецкое море» (на снимке).

М. ПОПОВ

Каргопольская

весна :

литературный

фестиваль

Год
Фёдора
Абрамова

АНТОН ШУШАРИН

Посвящается моей бабушке, Лилии Ивановне

АНГЕЛЫ В НОЧИ

РАССКАЗ

Антону Шушарину 22 года. В начале лета он окончил Севмашвуз (естественно-научный факультет). Занимается музыкой, пишет стихи, пробует себя в прозе. Участник недавнего литературного фестиваля в Каргополе.

За окном ночь. Сквозь запylённое стекло проникает тусклый свет фонаря. Он серебрит растресканный подоконник, весь, как в мотыльках, в хлопьях шелушащейся краски; стол, захламлённый личным скарбом вышедших сегодня на смену работников; прямоугольник двери, расположенной напротив окна. Он высвечивает из липкого сумрака наши кушетки, нас и немножко стены. Я сплю. И все тоже спят, потому что за окном ночь...

Я сплю, укрывшись с головой рабочей курткой с надписью «Скорая помощь», вышитой белыми нитками по синей ткани. Я далеко от этих мест, от запахов усталого города, от шумных игровых в карты за стеной, от пронизывающего холода зимы. *Я там, где нежное солнце золотит луга моего детства, где кружит голову пряный аромат сена... Я сижу за столом в просторной кухне деревенского дома. Бабушка поставила передо мной тарелку, наполненную до краёв. То и дело обжигаясь горячим бульоном, я взахлёб рассказываю бабушке, какой гол забил, гоня мяч с ребятами во дворе деревенской школы. Она, улыбаясь, смотрит на меня, и добрые морщинки разбегаются от уголков её глаз. Вдруг в сенях раздаются тяжёлые шаги, в избу заходит крупный мужчина с большими руками и загорелым лицом, поросшим рыжей щетиной.*

– Здравствуй, Ивановна, – здороваётся он.

– Здравствуй, Андрюша, – отвечает бабушка.

– Ивановна, у тебя лишних штанов не будет? Я износился совсем. Ты в тот раз обещала. Я вот и зашёл, – смущаясь, он мнёт в руках засаленную кепку. – А насчёт денег ты не беспокойся. Я этот раз деньги получу, пить не буду, сразу же верну.

– Подожди, Андрюша, – бабушка встает из-за стола. – Я посмотрю что-нибудь дедово. Ты садись к столу, я тебе супа налью. Будешь? Да не снимай ты сапоги! Всё равно сегодня пол мыть.

– Не, Ивановна, я не буду. Я так посижу, – окончательно смутившись, басит Андрюша, присаживаясь на самый краешек стула.

Бабушка скрывается в сенях. Я, оробев, вожу ложкой в супе, искоса поглядывая на сидящего напротив мужчину.

– Как дела, пацан? – дружелюбно спрашивает он. – Будь другом, налей воды, в горле пересохло.

Я наливаю воды, протягиваю ему.

– А бабушка сегодня с утра пол мыла, – непонятно зачем вдруг говорю я.

– А я знаю, – тряхнув головой, отвечает Андрюша.

– На вот, тебе подойдёт, – вернувшаяся бабушка протягивает несколько рубашек, пару штанов и ещё какие-то вещи.

– И иди уже. Мы обедаем.

Мужчина торопливо прощается и уходит.

– Бабушка, а Андрюша пьяница? – помолчав, спрашиваю я.

– Нехорошо так говорить, – строго отвечает бабушка.

– А зачем ты ему дедушкины вещи отдала, если он пьяница? – не унимаюсь я.

– Понимаешь, Серёжа, – бабушка кладёт на стол ложку и как-то очень серьёзно, как-то

по-особенному смотрит на меня, – бывает так, что некоторые люди запутываются в жизни. Тогда с ними может случиться большая беда.

– Андрюша запутался? – спрашиваю я, осмысливая бабушкины слова.

– Вот именно! Запутался. Таким людям нужно помогать, потому что сами они не справятся. Если ты бросишь запутавшегося человека в беде, то он может пропасть.

– Пропасть? – спрашиваю я. – И Андрюша может?..

– И он тоже. Поэтому, Серёжа, людям всегда надо помогать, выручать из беды, – на секунду задумавшись, бабушка смотрит вверх моей головы в окно. Потом, вдруг встрепенувшись, приторно строго прикрикивает на меня. – Ешь давай! Остыло ить всё.

Я торопливо жую и размышляю о странном мире...

– Седьмая бригада на выезд!

Вздвогнув, я открываю глаза, сажусь на кушетке и, съёжившись, кутаюсь в куртку. Видение рассеялось. Я ощущаю себя маленьким, растерянным и беспомощным перед огромным, разметавшимся за окном городом.

На соседних кушетках благословенно храпят санитары патологоанатомической бригады – они на паузе.

Натягиваю свой грязный «белый» халат, в который раз с сожалением отмечаю отсутствие третьей пуговицы.

«Надо когда-нибудь поменять... Или пуговицу пришить».

Выходя из комнаты, на ходу надеваю куртку, тороплюсь в бокс за «медицинской укладкой врача СП» и кардиографом.

Я санитар скорой помощи.

Ночь. Мокрый снег очередной оттепели огромными хлопьями неспешно опускается на землю, машины, на наши головы и плечи. При полном безветрии, он скорее даже похож на тополиный пух своими размерами и плавной неспешностью падения. В застывшем прозрачно-прозрачном воздухе наши шаги гулко раздаются в серых коробках домов, которые в полудрёме перемигиваются друг с другом жёлтыми глазами-окнами.

Мы поднимаемся на крыльцо, останавливаемся у массивной металлической двери с домофоном. Светлана Викторовна, сверяясь с адресом в карточке, набирает номер квартиры и даёт вызов.

«Ошибка», – отзывается неприятным писком домофон.

– Ничего не понимаю, – бормочет Светлана Викторовна. Приподнимая очки «для близости», ещё раз сверяется с адресом. – Серёжа, попробуй ты. Я, наверно, что-то не так набрала.

– Светлана Викторовна, – отзываюсь я. – Домофон сломан. Смотрите, перед вами объявление висит.

Врач смущённо поправляет очки, скрывая набежавший на болезненно-бледное лицо румянец, дёргает дверь, и мы заходим в пахнущий канализацией и старостью подъезд.

У нас не принято разговаривать на личные темы, но я знаю, что Светлана Викторовна в одиночку поднимает двоих детей и работает почти на две ставки. Сегодня у неё сутки, и, несмотря

на небольшое количество вызовов, она, хоть и бодрится, но выглядит измождённой. Конечно, я прощаю ей её рассеянность и помогаю изо всех сил.

Уже по двери можно сделать предварительный вывод о хозяевах и том приёме, который нам здесь окажут. За фанерной дверью без звонка ничего хорошего ожидать не приходится.

– Да-да, это я вызывала, – пьющего вида заспанная женщина в примерно таком же грязном, как и у меня, халате, сквозь амбразуры век рассеянно смотрит на нас.

– Кому вызывали? – помогаю я Светлане Викторовне. – Куда нам пройти?

– Сюда, – развернувшись, она толкает глухую некрашеную дверь из ДВП и исчезает в тёмном зеве сумрачной комнаты. Мы входим следом.

Привычным взглядом окидываю комнату. Крохотное прямоугольное помещение завалено всевозможным хламом. Напротив двери – сломанное безногое кресло-инвалид, на котором свалено в кучу грязное тряпье. Слева от двери у стены доисторических времён сервант, в нём чёрные кружки и блюда с отколотыми краями.

– Фу! Ну и вонища, – прикрыв левой рукой нос, правой ищущо по карманам маску. Светлана Викторовна, предусмотрительно взяв шапку, протягивает мне свою.

– Так это... Хотела прибраться... Лучше пойду, – хозяйка вытерла ладонью губы и удалилась в другую комнату.

В углу на софе среди вороха грязных покрывал и каких-то ветхих тряпок кто-то шевелится.

– Бабушка, что случилось? – подойдя ближе, спрашивает врач.

Маленькая, сморщенная старушка что-то лопочет, хватаясь то за сердце, то за ворох своих лохмотьев.

Запах затхлости и немытого тела начинает всерьёз меня беспокоить. С тоской бросаю взгляд в окно, сквозь которое с трудом проникает расплывчатый свет фонаря.

– У вас тут свет включается? – спрашивает Светлана Викторовна старушку. – Серёжа, поищи выключатель.

Наивная, думаю я, но подчиняюсь и щёлкаю настенным выключателем. Люстра не горит. Начинаю озираться в поисках другого источника света. Безрезультатно. В конце концов Светлана Викторовна зовёт хозяйку, и та приносит настольную лампу. Врач продолжает осмотр, а я до поры до времени предоставлен сам себе.

Переминаясь с ноги на ногу, стою позади Светланы Викторовны, озираюсь по сторонам. О том, чтобы сесть, не может быть и речи. Со смешанным чувством отвращения и интереса рассматриваю здорового таракана, ползущего по потолку прямо над головой врача, которая осматривает старуху. «Интересно, как она заверещит, если он на неё свалится», – развлекаю я сам себя. Настроение тут же портит жирный клоп, вылезший из горы тряпья на кресле. Он, казалось, уставился на меня и спрашивал, какого... нас сюда принесло. Странно, вообще-то, тараканы, знаю по опыту, должны их есть. Я брезгливо кошу на него и отступаю в центр комнаты. Не хватало ещё притащить домой заразу.

– Вот, возьмите под язык и рассасывайте, – голос врача.

Таракан переместился на стену и медленно ползёт вниз. С удивлением я замечаю, что на полу местами виднеется рисунок. Ковёр? Паркет?

– Извините, – кричит в темноту соседней комнаты Светлана Викторовна. – Вы дочь или кто?

Из кухни появляется жующая хозяйка.

– Тихо, я сказала, – обращается она к кому-то на кухне, и уже нам: – Да. Это моя старуха.

– Что ж вы так мать запустили? Гниёт живо! А грязь какая! Тараканы, клопы... Живёте, как животные... Хуже, чем в хлеву, – Светлана Викторовна, с горечью махнув рукой, выходит в коридор.

Надо же – всё замечает, думаю я про себя, какая молодец!

– Здесь список препаратов, когда что принимать. Оставляю листок вам. Побеспокойтесь о здоровье бабушки, это же ваша мама, – переходит на сугубо деловой тон врач, так и не пробив несокрушимую стену тупого жестокого равнодушия.

– Мы беспокоимся, – бурчит, глядя на бумажку, тётка.

– До свидания, – прощаемся мы с печалью этого дома. «До свидания», – говорю я, а про себя по привычке добавляю «прощай».

Выходим на улицу. Как же восхитителен лёгкий ночной ветерок и беспечные хлопья снега, которые, кружась, пытаются спрятать, прикрыть своим невесомым телом грязь города от глаз посторонних. Маленькие снежинки, искренние и наивные.

Машина, скрипя многочисленными, небрежно собранными механизмами, уносит нас в ночь от очередного одинакового и не похожего ни на один другой дома.

«Нормально. Просыпаюсь», – отмечаю я, кутаясь в синюю куртку.

– Седьмая свободна по адресу.

– Минуту, седьмая... Записывайте адрес...

– Я ушёл! – входная дверь закрылась, и тёплый домашний пучок света, выскочивший зачем-то вслед за мной в подъезд, скользнул обратно в квартиру, оставив меня лицом к лицу с моим одиночеством. Я включил плеер, чтобы отрезать себя от звуков улицы, и вышел на крыльцо.

Февраль хлюпал носом, пахло влажной свежестью и мокрым снегом. Я глубоко вдохнул в себя липнувший, как вата, к лёгким воздух, и, на пару секунд закрыв глаза и затаив дыхание, шагнул в неизвестность.

Город встречал меня визгом тормозов, суетой светофоров на перекрёстках, обнажившимися из-под снега проталинами асфальта на тротуаре. Город был тот же, что и всегда. Взвинченный, угрюмый, он, как больной возбуждённый ребёнок, непрерывно что-то бормотал и суетливо передвигал кубики-машины по игрушечным дорогам; то злился, то смеялся, то плакал.

Город лихорадило вечерней жизнью, а над ним, сыпаясь из тучи, как из прорехи в мешке, сеялся медлительный, меланхоличный снег.

Пушистые серебристо-белые звёздочки вальсировали в воздухе, оседали на крыши машин, на одежду прохожих, на островки асфальта на тро-

туаре. Их размазывали щётками «дворников» по лобовому стеклу автомобилей, втапывали в слякоть под ногами, стряхивали с курток и пальто. Материли погоду и шли себе дальше.

Я на ходу поймал на запусившуюся поверхность снятой шапки снежинку, остановился и посмотрел на неё, приблизив к глазам. Она играла оттенками, переливаясь в свете фонарей и рекламных огней, и, казалось, мелко дрожала, напуганная мною, поймавшим её. Я дохнул – и она пропала. Вспыхнув, погасла, превратившись в пузатую одинаково-разную каплю воды, каплю-конформиста.

В чём-то человек похож на снежинку, думал я, лавируя между прохожими. Ведь сам по себе он прекрасен, как она, необычайно удивителен, нет, даже уникален, но что с ним способна сделать жизнь. Размазать? Втоптать в грязь? Или вознести восходящим потоком воздуха к свинцово-серому небу? Ведь где-то там, выше облаков, бирюзовое небо и обжигающе яркое солнце. И, возможно, Бог.

Вот и Скорая. Приличное двухэтажное здание с пристроенными к нему гаражами. Поднимаюсь на крыльцо, захожу внутрь.

– Здравствте, – приветствую я женщину, сидящую за столом у входа.

Она, не глядя, кивает и бормочет в ответ что-то невразумительное.

По вестибюлю шатаются врачи, фельдшера, водители и ещё непонятно кто. Пересменка. Скорая напоминает вокзал: сумки, крики, нервотрёпка, суета... Встречающе-провожающие толкуются в проходах, парализуя движение. Спешат на первый вызов вышедшие на смену бригады.

Я двигаюсь в комнату отдыха младшего медицинского персонала. Когда я устраивался работать, старший фельдшер показала мне моё место – маленькую комнату на четыре койки, расположенную в пристройке между гаражом и основным зданием. Здесь же находились стол, телевизор и даже микроволновая печь. Обстановка показалась мне не слишком привлекательной, но, впрочем, и не отталкивающей. Скромная простота. Жить можно.

– Здорово, мужики! – бодро говорю я, входя в помещение.

– И тебе не хворать, – замахнув по стопке, отзываются хором ребята. – Будешь?

– Нет, конечно, но спасибо за приглашение, не пью на работе, – вежливо отказываюсь я.

– Да ладно, если б ты пил, хрен бы я предложил, – хохочет весельчак Сашка.

Он работает давно. Снимает комнату, ругает начальство, раз в месяц выгоняет сожительницу и пьёт. Крепко пьёт. Впрочем, здесь все пьют. И дело даже не в том, что должность низкооплачиваемая, что обманывает бухгалтерия и кое-кому снится до сих пор по ночам зона. Просто каждую смену каждый работник Скорой помощи, будь то санитар или старший врач, сталкивается с людским несчастьем, просеивает его через свою душу. Забыв про своё, он обязан помочь облегчить чужое горе.

Отдаваясь другим, ты теряешь себя, свою истину, а найти её, уверяет поэт, можно, например, на дне стакана.

– Да заткнитесь оба, я смотрю телик, – подаёт голос с соседней со мной кушетки у двери водитель Дима.

Водилы – удивительный народ! При том, что, кроме прав на вождение автомобиля, они зачастую никакого образования вообще не имеют, они знают всё на свете. В основном, конечно, не по делу.

– Ваше поведение не соответствует моим ожиданиям, – хохочет Сашка. Он вычитал в Интернете, какими выражениями можно заменять матерные слова, и с удовольствием пробует их на вкус.

– Да пошёл ты, – Дима хватает свою подушку, кидает в него, но промахивается, и та попадает в бутылку. Бутылка опрокидывается, и часть содержимого проливается на стол.

– Ты... Гад ты! – бросается на него Сашка.

Начинается потасовка с выяснением отношений и взаимными угрозами. Я выхожу в гараж покурить.

На часах девять – моя смена началась.

Здравствуйте, – мутный взгляд то ли пьяного, то ли обдолбанного подростка блуждает по моему лицу. – Заходите.

Кособокая «деревяшка», фанерные двери, привычная грязь и вонь – приметы современной глубинки, где научный прогресс обогнал уровень и культуру жизни на несколько столетий. Проходим в небольшую комнатку. Навстречу поднимают затравленный взгляд худощавый парнишка.

– У меня это... Горло того, – хрипит он.

Ну конечно, после такого исчерпывающего пояснения истории болезни всё встало на свои места.

– Свет тут как-то включается? – сразу осведомляется Светлана Викторовна, заглянув в паспорт. – Ты приезжий, что ли?

Кивает.

В соседней комнате подозрительно шумно. Пару раз покосившись на дверь, товарищ врач решила прекратить бардак:

– Серёжа, сходи, попроси там... Мне пациента не слышно. Скажи, чтоб успокоились там все!

Легко.

– Мы квартиру снимаем на троих, – как бы оправдываясь, хрипит парень.

Выхожу в освещённый лампочкой Ильича квадратный коридор. Стучусь к соседям. Шум стихает, я заглядываю в комнату.

– Чё те надо? – вызывающе бросает подросток и глубоко затягивается сигаретой. В комнате, кроме него, ещё трое парней его возраста и две пьяные девахи.

– Ребят, давайте потише. Товарища вашего смотрим.

– Без проблем, командир, – рисуется парень. – Мы молчим. Мы понимаем!

Разливает джин-тоник по кружкам.

– ...а меня Таня зовут, – недвусмысленно улыбается ближняя ко мне девица.

– Спасибо за понимание, – плотно закрываю дверь и возвращаюсь обратно.

– ...и почаще полоскать горло. Завтра обязательно вызвать участкового врача.

Ну-ну. А сейчас мента участкового, добавляю я про себя.

Словно в подтверждение, в соседней комнате что-то с грохотом падает, и крики возобновляются.

– Помогите, врачи, срочно! – влетает в комнату один из дебоширов.

Мы неохотно плетёмся за ним, выясняя попутно, что случилось. Оказывается, одну из девиц, пытавшуюся переместиться с одного места на другое, обнесло, и она, падая, напоролась головой на гвоздь, торчащий из спинки софы, на которой сидели подростки. Давясь смехом и соплями, барышня нетерпеливо дожидается, пока Светлана Викторовна обработает и забинтует ранку.

– Она его головой забить хотела, – хохочут друзья пострадавшей.

– Я щас те налью, пройдёт, – тот же подросток, видимо самый находчивый, тянет подруге кружку с обломанной ручкой.

– Убери, – жёстко останавливаю я.

– Э, командир, ты чё? – начинает качать права парень. – Попутался? Ты в гостях, аллё! Ты сам-то понял, чё сказал, а?

– ...а меня Таня зовут, – заводит старую пластинку вторая деваха.

– Нет, ты смотри сюда, в глаза мне смотри, – не унимается парень. – А ты заткнись, дура!

– Пойдем, Серёжа, – Светлана Викторовна, успех закончив бинтовать, торопится скорее меня увести, чтобы не доводить дело до рукоприкладства. – Я вот милицию вызову сейчас! Обнаглели!

– Давай, вали отсюда, – несётся нам вслед.

– Какой кошмар, – бормочет доктор.

* * *

– ...Седьмая свободна по адресу.

– ...Седьмая, посмотрим больного...

Что день грядущий нам готовит? А что готовит ночь...

Удивительно странное, злое перевоплощение претерпевает город ночью. Неприятный днём, с наступлением темноты он и вовсе теряет свою привлекательность, становясь похожим на пьяного молчуна, от которого не знаешь, чего ожидать. Возможно, полезет целовать губами вызывающе нетрезвой девки, запоздавшей с гулянки, а может ударить со спины кулаком какого-нибудь убудка.

Ночью причудливо переплетаются страсть танца и запутавшаяся в календарях безысходность грязной кухни, гениальность ночных бродячих художников и тупая ограниченность грязно-серой массы домов.

Первобытный, безотчётный страх перед темнотой и неизвестностью загоняет жителей города, как мышей в свои норы.

Мещане избегают темноты. Но только лишь ночью, если прислушаться, можно услышать причудливо-странные, порой пугающие рассказы сего мира о самом себе. Вопрос лишь в том, хочешь ли ты услышать это...

Освободившись от предыдущего вызова, мы тут же получаем следующий и, развернувшись, мчимся по адресу.

Конечно, нас не удивляет очередная некрашеная дверь без звонка и запойное лицо женщины неопределённого возраста, потерявшей за годы бесконечных пьянок не только женственность и красоту, но и вообще всякий человеческий вид.

– Проходите, проходите, – бормочет она, сутулясь и прикрывая разрез халата на груди.

– Куда проходить-то? – спрашиваю я. Дефицит света и усталость дезориентирует в пространстве. Мы топчемся с врачом в коридоре, отупевшие от желания спать и тяжёлого застоявшегося запаха алкоголя и нищеты.

– Да сюда, вот же он лежит, – женщина протискивается между нами в узкой прихожей и открывает дверь в комнату. – У меня же однокомнатная. Тут больше некуда проходить.

Заходим в комнату – труп. «Сегодня первый», – без доли сарказма отмечаю про себя. Работа такая.

– Что случилось?

Новоявленная вдова совершенно не огорчена преждевременной кончиной супруга, скорее растеряна и озадачена. От этого создаётся впечатление, что умер не человек, а хомячок или рыбка.

– Ну, мы сидели, выпивали, – перебирает в голове события ночи «потерпевшая». – Ему, – кивок на тело, – плохо стало, ну, мы с соседом Мишкой, мы с ним вместе выпивали, взяли его и перенесли на диван... Что ещё? – Она останавливается, сбившись, и униженно, умоляюще смотрит в глаза Светлане Викторовне. – Помогите, а?

Врач начинает выпрашивать данные умершего, а я, в праздности, пытаюсь установить причину смерти. Мужчина лежит лицом вниз, уткнувшись в подушку, брошенную на расправленный диван, так, что туловище находится на диване, а ноги, согнутые в коленях, на полу. На постели видны впитавшиеся в несвежее бельё рвотные массы. Очевидно, он попросту задохнулся, не сумев повернуть голову после того, как его вырвало. Просто задохнулся. Просто.

Судьба? Кто знает. Перед смертью не существует установленных человеческим обществом стереотипов: богатый, бедный, алкоголик, трезвенник... Но почему-то её жертвами чаще всего становятся именно такие горемыки. Говорят, какая жизнь – такая и смерть. Когда мать в муках рожала на свет этого человека, разве могла она предположить, что его жизнь закончится так бесславно, глупо и трагично?

Человек... Любопытно, что, будучи живым, человек зачастую никому не нужен. Может быть, он алчет внимания, а может, наоборот, по жизни замкнут и нелюдим. Но стоит ему умереть, как о нём поневоле узнает участковый, потом фельдшер по приёму вызовов на скорой, потом бригада врачей, констатирующих смерть. О нём вспоминают соседи, вызванные понятиями. И все они, как стая ворон, начинают кружиться над телом, которое не нужно ни им, ни его бывшему хозяину. Странно всё это.

Если разобраться, что такое смерть? Люди то и дело умирают. А если быть совсем точным, то не просто умирают, а умирают в огромных количествах: их режут ножами, забивают до смерти, душат, а потом прячут трупы. Кроме того, существуют пожары, дорожные катастрофы, войны. Добавим к этому суицидальные случаи, роковые случайности, убийства в состоянии аффекта или на почве ревности...

На свете полным-полно самых различных, изощрённых способов умереть. Мир полон самых отвратительных смертей. Смертей, от которых

перекашивает рот. Но... Большинство умирает тихо и незаметно, буднично, так, как умер этот человек.

Иногда мне кажется, что к моим ладоням начинает приставать запах смерти. И я бессилён что-либо изменить...

– Седьмая свободна.

– Домой, седьмая.

– Тут кореш разворачивается, а позади, прикинь, лось стоит! Его, видать, оглушило, что ли, а сейчас он очнулся.

Миша увлечённо рассказывает очередную охотничью историю. Сашка рассеянно слушает его, пережёвывая огурец. Водитель, видимо, ушел в гараж играть в карты.

Я захожу в комнату, снимаю куртку и вешаю на гвоздь, вбитый в стену. Халат засовываю в рукав.

– И что вам не спится-то ночами, – спрашиваю мужиков.

– Да, – неопределённо машет рукой Миша и обращается к напарнику: – Давай-ка, Саня, лучше выпьем.

Замахивают по рюмке, и, закусив, Миша продолжает.

– Короче, рраз его рогами! – яростный взмах руки, и кружка, случайно оказавшаяся под рукой, летит на пол. – Фу ты, мать честна! Хорошо пластмассовая. Серёга, подними, дружище, укатилась далеко.

Встаю с кушетки, возвращаю кружку на стол. Раз уже поднялся, решаю выпить чашку чая. Для сна. Хотя ведь понятно – всё равно не дадут поспать.

– Садись, садись, – двигается к окну Сашка, уступая место на кушетке. – Хочешь булочку? Серьёзно.

– Не, спасибо, – отказываюсь я. – У меня свои бутерброды из дома. Не пропадать же...

– У нас не пропадёт, – хохочет Сашка. – Вечно голодные, вечно холодные.

– Да, – мрачнеет Миша. – С нашими зарплатами только заплаты покупать да нашивать друг на друга, чтобы штаны держались.

– Вот ты скажи, Серёга, ты умный человек, в институте учишься, ведь должна же быть справедливость, – вдруг закипает захмелевший Сашка. – Вот почему мне за мою работу не хотят платить по-человечьи? По мне, я человек тёмный, государство должно выполнять три функции: учить, лечить и защищать, – он откашливается и отпивает чай из моей кружки. – Учишься платно? Платно! А то пошёл бы ты сюда... Армию развалили. И здравоохранение ни к чёрту не годится, сам видишь.

– Это верно, – замечает Миша.

– Мне вообще знаешь, что кажется, – обращается Сашка к Мише. – Что там, где-то наверху, на небе, решают так: человек прожил дурную жизнь, умер, и в наказание следующую жизнь он в России будет жить!

– Ну, это ты загнул! Есть страны, где люди куда хуже нашего живут. Это ты себя жалеешь. Давай-ка выпьем, – Миша разливает ещё по одной. Выпивают.

– Вечно ты кипятишься, – неторопливо начинает Миша. – Ты часть государства. Звено в цепи. Ты ответственен за судьбу страны. И за её буду-

щее, и за её настоящее, и даже за историю ответственный. Пока каждый это не поймёт, никогда мы не будем жить хорошо. Вот ты, Саня, всё «себе», «себе», «я», да «я». Вот и каждый так. Тянет одеяло на себя. Оттого и живём плохо. Оттого ты вечно голодный и холодный.

– Что ж ты, если умный такой, в тюрьме-то сидел? Шёл бы в институт преподавать. Серёгу учить жизни, – не унимается Сашка.

– А чтобы понять, – спокойно отвечает Миша. – Я вот понял кое-что. И не жалею, что сидел, раз уж так вышло. А ты вот сидел, да так ничего и не понял.

– Мужики, может, спать? – встречаю я. – Завтра на учёбу.

– Ещё по одной, и спать, – решает Миша. – Отдыхай, наука.

– Погоди, что с лосем-то? – вдруг вспоминает Сашка.

– Ааа... так он в лес ломанулся, а метров через двести слёг, задние ноги в кишках запутались. Видимо, это он с дури вскочил. Попали мы в него крепко. А кореш ничего. Синяками отделался, – усмехается Миша. – Ой, ёлки, чего только не было... Да уж.

Я тем временем перемещаюсь на свою кушетку, снимаю ботинки, ложусь и отворачиваюсь к стенке. Мужики переходят на шёпот и вскоре гасят свет.

Движемся по пустому проспекту. По рации передали, что нужно посмотреть избитого у бара, продиктовали адрес. Милиция уже подъехала. Подъезжаем и мы.

Возле крыльца на спине лежит весь перепачканный в грязи и крови мужчина. Рядом, переминаясь, стоят менты, сунув руки в карманы и втянув головы поглубже в форменные кожаные куртки.

– Долго едете, товарищи врачи. Лейтенант Егоров, – рапортует старший. – Вот. Битый. Виночника взяли. Этого, наверно, вам. Без сознания был, когда приехали. Бухой, короче, – сморкается в сторону.

– Помогите посадить его в машину, – Светлана Викторовна надевает очки и начинает хлопотать вокруг невменяемого мужика.

Я уже приготовил бинт, перекинь водорода и ватку с нашатырём. Милиционеры поднимают пострадавшего и сажают в салон нашей машины. Я включаю освещение и придерживаю мужика. Врач смывает кровь.

– Мы больше не нужны? – спрашивает лейтенант.

– Больше нет, – отвечает, не отрываясь от работы, Светлана Викторовна.

– Тогда скажите номер бригады и фамилию врача.

– Седьмая, Светлова.

– Удачи вам, – он закуривает, прикрывая рукой огонь зажигалки, и, лихо козырнув, уходит.

Милицейский уазик отъезжает, а мы заканчиваем обрабатывать пьяного. Периодически я подсовываю к его носу ватку с нашатырём. Он морщится, матерится и вяло сопротивляется. Стараясь держать крепче.

– Ну всё, поехали. Держи его крепче и узнай фамилию, – просит Светлана Викторовна и, пересев в кабину, командует шофёру, чтобы трогал.

Машина ныряет в ночь. Я остаюсь наедине с пострадавшим. Ещё раз сую в нос нашатырь и спрашиваю, как его зовут.

– Пошёл ты, – отзывается мужик и осыпает меня матерной бранью. Потом успокаивается и как-будто засыпает. Похоже, добиться от него ничего невозможно.

Я сижу напротив пострадавшего. Между нами носилки. Слежу, чтобы он не упал и не повредил себе ещё чего-нибудь. Из сломанного носа капает кровь. Периодически мужик сплёвывает на пол – прокушен язык, разбиты губы. Отворачиваюсь и смотрю в окно. Мимо проплывают сонные дома, которые, будто воробьи, нахохлившись, расселись в ряд по дорогам-проводам. Редкие встречные машины фарами ощупывают бока нашего автомобиля. Какие ночные дела у этой старой «семёрки»? Что заставило скромную дачницу «Ниву» покинуть уютную конуру двора и колесить по сумрачным дорогам? Ночью дела есть только у дорогих внедорожников или у заграничных седанов бизнес-класса. Им всегда есть куда и откуда возвращаться. А у этих-то что?

Вглядываюсь вперёд по ходу движения машины. Двое пьяных тормозят, выйдя на середину дороги, такси, но никто из водителей не хочет оттапливаться. Мужики машут руками, бранятся, наконец один из них бросает вслед очередной не остановившейся машине бутылку и попадает в заднее стекло. Пострадавший в салоне начинает что-то бормотать, но я не обращаю внимания на него и, увлечённый действием, продолжаю с любопытством смотреть в окно, благо наш водитель из интереса притормозил и тоже следит за развитием событий.

Внезапно я получаю удар в ухо. Пьяный, оклемавшись, бросается на меня, наверно перепутав с обидчиком, и начинает осыпать ударами и бранью. Обеими руками с силой отталкиваю его от себя и коротко, без замаха бью кулаком в грудь. Он валится на своё сиденье, а я наношу ещё несколько ударов по корпусу. Мужик оседает и успокаивается. Я беру его за грудки и ору в лицо: «Фамилия твоя!»

– Ушаков.

– Адрес, имя-отчество, год рождения, – ещё раз хорошенько встряхиваю, разбрызгивая снова струёй пошедшую из носа кровь по салону. Мужик называет всё, и я оставляю его в покое.

Вот и больница. Машина подкатила к приёмному покою, и мы с врачом выходим на свежий воздух. Светлана Викторовна закуривает, кутаётся в куртку.

– Ты же учишься, Серёжа, да?

– Да.

– А почему на скорую пошёл работать?

– Интересно. Видишь город наизнанку. Кроме того, идут навстречу, если необходимо смену снять. Учёба всё-таки.

– Нет, ну почему скорая? – Светлана Викторовна стряхивает пепел и, оживившись, продолжает разговор: – Ты крепкий парень. Шёл бы в охрану. Или на завод. Там, в принципе, есть вторая смена. Представь: пять часов пробило, и ты уже свободен. Мы же постоянно перерабатываем. Смены резиновые. И потом, грязь, вонь, а люди... И зарплата у тебя – копейки! Не понимаю, – она

«Ангелы в ночи», рассказ

снимает очки и, достав из кармана куртки платок, протирает линзы.

– Интересная работа. Каждый день не похож на предыдущий, – отвечаю я.

– Тебе *это* интересно? – кивает на машину, очевидно, подразумевая спящего в салоне пациента. – Или с мужиками в комнате отдыха сидеть? Смотреть, как они водку пьют.

– И это тоже, – соглашаюсь я. – Я помогаю людям. Чем могу.

– Как знаешь. Работал бы себе на заводе, забот не знал, – она бросает сигарету и звонит в дверь приёмника. – Пошли, санитар, за каталкой.

– Не надо каталку. Я так затащу.

– Хорошо. Пойду тогда отдам направление на госпитализацию дежурным. Сам справишься?

– Конечно.

Я залезаю обратно в салон и начинаю тормошить мужика.

– Аллэ! Мужик! Ушakov! Приехали!

Никакой реакции.

Подхватываю пьяного под мышки и вытаскиваю из машины. Его ноги волочатся, заплетаясь, по асфальту, куртка задралась, обнажив впалый живот, а ботинок с развязавшимися шнурками слетел и остался в машине. Из дырки на застиранном носке торчит большой палец ноги с длинным ногтем.

И этот несвежий рваный носок, и этот жёлтый, как от никотина, ноготь – все эти детали-пазлы складываются в отдельную жизнь. Дырявую. Прохудившуюся. Заношенную, неудавшуюся жизнь неизвестного мне человека. Человека, кровью которого я перепачкал себе руки и куртку. Как же этот человек не похож на меня, и как же похожа его кровь на мою собственную...

Затаскиваю пациента в приёмный покой. Волочу по коридору в зал ожидания, но навстречу выбегает сестра и останавливает меня.

– Стой! Стой, говорю! Здесь его оставь. К стенке придвинь, и пусть пока лежит.

– Что, прямо на полу? – озадаченно спрашиваю я.

– Да, на полу. Нечего... Перемажет там всё. Мыть потом, – она разворачивается и исчезает в лабиринтах коридоров больницы.

Я возвращаюсь за ботинком, кладу рядом с мужиком и, сообщив Светлане Викторовне, болтающей с дежурным врачом, что я в машине, отправляюсь на улицу.

Водитель расхаживает вдоль машины, разминает затёкшие мышцы. Курит.

– Я связывался. Возвращаемся на базу, – радостно рапортует он мне.

Киваю ему, отхожу в сторону, закуриваю. Достая телефон и торопливо набираю эсэмэс: «Спишь? А я твой сон берегу, любимая. Спи, маленькая». Налетевший порыв ветра захлёстывает полы халата, перепачканного свежей тёмно-красной кровью.

Утро. Скорая оживает. Я проснулся от ощущения всеобщего оживления и суеты. До конца рабочей смены осталось ещё минут сорок, а это означает, что уже через десять минут я могу покинуть казённое заведение и отправиться домой. Я переодеваюсь, сдаю спецодежду и прощаюсь с теми, кто сегодняшней ночью вместе

В о второй раз прошёл в Архангельске Всероссийский театральный фестиваль «Родниковое слово». К нам приехали артисты и театральные коллективы из городов Архангельской области, С.-Петербурга, Москвы, Н. Новгорода, Перми. Подробности, мнения и оценки – в следующем номере.

со мной берёт покой города, с теми, кто освещал путь заблудшим и побеждал смерть.

Свобода...

Я выхожу на улицу. Зима, крепившаяся всю ночь, под утро расплакалась мелким дождём, шелестящим тихим шумом. Капли, срываясь с крыш, барабанят по карнизам. Погода капризничает.

За ночь меня продуло, потому что окно в нашей комнате не закрывается плотно, и нос забит так, что дышать я могу только ртом. Я закуриваю, включаю плеер и, ещё немного постояв на крыльце, неспешно начинаю свою дорогу к дому.

Кто знает, может быть, в такую вот оттепель и со мной случится беда, и мне понадобится помощь. И тогда я буду знать, что где-то, так же, как сегодня, продавливая, прессуя остывший воздух, мне на выручку будет торопиться карета «скорой помощи».

А я, наверно, буду жить вечно в тех людях, которых мне удалось спасти, которые появились на свет благодаря моему, пусть и небольшому, участию. И может быть, мечтаю я, совершённые мною добрые дела станут мне опорой в жизни, будут, подобно маяку, освещать мой путь в будущее.

Скорая остаётся позади, я снимаю и прячу в рюкзак шапку. Дождь кончился, и из-за рваных кучевых облаков выглянуло утреннее, почти весеннее солнце.

Новый День встречает меня безумной игрой красок, света и тени, облаков и солнца. Прекрасная, спокойная и нежная мелодия, напетая юным ветром, будит сонный город. Он поднимается с колен и приветствует Новый День, приветствует его стоя...

г. Северодвинск

ГОД ФЁДОРА АБРАМОВА

Каргопольская весна: литературный фестиваль

В год своего 75-летия Архангельская писательская организация проводит множество различных акций и мероприятий. Одно из них – фестиваль начинающих и уже заявивших о себе прозаиков и поэтов, который в шестой раз прошёл в Каргополе.

Семинаром поэзии руководили Александр Логинов и Ольга Корзова, семинаром прозы – Михаил Попов и Валерий Чубар. Ряд авторов, чьи произведения – стихи и проза – обсуждались на фестивале, представлены в этом номере.

На снимках:
сюжеты
фестиваля

Александр Киров – преподаватель Каргопольского педколледжа, кандидат филологических наук, автор книги прозы «Митина ноша». Недавно стал победителем Всероссийского фестиваля «Чеховский дар» (г. Таганрог) в номинации «Необыкновенный рассказчик».

Александр КИРОВ

УСТАМИ ПРИТЧИ МЛАДЕНЦА

УДАЧНИК И НЕУДАЧНИК

Жили-были два товарища. Удачник и Неудачник.

Удачник был быстрым. Он блестяще окончил университет. На последнем курсе женился. Почти сразу стал отцом. Отслужил в армии. Взял большую ссуду. Построил дом. Моментально отдал ссуду, получив премию и наследство. Стремительно взлетел до поста директора школы. Вступил в партию, какую – не важно. Получил повышение. Выдвинулся на пост главы – опять же не важно чего. Выиграл выборы. Четыре года сидел в кресле. Вышел на пенсию. Выдал замуж дочь и воспитывал двух внуков.

Неудачник был медленным. Он начал учиться вместе с Удачником, но завалил сессию, перевёлся на заочное отделение. Там два раза брал академический отпуск. Работал в школе учителем по самому низкому разряду. В армии не служил. Кое-как окончил универ. Женился уже лет под тридцать. Жил с больной матерью и молодой женой. Детей не заводил. Только у них троих стали налаживаться непростые отношения, как померла мать. Только обжились они с женой после этого, как Неудачник не с ума и неудачно гульнул, вследствие чего остался один и запил. Его выгнали с работы. Несколько лет он нигде не трудился, жил на скудном пособии, благо дом у него был свой и платить нужно было только за электричество. Потом бросил пить. Из жалости его снова взяли на работу. Нудно и трудно он дотянул до пенсии и сидел дома, из которого выходил только затем, чтобы купить в ларьке на углу хлеба да крупы, спичек да папирос, чаю да баранок.

Когда Удачник уставал нянчиться с внуками, он шёл в гости к Неудачнику. Неудачник занимался репетиторством. Дома у него всегда сидели местные двоечники. Ни с кем из них Неудачник не занимался дольше месяца. Двоечники не начинали учиться лучше после его занятий. Поэтому и денег Неудачнику родители двоечников почти не платили.

И в этот раз Удачник пришёл к Неудачнику, тихо присел за обшарпанный стол на кухне и стал слушать, как Неудачник разговаривает с очередным двоечником, который не сегодня-завтра обязательно сбежит от Неудачника.

– Ну что же ты, Вася, – укоризненно говорил тем временем Неудачник, – опять не сделал работу над ошибками.

– А мне неохота было, – нагло и честно ответил Вася. – А двойку вы мне всё равно не поставите. Здесь не школа. А родителям я скажу, что ничего у вас не понимаю.

– Ладно, Вася, – засмеялся Неудачник. – Работа над ошибками – это не главное. Ты можешь посмотреть на людей, которые делают ошибки в жизни, и сам не делать их.

– На вас, что ли? – громко засмеялся Вася.

– А хоть бы и на меня.

– Не, – засомневался Вася, – которые ошибки делают, они не такие, они как...

Тут Вася увидел через открытую дверь, что за кухонным столом сидит Удачник, и осёкся...

Вскоре Вася ушёл. Удачник сидел за столом с Неудачником и долго рассказывал товарищу о том, как хорошо ему, Удачнику, живётся на пенсии. Неудачник кивал и всё удивлялся: «Да-а, вишь ты, молодец!» И угощал, угощал товарища чаем с баранками.

Удачник шёл от Неудачника домой и всё думал, о ком не сказал своему учителю Вася. Потом он переключил свои мысли на то, какой всё-таки Неудачник ротозей, ведь на веранде в корзине у него лежат заготовки для щепных птиц, которых можно было бы выгодно продать, только ошкурить и приделать к ним крылья – минутное дело при наличии станка. Но, во-первых, у Неудачника нет станка, во-вторых, странный он, странный. Сидит на крыльце летом целыми сутками и всё трёт, трёт какую-нибудь неказистую деревянную заготовку мелкой наждачной бумагой.

ПРАЗДНИК АЛИКА БАБУРОВА

1

И вот наконец-то пришёл этот праздник.

* * *

Алик Бабуров ждал этого момента почти три месяца. Готовился. В школьном спектакле ему предстояло играть роль мальчика-слуги, раз десять выходить на сцену и говорить степенно:

– Да-с, чего изволите-с...

Фразы были не одинаковыми, но похожими.

Почему же тогда Алик так ждал этого праздника?

На этот вопрос он, пожалуй, не смог бы ответить ни до, ни, тем более, после того, что школьные педагоги степенно называли мероприятием...

Просто он привык к тускловатому свету школьной лампочки в классе, когда сидишь там вечером, маленький и незаметный, и ждёшь своей очереди репетировать. А некрасивый молодой учитель литературы, битый час пролюбезничав с первыми красавицами десятого «бэ» Машенькой и Дашенькой, наконец объясняет тебе бегло и не-

уверенно (он ведь не на режиссёра учился), где нужно стоять и что делать, куда смотреть и как кашлять.

Потом разрозненные сырые картины постепенно складываются в театральную мозаику, которой правит уже не учитель-режиссёр, а некий дух, вызванный из зимней темноты коллективными усилиями ребят. И сказка опускается сначала на тусклый класс, а потом, позднее, когда учителю начинают выдавать ключи от актового зала, уже на сцену из разошедшихся потрескавшихся досок, с которых от бойкой дробы девчоночьих каблучков отлетают кусочки тёмно-коричневой краски.

На третий месяц репетиций начинается преобразиться сцена этого самого зала для разного рода школьных актов. Появляются декорации, зашиваются дырочки на занавесе, молодой некрасивый учитель литературы каждый вечер приносит на репетиции всё новые и новые старинные предметы: то подсвечник, то кубок, то самое настоящее гусиное перо для письма.

И вот последняя неделя прогонов и генеральных репетиций. Всё живо, всё дышит будущим спектаклем. Только о нём говорят в школе, толпясь на переменах у самой красивой на свете афиши. Только о нём думают актёры, не готовясь к текущим урокам, отвечая невпопад, вызывая раздражённое шипение пожилых учителей в свой адрес и в адрес молодого некрасивого учителя литературы, который терпит всё, только лишь всё больше и больше сугулится и темнеет лицом. Только о нём говорят две или, например, три школьные технички, вздыхая, как, дескать, им всё это надоело – ведь каждый вечер грязи напачнут (потом уже снега нанесут) и семечек набросают.

А на афише в правом нижнем углу, нежно алыми буквами вписано под рубрикой «В эпизодах»: «Мальчик-слуга – Олег Бабуров» (10 «а»).

* * *

На последней репетиции учитель говорит ребятам, чтобы они пришли во столько-то, обязательно выпалились сегодня, чтобы привели в порядок костюмы, попросили родителей помочь отгладить воротнички и чтоб не забыли пригласить мам, пап, бабушек, дедушек и прочих родственников на спектакль.

Только Алик своих родителей звать не будет. Они пьяные всегда. С утра и до глубокой ночи. И бабушка с дедушкой тоже пьяные. Один Алик не пьёт в этой семье. Мама хвастается своим собутыльникам, что сына у неё – будущий актёр – вон, в спектаклях играет, и Алик, тупо уставившись в учебник по алгебре, опускает при этом голову от стыда за своих никчёмных родичей.

Даже если Алик позовёт их на спектакль, они не придут, потому что будут помнить об этом приглашении минут десять, и то в лучшем случае.

* * *

Перед спектаклем долго и взволнованно говорит директор. Работа у него такая – говорить долго. И взволнованно. Вручает он какие-то грамоты. Сначала ребятам, потом – учителям. Литератора просто хвалит, но громко хвалит. Наверное, в следующий раз грамоту даст. Молодой ещё. Успеет отличиться. А пока пусть пашет. За себя

и за тех, кому пахать по штату уже не положено. За тех, кто грамоты получает. За тех, у кого на уроках Алик чувствует себя – он запомнил это выражение – маленьким каторжником.

* * *

Спектакль проходит быстро и чётко. Всё отработано до мелочей. А на случай ещё более частных мелочей есть такая штука, как импровизация. И чем профессиональнее театр, тем меньше в нём для этой самой импровизации места. А тут – и не театр. Так. Собрались ребята раз в сто лет. Больше уж не соберутся. Полгода учиться осталось. Аттестационное сочинение на носу.

Алик раз за разом выскакивает на сцену с подносом.

– Да-с... Слушаюсь-с... Чего изволите-с...

Он входит в азарт, ловит кураж. Он понимает, что зрители смеются – над его персонажем. Хлопают же – ему, Алику. Что своим мальчиком-слугой он заткнул за пояс всех отплясывающих Машенок и Дашенок. Алик чувствует свой звёздный час...

* * *

А потом этот час проходит. Аплодисменты... Цветы... Машенькам и Дашенькам... И вот уже учитель, как взрослому, пожимает ему руку:

– Молодец, Алик-сан. Поздравляю. Ты был сегодня лучшим. А теперь пошли, брат, по домам.

Алик оглядывается и вдруг видит, что актовый зал пуст, что вокруг нет никого. В потолке вспыхивает вольфрамовая нить лампочки, и свет гаснет.

– Да-с! Чего изволите-с! – хохочет Алик.

Учитель смеётся вместе с ним...

* * *

– Да-с! Чего изволите-с! – хохочет Алик на уроке алгебры.

Пожилая, да просто старая алгебраичка багровеет и вышвыривает его из класса. Но Алик всё смеётся и повторяет, повторяет эти полюбившиеся ему фразы старинному зеркалу, единственному украшению этой сельской школы.

Из кабинета выскакивает директор. Он тоже красен и разъярён.

– Да-с! Чего изволите-с! – кричит уже ему Алик.

Лицо мальчика искажает гримаса. Но он смеётся, смеётся...

2

– Да-с... Чего изволите-с... – бормочет безумный безвозрастный человек, бредущий по вечернему городу десять лет спустя.

Выпрямившийся и располневший учитель литературы, точнее, школьный завуч, у которого уже стоит дома за стеклом грамота областного департамента образования, увидев Алика, поспешно переходит на противоположную сторону тротуара.

Алик плачет, но всё никак не может отделаться от этой опостылевшей фразы. А потом он оттанавливается и громко, залиvisto смеётся. Нет! Это прекрасная фраза. Праздник продолжается.

г. Каргополь

65 лет

Великой

Победы

Год
Фёдора
Абрамова

Юрий БАДЫН

МАТЬ И СЫН

Вспоминая Александра Шабалина

Из многих моих фотографий Александра Осиповича больше других нравится снимок, на котором удалось запечатлеть его вместе с матерью, Мариной Сергеевной, во дворе её дома. В летнюю пору сын старался выбраться из шумного Ленинграда, где жил и служил, погостить у родственников в тихом поморском городе Онеге.

Фоторепортаж об одном из его пребываниях делался в непринуждённой обстановке, без позирования, в разговорах за чайным столом, прогулках

по деревянным тротуарам. Снимки адмиралу понравились, мы подружились.

Когда в областной газете «Правда Севера» было решено отметить юбилей прославленного военмора соответствующей публикацией, то пришлось срочно вылететь в город на Неве, побывать у Александра Осиповича на квартире и в Высшем военно-морском училище имени М. В. Фрунзе, где наш земляк занимал должность заместителя начальника этого учебного заведения. Запомнились вручение ему красной ленты почётного гражданина Архангельска, как и проводы в аэропорту, телефонный звонок с просьбой встретиться после перелёта из Онеги, фестиваль документальных телефильмов патриотической тематики, жюри которого он возглавлял...

Воевал же потомок онежских поморов на театре боевых действий Северного флота, возглавляя группу торпедных катеров. Прослыл дерзким командиром, потопившим немало вражеских транспортов и кораблей, мастером высадки десантов. Немцы, удерживая береговые укрепления, почуяв опасность, предупреждали друг друга: «Ahtung! Schabalin!»

Рассказывает онежский краевед Александр Ульянов. Штабу флота необходимо было выяснить, какие средства сосредоточены у противника в Бос-фиорде. Предполагалось, что Шабалин высадит для этого группу разведчиков в Маккуурсан-фиорде, откуда они пешком двинутся дальше. Однако при подходе к намеченному месту катер обнаружили. Казалось бы, это обстоятельство давало капитан-лейтенанту основание со спокойной совестью возвратиться обратно. Но Александр Осипович принимает другое решение: не удалась предварительная высадка, так почему бы не осуществить её в самом Бос-фиорде, куда частенько заходят немецкие катера.

– Попробуем проскочить под их марку, – предложил он командиру разведчиков В. Н. Леонову.

Виктор Николаевич согласился с неожиданным предложением. И Шабалин снова повёл свой катер к вражескому берегу. Скоро из темноты показались обледенелые скалы. Потом блеснули редкие огоньки на том берегу. Торпедоносец всё глубже и глубже входил в залив. Члены экипажа действовали спокойно. С берегового сигнально-наблюдательного поста замигал прожектор, торопливо высвечивая тире и точки морзянки.

– Позывные запрашивают, товарищ командир! – доложил боцман Козлов.

– Не отвечать, – приказал Шабалин и, не увеличивая хода, продолжал вести катер дальше.

Помигав прожектором ещё раз и опять не получив ответа, немецкие сигнальщики успокоились. Решили, видимо, что это возвращается из дозора один из своих экипажей.

Пройдя две-три мили вглубь фиорда, наш ТКЛ-12 подошёл к берегу. Разведчики, прыгнув на землю, ушли добывать языков, а Шабалин, отойдя в тень ближайшей скалы, застопорил ход. Готовые к любой неожиданности, его ребята не отходили от пулемётов, внимательно глядя в темноту. Медленно тянулись минуты томительного ожидания. Наконец замигал чуть

приметный огонёк фонарика – это возвращались леоновские смельчаки...

О подвигах отважного северянина в кипящих от сражений водах Баренцева моря убедительно говорится во многих публикациях. Напомню лишь, что указами от 22 февраля и 5 ноября 1944 года Президиум Верховного Совета СССР капитан-лейтенанту Александру Шабалину дважды присваивал звание Героя Советского Союза. Подобной чести не удостоен больше никто из земляков-северян, участвовавших в Великой Отечественной войне.

Вспоминает сестра Валентина. В ту пору мне шёл седьмой год, и я запомнила, как к нам пришла соседка, сообщив новость о награждении брата. А вскоре от Александра получили письмо, которое, как и другие, начиналось обычной фразой: «Здравствуйтесь, дорогая, любимая мама Марина Сергеевна и вся моя родня. Сообщаю, что...» Мама наша закончила два класса церковно-приходской школы, была домохозяйкой, однако весточек от воевавших сыновей Александра и Петра, который дошёл до Берлина, ждала и сама их медленно вслух читала. Письма-треугольники со штемпелями полевой почты, бывало, часто перебирала. К сожалению, они не сохранились. Мы постоянно ждали нашего Саню домой.

Из письма к матери. Здравствуйтесь, родные и любимые мама Марина Сергеевна, сестра Валентина Иосифовна, зять Александр Иванович! Шлю свой чистосердечный привет и желаю всего самого наилучшего в вашей жизни и работе, а главное – доброго здоровья. Не обижайтесь, что не мог такое длительное время послать письма. Было много работы, так как оставался в училище один за всё командование и пришлось принимать несколько иностранных делегаций: из США, Франции, Дании, других стран. Поэтому сильно уставал: приеду домой, а сил и желания сесть за стол с ручкой и бумагой уже нет, поэтому всё оттягивал свой ответ на твою, мама, весточку. Так что извини, моя родная. Ты у меня всегда на уме, я никогда в своей жизни не забывал о тебе. Валя почти еженедельно звонила нам и, наверное, тебе рассказывала о нашей жизни. У нас всё как будто нормально. Собираемся уходить на пенсию. Когда, точно сказать не могу, вероятно в августе. Сестра спрашивала о времени нашего приезда в Онегу. Отвечаю, что в июле будем обязательно у вас. А сейчас находимся на даче в Зеленогорске с внуками, поэтому у жены Варвары с ними много хлопот – ребятишки очень непослушными растут... Сообщите, как вы там поживаете? Как мамино здоровье? Пусть Валентина обо всём напишет. Привет всем Шабалиным! Пока до свидания. Целуем. Ваши Саша, Варя, Наташа и маленький внучек. 19.06.75 год.

В пароходы, строчки и другие долгие дела. Марина Сергеевна скончалась в мае 1977 года. Александр Осипович, разумеется, прилетел на похороны. Маму погребли на местном кладбище с христианскими почестями. 30 марта 1978 года в письме к сестре Валентине он сообщал, что «...памятник маме сделали хорошо, я его уже отправил вам 24 марта, упаковав в три ящика, приложив квитанцию. Если всё будет нормально, то к 27 мая приеду на годовщину смерти мамы».

А через пять лет не стало и её старшего сына, нашего вечный приют на Невской земле. В последний путь звёздного военмора вместе с сослуживцами провожали дочери Галина, Раиса, Наталья, сын Геннадий, ставший, как и отец, контр-адмиралом. Мне же сказать последнее «прости» славному потомку онежских поморов, которого знал и уважал, к сожалению, тогда не довелось. Так пусть же прощальным словом моим ему станет эта публикация в год 65-летия Великой Победы.

В районном центре, у самого Белого моря, где жила Марина Сергеевна, её первенцу, согласно указу Президиума Верховного Совета СССР, установлен бронзовый бюст, воспетый местным поэтом, лауреатом областной Рубцовской литературной премии Евгением Токаревым:

*Всё... Бюст его присыпан снегом,
Стоит, безмолвье сторожа.
Как радовалась вся Онега,
Когда он в гости приезжал!*

*Плащ распахнув, знакомо окал:
– Опять пожаловал, опять...
Его встречала у порога
Седая старенькая мать.*

*Он руки жал друзьям, знакомым,
И незнакомым, и родне:
– Вот наконец-то я и дома,
В своей поморской стороне.*

*Но коротки бывали встречи,
А отзывали всё дела.
Ему ответственность на плечи
Не только славою легла.*

*Январь. И холодно, и пусто
На берегу родной реки.
Весною у подножья бюста
Зардеют маков лепестки.*

*А он, навечно бронзолитый,
Окинет даль в рассветный час,
И отблеск моря отразится
В прищуре командирских глаз.*

Если будете в Онеге, то, пройдя до восьмилетней школы № 2 на улице Ленина, увидите мемориальную доску, извещающую о том, что юный Саша учился здесь в довоенные годы. Имя Александра Осиповича носят большой десантный корабль Балтийского флота, супертанкер Мурманского морского пароходства, улицы в Архангельске, Мурманске, Линыхамари с мемориальными досками, площадь, рабочий посёлок, тепловоз – в Онеге. На вечную стоянку вознесён в Североморске изрешечённый пулями торпедный катер ТКЛ-12, на котором бесстрашный Шабалин наводил ужасы на фашистов. В центральном военно-морском музее можно увидеть ещё один бюст ему – точь-в-точь как в Онеге. Гранитное изваяние контр-адмирала венчает могилу на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга.

Александр Григорьевич Сомкин родился в 1933, самом голодном году, пережил на Украине оккупацию, после Победы с отцом-военным оказался на Севере, окончил мореходку, всю жизнь отдал морю. Журналист, автор книги «Мы помним вас...», посвящённой героям северных конвоев.

Александр СОМКИН

КАРАМБОЛЬ,

или Три встречи

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Из всех моряков, сошедших на берег, никто, кроме третьего помощника капитана Виталия Скрыпника, в этом порту ещё не бывал, да и он видел город только с борта судна, прошлый заход был очень коротким, и в увольнение никто сходить не успел. Зато сейчас моряки не торопились. Они шли медленно, с любопытством осматривая незнакомый город, фотографируясь в интересных местах.

У собора к ним подошли два незнакомца, похожие на докеров: вылинявшие комбинезоны, серые кепки. Они катили по велосипеду.

– Привет землякам! – радостно воскликнул один из них, мужчина лет пятидесяти с приятным открытым лицом. – А мы с приятелем едем по площади, слышу, батюшки, ребята по-русски говорят! Ну как тут мимо проехать, не поздороваться.

Моряки с любопытством смотрели на незнакомца, а тот продолжал:

– Давно, давно не слышал родной речи. И какие вы все орлы. С парохода?

– С парохода.

– Давно из дому? Как жизнь-то там сейчас? Всё плотины строите, целину осваиваете? Да, извините, не представился. Иващенко Фёдор Петрович, бывший красноармеец, бывший военнопленный, а ныне местный житель. А это мой товарищ по работе, – указал он на своего напарника. – Гражданин этой республики, по-русски ни в зуб.

«Гражданин республики» приподнял над головой кепку и пробормотал что-то, не то здороваясь, не то называя свою фамилию.

– Вы, ребята, наверное, с городом хотите познакомиться или, может, чего-нибудь купить? Могу посодействовать, – продолжал Иващенко. – Нет, нет, не отказывайтесь, мне будет очень приятно провести время с земляками. Знаете, соскучился по родному языку, а тут и поговорить не с кем. Обложишь вот этого балбеса по-нашенски, вроде полегчает, а он, дурак, скалится, думает, я ему приятности рассказываю... Тоска.

– Возвращались бы домой, если тут так тоскливо, – сказал моторист Коломенцев. Он ещё не встречал за границей «не наших» русских, и ему было интересно поговорить с таким человеком.

– Возвратиться-то недолго, да вот вопрос – куда? Приедешь и сразу без пересадки в Сибирь. У вас ведь как: был в плену? Был. За границей жил? Жил. Ага, дружок, позвени кандалами в Сибири, как в песне поётся. Пока из тебя иностраный дух не выветрится.

– Кстати, в Сибири не так уж плохо люди живут, – вмешался в разговор Скрыпник.

– Кто живёт, а кто гниёт, – ответил Фёдор Петрович. – А здесь жить можно. И хорошо. Вот я, к примеру. Свой дом, скоро вот эту машину, – хлопнул он по сиденью велосипеда, – на фольксваген сменяю, зарабатываю хорошо. Да и вообще в смысле личной жизни красота. Никто тебя не трогает, никаких тебе собраний, заседаний, митингов. Полная свобода, хочешь, поезжай в Швейцарию или там на Гавайи. Тут я слышал, некоторые ребята вроде вас, – Иващенко испытательно посмотрел на Коломенцева, – оставались здесь, на Западе, сейчас, говорят, живут как боги – деньги, виллы, машины... Мне один человек рассказывал, который их устраивал. Кстати, у меня случайно его адресок с телефоном завалялся. Можете познакомиться, если хотите. Для интереса...

Скрыпнику всё стало ясно.

А Иващенко не унимался:

– А вообще, только здесь, на Западе, можно кое-чего добиться. Вот опять же я, например. Ну что я был в Союзе? Карамболь в жизни ноль...

При последних словах Фёдора Петровича Виталий внимательно посмотрел на говорившего. Где-то это он уже слышал. Что-то знакомое, но давно позабытое почудилось в этой присказке.

Дальнейший разговор пошёл совсем не так, как предполагал Иващенко. Правда, он услышал от моряков кое-что на чистом русском языке, но это отнюдь не порадовало его, и, холодно попрощавшись, Фёдор Петрович вместе со своим компаньоном укатил с соборной площади.

За углом собора «гражданин республики» зло сказал Фёдору Петровичу:

– Ну, мой дорогой, при такой работе долго вам придётся дожидаться «фольксвагена». Слишком грубо берёте быка за рога.

– Что ж вы сами не попробовали, господин Васютин? – огрызнулся Иващенко. – Вы ведь не хуже меня владеете родным языком, вот и надо было брать быка за рога деликатно. А я бы имел удовольствие послушать, как они отбреют вас. И потом... Что-то уж очень косо посматривал на меня один из них. Не встречал ли он меня уже в каком-нибудь порту? Пока остерегусь появляться здесь.

Нет, не встречал Виталий Скрыпник Фёдора Петровича в чужих портах... Придя на судно, Виталий доложил вахтенному штурману о прибытии с берега, сдал первому помощнику паспорта, не рассказывая о случае у собора, и ушёл к себе в каюту. До вахты оставалось два часа. Скрыпник взял книгу и прилёг на диван. Однако на этот раз чтение не увлекло. В памяти упрямо вертелась фраза, услышанная на берегу: карамболь в жизни ноль...

Что за бессмыслица? Карамболь – это словечко вроде из бильярдного лексикона. А при чём тут ноль? Да и не в этом дело. А в том, что эти слова он уже где-то слышал. Значит, должен был бы знать и говорившего.

Фёдор Петрович... Человек как человек, приятная наружность, правильные черты лица, глаза, нос, уши... Уши... Ухо. Изуродованное ухо! Оно было прикрыто фуражкой, сдвинутой набекрень, но при наклоне головы пару раз открывалось, это изуродованное ухо.

Он!.. «Козак»!!

Год 1943-й. Улицы украинского городка топчут тяжёлые немецкие сапоги. Третье лето развеивается над бывшей школой флаг с паучьей свастикой и стоят у школьных дверей часовые с чёрными «шмайзерами» наизготовку.

На улицах в основном мелькают серо-зелёные мундиры оккупантов, слышится отрывистая, так не похожая на певучую украинскую мову, чужая речь. Жители редко появляются на улицах, и только вездесущие мальчишки, у которых любопытство побеждает страх, бегают по зелёному выгону, на котором поджарый немецкий офицер с широкими кожаными леями на галифе муштрует полтора десятка тупых полицаев, с грехом пополам набранных где-то по сёлам...

Однажды среди серо-зелёных мундиров в городке появились люди в невиданной до сих пор в этих краях форме. Сдвинутые набекрень кубанки, туго затянутые в талии черкески со сверкающими на груди газырями, под широкими мохнатыми бурками можно было спрятаться вместе с конём. Люди разговаривали по-русски, и уже на другой день жители знали, что в город прибыли «вильные козаки», кавалерийская часть набранная из донских, терских, волжских и своих, доморощенных казаков.

Фашисты воевали не только руками немцев. Были у них румынские, финские, венгерские, итальянские, чешские и болгарские части. Не говоря о власовцах, которых немцы угрозами и посулами, обманом и хитростью насобирали в лагерях военнопленных аж целую армию, представив их как добровольцев, идущих освобождать Россию от большевиков.

Находились и настоящие добровольцы, в том числе и среди казачества. Казаки, веками служившие России, в предвоенные годы подвергались гонениям и репрессиям, эта недалёковидная политика привела к тому, что в войну многие казаки сводили счёты с советской властью. А поскольку в оккупированной Украине советской власти не было, некоторые добровольцы срывали свою злобу на мирных людях.

Нагрянувшие в наш город «вильные козаки» перед немцами тянулись в струнку, козыряя чуть ли не рядовым солдатам, но с местными жителями не церемонились. Почти каждое утро соседи шёпотом передавали друг другу новости о «подвигах» «вильного казачества». То со двора увели телку. То избили до полусмерти старика, пожалевшего для «казачества» последнюю курицу, то пытались затащить на старое польское кладбище проходивших мимо девчат.

Однажды летом Виталий с друзьями лежали в пыльной траве на краю выгона и наблюдали, как офицер обучает с десяток новобранцев-полицаев

немецкой маршировке. Не понимая немецких команд, полицаи на поворотах сталкивались друг с другом, а *дойче марширен* был похож на стадо коров, которых гнали на пастбище.

Было смешно, пока около ребят не остановился щеголеватый в черкеске с серебряными газырями «козак». Со скучающим видом он тоже стал смотреть, как топчутся на выгоне упарившиеся полицаи, и презрительная улыбка кривила его рот. Увязавшийся с ребятами четырёхлетний Митя, сын кладбищенской сторожихи, подошёл к «козаку» и, восхищённый блеском казацких газырей, попросил:

– Дядьку, дайте одну цацку!

Улыбка сползла с лица «козака», и он разъярённо заорал на Митю:

– Шо!! Цацку! Тебе, щенку, форма казацкая – цацка! Пшёл отсюда, паскуда!!

И пока растерянный Митя хлопал глазёнками, не понимая, чем рассердил дядьку, тот пнул мальчика носком сапога в грудь. Коротко всхлипнув, Митя отлетел прямо под ноги офицера, командовавшего нерадивыми полицаями. Немец недоумённо нагнул, перевернул Митю на спину, посмотрел и, медленно выпрямившись, направился прямо к ребятам. Они, ещё не осознав, что случилось, замерли на месте. «Козак», увидя приближающееся начальство, вытянулся в струнку и вытянул вперёд руку в гитлеровском приветствии. Офицер подошёл к нему вплотную и изо всей силы ударил «козака» в лицо кулаком, обтянутым лайковой перчаткой. Тот сильно пошатнулся, но устоял. По лицу его текла кровь, а вытирать её он не смел, всё пытаясь вытянуться во фронт.

– Вэг, козакен швайн! – орал на ошеломлённо-го «козака» немец. – Вэг шнель, унтерменш!!

Видя, что «козак» не соображает, чего от него хотят, офицер, рванув его за рукав черкески, развернул «унтерменша» на сто восемьдесят градусов и пнул под зад, придав нужное направление и скорость движения расфуфыренному «союзнику». Затем обрушился на ребят, приказывая им забирать малыша и убираться ко всем чертям.

Опомнившиеся ребята, подхватив Митю на руки, бегом бросились к кладбищенской сторожке. Там они вместе с плачущей матерью пытались привести малыша в чувство, брызгая на него водой, растирая грудь. Но всё было тщетно. Прибежав утром к сторожке, ребята увидели кучку старушек в чёрном, собравшихся у дверей и ещё издали слышали плач Митиной матери.

Примолкшие ребята сидели на куче старых брёвен около кладбищенских ворот. Причитания сторожихи рвали душу.

– Ну, гад... – скрипнул зубами самый старший из ребят Сашко Смилывый и, вскочив с бревён, забежал в разломанные ворота старого кладбища. Виталий кинулся за ним. Догнав приятеля, Виталий увидел, как Сашко, беспобашный Сашко, главарь всей уличной ребятни, гроза соседских садов и огородов, молча плакал, приткнувшись к чьему-то замшелому известняковому надгробью.

– За что он его? За что? – не стесняясь своих слёз, яростно закричал на Виталия Сашко, как будто тот был в чём-то виноват. – Ну чем ему пацан помешал? Ах, сволочуга, попугай раскрашенный! Слышь, Витька, пойдём, найдём его...

– Кого? – грустно спросил Виталий. – Ты что, пожаловаться на него хочешь? Кому? Фашистам? Да им наплевать на то, что их «козак» какого-то там пацанёнка пришиб. Они сами сколько народу угробили, ты что, забыл?

Прошлым летом ребята пошли в знакомый до последнего деревца лес Облоги за ягодами. Вместо рва, окружавшего лес, чтобы он не разрастался на поля, они увидели ровное, свежесасыпанное место и... скрюченную кисть руки, торчащей из земли.

Накануне ночью фашисты расстреляли здесь всё еврейское население городка...

– Я сам этого гада ухлопаю, – твёрдо, как окончательно решённое, произнёс Сашко.

Виталий с боязливым восхищением посмотрел на товарища и, больше не спрашивая ни о чём, положил руку на плечо друга.

Целый день ребята ходили по городу, внимательно присматриваясь ко всем встречным «вильным козакам», заходили в хаты, где те квартировали, просили у хозяев напиться и смотрели, смотрели...

«Своего» они нашли под вечер. Сквозь ярко освещённое окно бывшей районной гостиницы, ставшей сейчас чем-то вроде базы отдыха для оккупантов, ребята увидели, наконец, Митино убойцу. В расстёгнутой черкеске, с офицерским «подарком» – багрово-синим фингалом под глазом, он задумчиво ходил вокруг бильярдного стола и загонял в лузы пожелтевшие костяные шары. Время от времени он подходил к столу, за которым сидели два таких же «козака». На столе стояло несколько бутылок самогона и валялись куски хлеба, раздавленные помидоры, нарезанное толстыми ломтями сало. Вся компания была уже изрядно навеселе, однако верность в ударах «козак» не терял, видно было, не впервые держал в руках кий, несмотря на подбитый глаз и выпитый самогон, шары точно ложились в лузы.

Мальчики отошли от плетня, за которым прятались. Сашко сбегал к развалинам разрушенного еврейского домика и принёс оттуда здоровенный кирпич.

– Да как ты его бросишь? Тяжёлый ведь, да и далеко.

– А я и не буду бросать. Как только он войдёт во двор, подбегу да и шарахну по башке.

– Ты что, Сашко, очумел? Ещё убьёшь его или нет, а вот тебя «козаки» ухлопают наверняка. Видал, все с карабинами!

Сашко на минуту задумался. Потом подошёл к гранитному валуну, торчавшему из земли и разбил кирпич. Кирпич развалился на три части.

– Вот. Возьмёшь один, а я два куска. Всё равно я сильнее тебя бросаю. Засядем здесь у плетня и будем ждать. Уже темно, нас не видно. Как только он выйдет на свет на крыльцо, я брошу первым, тогда и ты бросай. Целься в голову.

– А если он сегодня не выйдет?

– До утра буду ждать, а ты как хочешь.

Но «козак» вышел. Когда уже совсем стемнело, на крыльцо вывалилась пьяная компания, вразброд горланящая «Гей, нумо, хлопі, добрі молодці, беріться до зброї!» (Эй, ну-ка, хлопцы, добрые молодцы, беритесь за оружие!). Двое стали отливать лишнее по обе стороны крыльца, а «бильярдист», покачиваясь, стоял посреди.

Сашко, весь подавшись вперёд, измерил глазами расстояние до крыльца и вдруг, перепрыгнув невысокий плетень, побежал к крыльцу, на котором пьяно топтались «козаки».

– Сашко! – испуганно ахнул Виталий. А тот остановился в двух шагах от крыльца, размахнулся и изо всей силы метнул кирпич, целясь в голову врага. Кирпич просвистел у самого виска «козака» и ударился в дверной косяк. Пьяный, ещё не понимая, что случилось, удивлённо смотрел на то место, где только что ударился кирпич, а его приятели уже рвали с плеч карабины.

– Сашко, беги!! – отчаянно закричал Виталий, забыв, что ему тоже надо метнуть свой снаряд, но Сашко опять размахнулся, и второй кирпич глухо бухнул в голову «козака». Сашко одним прыжком перемахнул плетень, и ребята бросились бежать, спасаясь в наступившей темноте. Вслед им, перебивая друг друга, загрохотали выстрелы, горячий ветер ожёг щёку Виталия, но ребята, юркнув в чьи-то ворота, перебежали двор и скрылись в высоких зарослях кукурузы...

Шёл февраль 1944 года. Отступавшие немецкие части грязной лавиной катились через городок. Оборванные, обожившиеся солдаты, совсем не похожие на тех, которые в июле сорок первого с музыкой катились через городок на восток, понуро брели по улицам, стараясь уйти подальше от неумолимо надвигавшегося с востока орудийного грома.

Городок притих, насторожённо и враждебно глядя тёмными глазницами окон на уходящих в метель чужеземцев. По ночам на улицах иногда хлопали приглушённые ветром выстрелы.

Каждый раз, слыша редкие выстрелы, Виталий вспоминал Сашку Смильвого. После памятного вечера Сашко ушёл искать партизан, прихватив с собой винтовку, которую приятели стащили у захмелевшего румына. И сейчас Виталию казалось, что это его друг, притаившись в снежной метели, посылает врагам меткие пули, мстя за убитого Митю.

Однажды в дедову хату, где жил Виталий, ввалились на ночлег двое власовцев. На них были потрёпанные шинели и стоптанные валенки, за плечами винтовки и вещмешки. Один из них, пожилой белобрысый мужик, не привлёк внимания Виталия, но второй, моложавый мужчина с приятным лицом, которое портило только изуродованное ухо, показался парню знакомым. Заняв парадную горницу с большим фикусом в кадке, незваные гости долго отогревались шнапсом и играли в диковинные карты, на которых вместо привычных крестей и пик были изображены жёлуди и дубовые листья.

Виталия заинтересовали карты, и он подошёл поближе, чтобы рассмотреть их. Безухий (как про себя назвал его Виталий), почувствовав, что за спиной у него кто-то стоит, обернулся и, увидя Виталия, гаркнул:

– Чего глазеешь, карамболь в жизни ноль? Давай дуй отсюда. А впрочем, погоди. Тебя случайно не Сашкой зовут?

– Нет, а что?

– Да ищут тут одного... Ну, если ты не Сашка, то шёл вон...

Второго «приглашения» Виталий ждать не стал. Он уже догадался, кто сидит сейчас в соседней комнате.

Выйдя из горницы, Виталий неплотно прикрыл дверь, чтобы слышен был разговор.

– Что за Сашка? – поинтересовался напарник, наливая очередной стакан.

– Да я сам не знаю. Не видел, не успел. А только интересно бы найти. Я бы ему, карамболю, сделал, морду на затылок развернул. Видишь, ухо? Этому Сашке обязан. В прошлом году, когда стояли в этом городишке, собрались у меня ребята. Степан Грановский, помнишь, его под Шепетовкой красные кокнули, другого ты не знаешь. Посидели, сгоняли пару партий. Ну с ними неинтересно было играть, слабаки, так мы больше на самогон налегали. Вечером выхожу их проводить на крыльцо, вдруг каменюка рядом с головой бац! Слышу, орёт кто-то: «Сашко, беги!» Не успел глянуть, где этот сучий Сашко, как меня в ухо звездуло. Очнулся в госпитале.

«Так вот почему я его сразу не узнал. Ухо было целое, да и одет был пошкарней. И видел я его тогда только на выгоне, да через окно. На крыльце-то уже темно было», – догадался Виталий.

Наутро пришельцы исчезли, как и появились, оставив в комнате грязь, окурки, бутылки из-под шнапса и забытую в кадке под фикусом колоду диковинных карт.

Прошло много лет и много воды утекло в старом Горыне. Отстроился разрушенный во время боёв городишко. Над его восстановлением немало поработали и пленные немцы. Вернулись в родные места те, кто уцелел в пекле войны.

Но не вернулся в родной город Сашко Смилывый. После освобождения района партизанские отряды расформировали, годных по здоровью и возрасту мобилизовали в армию, куда попал и Сашко, прибавив себе пару лет. И пошли мужики добывать фашизм туда, откуда он пришёл. А в августе сорок пятого воинские эшелоны унесли многих, в том числе и Сашко Смилывого, на Дальний Восток, где на сопках Маньчжурии и сложил свою буйную голову в боях с японцами друг-приятель Виталия Скрыпника.

Виталия же судьба занесла в другую сторону, на Север, где он, закончив мореходное училище, стал моряком, штурманом дальнего плавания.

Книга давно соскользнула с дивана, но Виталий не поднимал её. Он всё ещё находился во власти воспоминаний, поднятых со дна памяти. И что теперь делать? Полиция этой страны вряд ли будет заниматься розыском какого-то одноухого, с Интерполом у них контактов нет, нет в этом городке и нашего консульства, да и что предъявишь задержанному, так называемому перемещённому лицу, имеющему право проживания в этой «свободной и демократической стране»? Рассказ русского моряка, который завтра уйдёт в море и, возможно, больше никогда не появится здесь? Виталий вышел на палубу. На островерхие красночерепичные крыши чужого города опускался тихий вечер. Причал пустовал, только в конце его несколько рыбаков грузили в своё судёнышко сети и припасы, готовясь к ночному лову. Вот затарахтел движок, и судёнышко, разворачиваясь, легло курсом точно на красный диск остывающего солнца, медленно погружавшегося в воды темнеющего моря...

Обратной дороги нет

Александр ШИРШИКОВ

АТАКА

Был приказ по полку вчера,
И коротенький арналёт,
А потом, изрыгнув «ура»,
Мы пощупали невский лёд.
Но ударил свинец в лицо,
Что от вспышек в глазах рябит,
И за брустверы мертвецов
Мы попрятались. Бог простит.
Вот он берег – рукой подать.
Вижу свежую польню,
Неохота в воде лежать,
И поэтому я встаю,
А за мною встаёт сосед,
Неуклюжий на этом льду,
И обратной дороги нет.
И поэтому я иду.

.....
В пекло брошенный батальон,
Огрызающийся пока,
Не забудут шелка знамён,
Да ещё командир полка.

Анатолий ЖЕПЕТОВ

МОРСКОЙ ПЕХОТИНЕЦ

Я гор красотой очарован был сразу,
Когда оказался в предгорьях Кавказа,
А в сорок втором по приказу комфлота
Здесь формировалась морская пехота.

Пришлось штурмовать мне те кручи и склоны
В составе отдельного батальона.
Здесь вместе со всеми бежал я в атаку
Во время морского десанта в Мысхако.

Был натиск матросский горяч и неистов,
И дрогнув, попятились цепи фашистов.
Вдруг взрыв. Темнота. Медсанбатская койка.
Сосед мой стонал, а другой тихо ойкал.

Всё тело моё неподвижное ныло...
Но, надо признаться: всё это мне снилось.
Ведь был я тогда восьмилетним юнцом.
А вот наяву это было с отцом.

Борис НИКОЛАЕВ

ГРУДЬ В МЕДАЛЯХ

Грудь в медалях его, а глаза со слезою.
Ну какой он теперь, господа, господин?
А когда-то он был для фашистов грозою,
А сегодня сидит на скамейке один.

Пожалейте отца или вашего деда.
Нынче наших дедов не жалеет никто.
Прогуляться б ему по проспекту Победы,
Да боится, собьёт с тротуара авто.

Борис Николаев жил в блокадном Ленинграде.

г. Северодвинск

Адреса
сердца

Год
Фёдора
Абрамова

«ПУСТЬ КАЖДЫЙ ДЕРЖИТ ВОТЧИНУ СВОЮ...»

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Год Абрамова пересёк временной экватор. Итоги подводить ещё рано, зато есть что вспомнить. А чтобы воспоминание было с назиданием, надо оживить в памяти зачин. Ведь хорошее начало – половина успеха.

Итак, конец февраля. В Верколу отправляется большая делегация писателей и учёных. Её возглавляет Елена Галимова, в одном лице объединяющая две ипостаси – профессор ПГУ и руководитель Архангельской писательской организации. Цель поездки – зажечь на родине великого земляка символический «Веркольский огонь», дабы эстафету его провести по городам и весям России.

Слово – участникам этой поездки, нашим товарищам Ольге Корзовой (Плесецкий район) и Олегу Борисову (Устьянский район).

Олег Борисов:

– Перед тем как оставить Архангельск, профессор Канзасского университета (США) Джеральд Майклсон приобрёл большие серые валенки и тут же обул их. Аспирант Колумбийского университета, житель Нью-Йорка, Анатолий Пинский прикупил тёплые сапоги. А преподаватель кафедры славянской филологии Кильского университета (Германия) Мария Реннау облачилась в меховую шубейку. Для них русский мороз стал событием.

Ольга Корзова:

– Дорога из Архангельска в Верколу оказалась нелёгкой и для нас, людей здешних. Семь с половиной часов добирались мы на автобусе. Говорят, ещё повезло: не было снежных заносов, не пришлось толкать автобус, не глох мотор. А долгую дорогу скрашивали, как это водится у нас, песнями да разговорами. Так и добрались.

Олег Борисов:

– Наступившее утро выдалось очень морозным, но в назначенное время все собрались у музея и по главной улице Верколы отправились к дому Фёдора Абрамова. На его могиле была проведена лития и гражданская панихида. Участников конференции приветствовали глава Пинежского района Александр Хромцов и глава МО «Веркольское» Нина Иняхина. К надгробию на могиле писателя были возложены хвойная гирлянда и живые цветы.

Ольга Корзова:

– Во время панихиды неожиданно налетела метель и так же неожиданно стихла, когда всё закончилось. Учёные, выступавшие потом в музее, рассуждали, что это, несомненно, знак, только вот какой: то ли символ борьбы добра со злом, то ли мятежная душа Фёдора Александровича пыталась донести что-то сокровенное?..

Для меня же символичным показалось и то, что шум ветра и метели был перекрыт громовым голосом Ильи Иконникова, прочитавшего на могиле стихотворение Евгения Токарева:

*Здесь лежит неистовый, упрямый
Фёдор Александрович Абрамов –
Совесть века, правды горький глас,
Он сегодня спрашивает нас:*

*Как живёте, братья дорогие?
Что поёт по праздникам Россия?
Чем живёте-кормитесь, друзья?
И молчать предательски нельзя.*

Олег Борисов:

– Участники панихиды потянулись в Абрамовский музей – место конференции, но несколько человек задержалось. И смотритель за могилой Виктор Абрамов, знавший писателя при жизни, в порядке исключения разрешил нам побывать в доме писателя.

Меня удивила простота жилища – нет ничего лишнего, вполне обычная обстановка, типичная для деревенских изб. С больших портретов в горнице и прихожей пытливо и внимательно смотрит

*Цветы Фёдору Абрамову.
Веркола, конец февраля 2010 года*

Фёдор Абрамов. Мысленно попросив у него прощения за вторжение, мы позволили себе сфотографироваться за стареньким письменным столом. За ним писатель работал на протяжении нескольких лет, когда в летнюю пору подолгу жил в Верколе.

С абрамовского угора над Пинегой открывается чудесный вид на реку, на заречные лесные дали, на Артемиево-Веркольский монастырь. Мы совершенно не обращали внимания на холод, нас согревало чувство сопричастности с тем замечательным человеком, чей прах покоится здесь на угоре. Эта земля чтит и помнит своего любимого сына, она берегает его в себе. Потому отсюда Россия, настоящая, какая есть, наверное, действительно видней...

Научная конференция «Фёдор Абрамов в XXI веке», которую финансировало Правительство Архангельской области, а организацией главным образом занималась писательская организация во главе с Еленой Галимовой, собрала учёных со всей страны. В Верколе выступили Николай Коняев, питерский прозаик, секретарь правления Союза писателей России; Маргарита Пономарёва, филолог из Ярославля; Владимир Сигов, доктор филологических наук из Москвы, и многие другие. Затем режиссёр Клавдия Хорошавина представила свой фильм «Под знаком вечности» и ранее созданную киноработу, посвящённую Фёдору Абрамову «Неистовый». А завершился этот день в Доме культуры, где силами Веркольского народного хора, хоровых коллективов Суры, Кушкопалы и Кевролы, а также учащихся Веркольской школы была представлена литературно-фольклорная композиция «Певец северной деревни».

Ольга Корзова:

– На другой день поутру состоялось паломничество в Артемиево-Веркольский монастырь. Спустившись на заснеженную Пинегу, мы отправились на другой берег. По дороге я несколько раз останавливалась, чтобы сделать очередной снимок: поражало величие пинежских просторов. Сквозь сосны, поднимавшиеся по склонам, проступало солнце, отчего противоположная сторона реки казалась осиянной каким-то необыкновенным светом.

Минут двадцать ледовой переправы – и мы на том берегу. И опять удивляет глаз красота, теперь уже рукотворная. Точно цветок из камня, встаёт перед нами величественное здание монастыря. Сколь же искусны были руки мастеров, если даже спустя столетия монастырь, в котором не завершилась ещё реставрация, поражает воображение всех сюда приходящих...

Входим на подворье, отворяем двери храма. После недолгого ожидания – панихида, а затем мы слушаем вдохновенное слово иеромонаха Венедикта. Кратко рассказав об истории возникновения обители, о её вчерашнем и сегодняшнем дне («Где бы вы ни побывали, вам везде будут рассказывать, в каком веке что построено»), он переходит к тому, что кажется ему важнее, – к разговору о человеческой душе, о вере. Он не поучает, он размышляет вместе с нами, заставляет задуматься о самом главном.

Во время разговора мимо проходит один из обитателей монастыря (всего их десять) и, беголо

взглянув на его лицо, я замечаю необыкновенно строгие, даже гневные очи. Именно очи, а не глаза. В памяти почему-то возникает Аввакум. Мне кажется, такой взгляд был и у него.

Наверное, затерянность среди снежных просторов и глухой тайги добавляет душе верующего человека что-то особенное, придаёт его убеждённости мощь, подобную вековым соснам...

На выходе из монастыря нас встречает солнце, яркое, радостное, чистое синее небо. Снова спустившись к Пинеге, возвращаемся в Верколу.

Олег Борисов:

– Останется в памяти и обзорная экскурсия по Верколе, её провела для нас директор музея Александра Абрамова. Она показала то место, где стоял родовой дом Фёдора Абрамова, деревенские избы, в которых до сих пор живут прототипы некоторых литературных персонажей его романов и повестей, в том числе и прототип главного героя тетралогии «Братья и сёстры» Михаила Пряслина – Михаил Абрамов.

Завершением нашего пребывания в Верколе стали встречи с её жителями. Нам с Николаем Коняевым было предложено пообщаться с читателями сельской библиотеки, а поэты Ольга Корзова, Валерий Чубар и Илья Иконников посетили Веркольскую школу и выступили перед учащимися.

Ольга Корзова:

– Как бы по-разному ни складывались отношения писателя с земляками при его жизни, теперь всё стало на свои места. Фёдором Абрамовым гордятся, берегут то, что связано с его именем.

Фамилия Абрамовы здесь очень распространена. Однофамилицей писателя является и директор музея, и многие его земляки. Накануне отъезда из Архангельска Михаил Попов, редактор журнала «Двина», попросил меня узнать о судьбе Тани и Светы Абрамовых, которые в 1995 году участвовали в конкурсе сочинений «Абрамовская тропинка». Конкурсные работы их были тогда помещены в альманахе «Белый пароход».

Самих девушек в Верколе не оказалось, я нашла их мам – одну из них в музее, другую в ДК среди участников одного из фольклорных коллективов, поговорила с ними. Оказалось, что девушки всё же Северную землю не покинули: Таня живёт в Вологде, Света – в Вельске. Получили образование, пусть и не имеющее отношения к литературе, но всё равно с удовольствием вспоминают о конкурсе и поездке в молодёжный литературный лагерь в Швеции, которая за ним последовала...

...Уезжая из Верколы, я думала о том, что писатель своим именем и после смерти помогает жить своему краю. Не будь Веркола родиной Фёдора Абрамова, вероятно, была бы уже совсем заброшенной, запустошённой, как многие окрест. А теперь сюда приезжают поклонники таланта писателя, здесь его усадьба и музей, его имя носит местная школа...

И вспомнился мне рассказ из «Повести временных лет» о Любечском съезде русских князей, об их мудром решении, принятом там: «Пусть каждый держит вотчину свою!» Подумалось, что только так, каждому стоя на своём месте и до конца сохраняя родную землю, можно выстоять во времена лихолетья.

Александр РОСКОВ

На Свиди

К. Савельеву

1

Свидь – река на севере России.
Лёту от столицы – два часа.
Вдоль по берегам стоят глухие,
в основном еловые леса.
Алыми метёлками качают
на открытых пойменных
местах
заросли кипрея – иван-чая,
да в зелёных ивовых кустах
пересвистом мелкие пичуги
прославляют наступивший
день...
Сколько прежде было по округе
вдоль Свиди весёлых деревень –
можно сосчитать по чёрным
срубам
да по дряхлым избам без окон.
Там же, где дымят печные
трубы,
есть ещё народ живой – и он
в большинстве из местных,
но приезжих
из больших и малых городов,
детство чьё на этом побережье
сорок-пятьдесят назад годов
отзвенело, и теперь летами
горожане правятся сюда.
Проводник же, что сегодня
с нами,
никогда не рвался в города.
Говорит: «Чего я там не видел?
Мне и тут, в деревне, хорошо!»
Он слегка нелеп в своём
прикиде –
в драном, но весёлый
и большой,
правя свой выдавший виды
катер
противу течения по Свиди,
слишком зорко смотрит
на фарватер –
не дай Боже, если впереди
вынырнет топляк – да нам
под днище –
разом все окажемся мы где?

Александр Александрович Росков – уроженец Каргопольщины, выпускник Литинститута, автор нескольких сборников стихов и книги прозы. Его произведения отмечены Всероссийскими литературными премиями им. Фёдора Абрамова и «Имперская культура». Работает в издательстве «Северная неделя».

Топляков на дне не сотни – тыщи –
много лет по вешней по воде
до войны, в войну и после
долго
по Свиди сплавливали люди лес –
не в плотах, а модем* –
ту же ёлку.
Сколько тут утопло брёвен – бес
водяной, наверно, только знает.
И лежат те брёвнышки на дне,
правда, неожиданно
всплывая...
Проводник рассказывает мне,
если вдруг по берегу мелькают
остовы былых жилищ
людских,
где была деревня и какая:
«Во-он стоят берёзы –
видишь их?»
Им сто лет, наверно,
тем деревьям,
или двести... Нет, соврать
боюсь.
Там была хорошая деревня,
называлась странно, правда, –
Русь».
Катер наш бежит довольно
ходко.
Он же продолжает говорить,
называть: «Вот там была –
Лёбедка,
справа – Шильда, дальше –
Боросвидь.
А ещё мне показать охота
вам, поскольку я тут старожил,
каменные старые ворота.
Показать?» – «Ну, хочешь –
покажи!»
Километра два-два с половиной
мы ещё прошли вверх по реке,
и такая выплыла картина
перед нами: вот, невдалеке
на высоком берегу, поросшем
иван-чаем, – дом, за ним второй
сиротами смотрят, каждый
брошен
даже этой, летнею порой:
наголо распахнутые рамы –
залетай в окошки всякий гнус.
Иван-чай до окон вырос
прямо...

* Молевой сплав – брёвна плывут по реке не в плотах, а как попало, рассыпью.

Мы приткнулись под ольховый
куст
и сошли из катера на сушу,
и кипрей укрыл нас –
с головой,
мошкара полезла в нос и в уши.
Проводник нехоженой тропой
вывел нас наверх,
за поворотом,
за его широкою спиной
нам открылись мощные ворота
каменные, с метр толщиной,
в виде арки, с выбитой
на камне
чёткой датой – позапрошлый
век.
Сделано не техникой – руками.
В арку ту не то что человек –
конь легко пройдёт, причём
с повозкой
и возницей, стоя в полный
рост.
Оказалось грустно всё и просто:
это – вход, ворота на погост.
А его как такового нету,
ни надгробий нету, ни могил,
есть – деревья, сад, он кучей
веток
бывшие могилки завалил,
листьями засыпал аккуратно,
тут как тут – кипрей,
знакомый нам...
Мы вернулись к катеру –
обратно
по уже протоптанным следам.
Что – живым покойников
тревожить?
Пусть им, нищим духом,
снится рай...
По своей по воле или Божьей
покидают люди этот край?
А ведь жили, и причём –
веками:
вон вокруг какая красота!
И умели голыми руками
каменные ставить ворота
на погосте, просто, между
делом.
А ведь это труд, громадный
труд!
Времечко прошло и пролетело,
и здесь люди больше не живут.
Войны, революции да пьянство,
перестройка – всё тому виной.
И теперь безлюдные
пространства
тут и там довлеют
над страной –
всё дома пустые да могилы...
Проводник пытается шутить:
«Чем япошкам отдавать
Курилы,
лучше тут япошек поселить.
Уж они бы навели порядки,
жизнь бы возродилась
на Свиди...
Ну, чего, поехали в обратки?
Выше – там пороги. Не пройти!

Да чего там делать – у порогов?
 Если бы какая-то нужда...»
 Всю почти обратную дорогу
 ястреб катер наш сопровождал,
 да летела белая такая,
 словно хлопья снежные в пургу,
 бабочка – за стаей снова стая,
 и с разлёта падала в реку.
 «Это по-простому будет – липка,
 корм для рыбы – лучше не ищи,
 на неё берут, и ой как шишко,
 даже прямо с берега лещи, –
 проводник нам, тёмным,
 поясняет, –
 но летит она всего три дня.
 Тут уже без рыбы не бывает
 близкая и дальняя родня
 местных мужиков да
 и приезжих –
 всяк, кто может удочку в руке
 удержать, все люди с побережья
 все три дня и ночи – на реке.
 Тех лещей навялят и насушат
 полные, сказать вам, закрома.
 Их потом за милую за душу
 приберёт голодная зима...»

* * *

Мы вернулись на свою
 стоянку –
 в дом на берегу реки Свиди,
 чтобы завтра снова спозаранку
 вниз вдоль по течению идти –
 там, внизу, река впадает
 в Лаче –
 озеро длиной почти в полста
 километров. Там и порыбачим –
 в озере такие есть места,
 проводник сказал, где щуки –
 с руку,
 у него ж ручища – ого-го!..
 Ночью тут – ни шороха,
 ни звука,
 но не спится, более того,
 спать, хоть и устал я, неохота –
 не даёт увиденное днём:
 каменные – на погост – ворота,
 брошенный хозяевами дом
 с окнами, распахнутыми
 настежь,
 ни следа вокруг и ни души,
 ни советской и ни новой
 власти.
 Да ещё... Ещё в такой глуши
 во владеньях белоглазой чуди
 в век какой – сказать и
 не берусь –
 поселенье основали люди
 и назвали громким словом –
 Русь.
 От Руси (не слишком
 символично?) –
 нынче только несколько берёз
 и осталось, и оптимистичный
 сложно для Руси давать прогноз
 всей страны в масштабе, всей
 России...
 За окошком начало светать.

Скоро мы, такие деловые,
 в катер тот погрузимся опять
 и – вперёд, на щук! Однако
 жалко...
 Кажется, ещё позавчера
 собирал я вещи для рыбалки
 с лёгким сердцем, чуть ли не
 «ура»
 про себя кричал: «Увижусь
 с другом!»
 А сейчас на сердце тяжело...
 Вот слепящим, жёлтым
 полукругом
 из-за леса солнышко взошло,
 проводник прошёл чеканным
 шагом
 к катеру – проснулся раньше
 нас.

* * *

Ну, так что? – с весельем
 и отвагой
 на рыбалку? С Богом. В добрый
 час!

2

Гражданин свободной
 Украины,
 далеко не бедный индивид,
 загружаясь в японскую машину,
 своему шофёру говорит:
 «Ну, Серёга, трогай понемногу.
 Да... Забыл тебя предупредить:
 предстоит нам дальняя дорога
 на реку с названьем чудным –
 Свидь.
 Где течёт?! – На Севере.
 На Русском...
 Ну и что, что путь туда
 далёк? –
 там лещам пудовым на закуску
 липка, то есть белый мотылёк,
 вылетел уже с болот таёжных.
 И народ на липку ту леща
 с плотиков и кочек
 всевозможных
 ловит, аж удилица трещат.
 Только нам лещи те –
 до лампы,
 нам серьёзней рыбу подавай –
 только щуку, щуку только
 надо,
 только щуку! Трогай же,
 давай!»

* * *

...Гражданин свободной
 Украины
 на блесну, не покладая рук,
 пятидневной обрастает щетиной,
 на Свиди зубастых ловит щук.
 Ловля щуки – сложная наука,
 щука и коварна и хитра.
 На моторке с местным
 Чингачгуком
 он уходит в пять часов утра
 по Свиди туманной вверх –
 к порогам

с дорогушим «воблером»
 в руках.
 Мчится Чингачгукова «пирого»,
 подлетая вверх на топляках.
 Воротясь к обеду без улова,
 комаров размазав по щекам,
 завтра снова к подвигу готовый,
 друг мой объясняет с ходу нам:
 – Воблер – ёк! А щука брать
 не хочет.
 Август всё же. Сытая, поди...

* * *

Но зато... Зато какие ночи
 лунные сияют на Свиди!
 А на берегу – такая баня,
 с жаром – аж захватывает дух!
 Из парилки выскочишь
 в тумане
 голым, и с разбега в реку –
 плюх!

Лес полночный – вот он,
 недалёко
 тёмный и таинственный такой.
 И луна купается под боком –
 можно поддерживать её рукой.
 Нанырившись вдоволь,
 неодетый,
 простыней укрывшись,
 как плащом,
 на настиле мокрым с сигаретой
 друг мой полчасика сидит ещё,
 курит молча и глядит –
 на реку,
 на в неё упавшую луну.
 Много ль надо в жизни
 человеку? –
 может, ночь такую вот одну,
 чтоб потом на вильной Украине
 в тёплых и бесснежных городах
 вспоминать, как ранним утром
 стынет
 там, на Русском Севере, вода
 в августе в Свиди... Ну а куда
 лунная плывёт над лесом ночь.
 И ему не хочется отсюда,
 встав с настила, удаляться прочь.
 И о чём, о чём в такие ночи
 друг мой мыслит, думает,
 молчит?
 Не о рыбе, не о щуках – точно!
 Только нам о том не говорит...

3

Вот и пролетела вся неделя
 жизни на природе, на Свиди.
 в новеньком бревенчатом отеле.
 Я не ошибаюсь – позади
 ныне умирающей деревни
 на высоком берегу реки
 из сосновых смоляных деревьев
 местные срубили мужики
 дом-отель красивый,
 двухэтажный.
 На сто вёрст один такой
 здесь он,
 будто княжий терем, и что
 важно –

от другого мира отделён
 частоколом крепким и высоким
 с трёх сторон, с четвёртой же –
 река.
 На реку – чудесный вид из окон,
 на её крутые берега.
 Сам хозяин – приезжал
 налётом –
 местного разлива олигарх,
 у него в аренде (и всего-то!)
 полмиллиона с хвостиком гектар
 здесь, в округе, всех лесных
 угодий
 с живностью от мелкой
 до большой.
 Звать его, он сам сказал –
 Володей,
 он к гостям своим – со всей
 душой,
 только бы они платили «бабки»
 в энной сумме в сутки –
 за жильё,
 а к услугам нашим
 (по порядку):
 баня, кухня, чистое бельё,
 повариха, проводник и катер,
 всё снаружи дома и внутри.
 Двор же вокруг отеля тоже,
 кстати,
 «невелик» – всего гектара три
 с летнею столовой и сторожкой,
 с баней да с сараем под дрова.
 Гравием отсыпаны дорожки.
 Всё – с умом. Хозяин – голова!
 Крашеный настил из досок
 в реку
 выдаётся метров на полста,
 глубина в реке – в рост
 человека
 под настилом, а вода чиста,
 хочется – забрасывай с настила
 удочку, не хочется – ныряй.
 Здесь до нас компания гостила
 москвичей, сказали:
 «Чем не рай, –
 нам, когда обратно уезжали, –
 тут, в суровом Северном краю?»
 Но за частоколом жизнь
 едва ли
 схожа с жизнью в этом вот раю.
 До деревни – километр отсюда,
 Там живёт наш бравый
 проводник.
 «Худо, – говорит он, –
 ой как худо,
 Вот, у нас уже за эти дни
 двое мужиков сыграли
 в ящик –
 запились, водяра-то – говно!
 Всё от жизни грёбаной,
 пропащей.
 Здесь у нас уже давным-давно
 Ни зарплаты нету, ни работы.
 А ведь был совхоз, и неплохой.
 Мужики – те кормятся всего-то
 тем, что лес крадут, да вот ухой
 из Свиди, есть рыба, слава Богу.
 Я вот – у хозяина. Вожу

всякий люд. Хоть платит
 и немного,
 но зато я вдоволь нагляжусь
 на таких, как вы. Есть
 горожане
 ничего, с деньгами, но с душой.
 Всякие тут, правда,
 приезжали.
 Наш хозяин, он ходок большой,
 не по бабам, нет, а за охотой.
 Позапрошлой осенью он сам
 мишку застрелил – во-он,
 за болотом,
 а скольким навёл кранты
 лосям!
 Вот откроют осенью сафари
 (выучил словечко это я!)
 на медведя, и приедут баре –
 господа, хозяйские друзья
 из самой столицы, даже девок
 привезут. Ах, девки хороши!
 Против наших жёнок –
 королевы,
 Только вот без сердца и души.
 Весело тут будет, даже
 слишком,
 и стрельба, и баня до утра.
 Ладно, уж и так сболтнул вам
 лишку.
 В Лаче? Ну, поехали – пора!»
 * * *
 Местный магазин три дня
 в неделю
 на деревне только и открыт.
 Мы разок сходили, поглядели
 на его данайские дары
 (нам-то все продукты повариха
 привозила с дальнего села).
 На прилавке: крупы, рис,
 гречиха
 импортные и на полстола,
 иначе сказать –
 на полприлавка
 пиво – иностранное опять
 в банках жестяных.
 И для потравки
 местных мужиков аж целых
 пять –
 пять! – сортов палёной
 бормотухи.
 Очередь (а люди ждали хлеб –
 подвезут вот-вот) – одни старухи
 (наш наряд, конечно же, нелеп
 для деревни: шортики
 да сланцы) –
 очередь та хлебная на нас
 посмотрела как
 на иностранцев –
 я те взгляды помню и сейчас,
 в них так явно ненависть
 сквозила,
 ненависть и зависть –
 мы для них
 люди из совсем другого мира –
 из-за частокола – за своих
 мы никак для местных
 не «катили»

(модный нынче, кажется,
 глагол).
 Ничего мы в лавке не купили
 и ушли обратно в частокол.
 Время не по Божьей, видно,
 воле
 поделило весь честной народ
 на Руси – на тех, кто
 в частоколе,
 и на тех кто – да! – наоборот,
 вне его. И подняты на знамя
 ценности другие, зрячий – зрит.
 Хорошо ещё, что между нами
 частокол незримый не стоит.
 Вот сидим мы в холле у камина –
 ах, как жарко топится камин! –
 трое граждан вильной Украины –
 ну и я – российский гражданин.
 Говорим, и в каждой нашей
 фразе,
 сказанной от сердца, речь идёт
 не о нефти, нет, и не о газе,
 не о том, что Черноморский флот
 нужно гнать немедленно
 из Крыма
 или там оставить навсегда,
 а о том, что жизнь неуловимо,
 будто между пальцами вода,
 утекает год за годом в Лету.
 Знать бы, что там будет
 впереди...
 Хорошо, что мы вот этим летом
 вместе побывали на Свиди,
 сплавали на катере на Лаче.
 Ну а те ворота на погост...
 Ну а счастье хитрое рыбацье...
 Да не в нём же всё-таки
 вопрос,
 а в другом: нам завтра утром,
 крайне
 в пять часов вставать –
 в обратный путь,
 мне – в Архангельск, хлопцам –
 на Украину.
 Встретимся ль ещё
 когда-нибудь?
 Мир наш до того
 непредсказуем:
 Южная Осетия, Чечня,
 то по автотрассам так газуем...
 Вот уже в камине нет огня,
 за окном луна в реку садится
 и сидеть там будет до утра.
 И нам тоже время расходиться,
 или проще сказано: пора...
 * * *
 Утром на настиле встанем
 рядом,
 чтоб последний раз здесь
 покурить.
 Сколько хватит глаз, окинем
 взглядом
 даль речную... До свиданья,
 Свидь!

Конец 2009 –
 начало 2010 г.

*Людмила
Александровна
Волосенко
представляет
Абрамовский
фонд
библиотеки*

...имени Абрамова

Когда Фёдор Абрамов выступал в телестудии «Останкино», ему задали вопрос: «Вы прожили в Ленинграде не один год, неужели он вас не вдохновил на какую-нибудь тему?» Ответ был таков: «Да, вопрос, упрёк, конечно, справедливый. ...Надо о городе тоже писать... Но сердцу не прикажешь. А писатель – это сердце...»

В опубликованных страницах дневника писателя я не смогла найти хоть какого-то упоминания о том, как относился Абрамов к Ленинграду. Хочется верить, что будет написано подробное исследование на тему «Фёдор Абрамов в Ленинграде». Ведь большую часть жизни Фёдор Александрович прожил в нашем городе. Здесь он учился на филологическом факультете Ленинградского университета. После третьего курса добровольцем ушёл на фронт и защищал Ленинград, дважды был тяжело ранен. После войны окончил университет, защитился и стал доцентом филологического факультета ЛГУ, а затем ушёл на вольные писательские хлеба.

В топонимике нашего города сейчас два абрамовских адреса:

Мемориальная доска на доме (Мичуринская ул., 1) «В этом доме жил и работал писатель Фёдор Александрович Абрамов». Открыта в 1990 году.

Библиотека № 2 имени Фёдора Абрамова в Невском районе Санкт-Петербурга (Ивановская ул., 14). Имя присвоено библиотеке в 2000 году.

Бiblioteca имени Фёдора Абрамова появилась в нашем городе в связи с празднованием 80-летия со дня рождения писателя и по инициативе Людмилы Владимировны Крутиковой-Абрамовой, вдовы писателя, удивительной трудницы и подвижницы. Её выбор пал на нашу библиотеку вначале только потому, что в 1970 году Фёдор Абрамов выступал в стенах нашей библиотеки, о чём в библиотечном архиве сохранилась фотография. Людмиле Владимировне понравилась

наша библиотека, хотя и не очень большая по меркам Санкт-Петербурга, но уютная и чистая, с отделом православной литературы на самом видном и почётном месте. Читателями библиотеки была горячо поддержана идея присвоения библиотеке имени большого русского писателя. Среди наших читателей оказались даже такие, которые в своё время учились у Фёдора Александровича и Людмилы Владимировны, знали их не понаслышке и относились к ним с большим уважением. Творчество Фёдора Абрамова ценилось и ценится читателями очень высоко. Читатель Леонтий Савельев в своём отклике написал следующее: «... Северная столица потому ещё не превратилась в духовное болото, что в нашем городе жил, творил и учил студентов Университета большой русский писатель Фёдор Абрамов. Он был главным теоретиком и правофланговым могучей когорты писателей, таких как Василий Белов, Распутин, Солоухин, Залыгин, Астафьев, Борис Можжаев, Евгений Носов, Личутин... Писателей корневой, почвенной культуры, имеющей «самую жгучую, самую смертную связь» с православной духовностью. Писателей, которые по существу-то и составляют основную могучую крону древа русской литературы второй половины нашего века».

С 2000 года в нашей библиотеке рядом по праву стоят книги по православию и книги Фёдора Абрамова, которые, по словам писателя Николая Коняева, «проникнуты духом православной любви и смиренномудрия». Украшением и гордостью этих отделов служит икона святого праведного Артемия Веркольского, на которого в детстве хотел быть похожим Фёдор Абрамов. Икона эта подарена библиотеке отцом Феодосием из Веркольского монастыря в 2002 году после молебна, отслуженного в библиотеке.

В 2000 году фонд библиотеки насчитывал всего лишь 50 книг с произведениями Фёдора Абрамова, сейчас в нашем Абрамовском фонде более 1000 названий различных документов, включающих книги, журналы, газеты, аудио- и видеокассеты, а также компакт-диски.

Неизменными и самыми дорогими гостями библиотеки бывают Л. В. Крутикова-Абрамова и Г. М. Абрамова, племянница Фёдора Абрамова. Больше того, Людмила Владимировна – главный идейный вдохновитель и часто организатор всех Абрамовских мероприятий в библиотеке.

Библиотека поддерживает тесные связи с Архангельским землячеством в Санкт-Петербурге и Ленинградской области «Поморы». Председатель землячества Ю. Ф. Худяков, уроженец Емецка. Члены землячества и друзья библиотеки – Н. И. Просвирнина и Юлия Просвирнина, дочь и внучка Ивана Никандровича Просвирнина, создателя музея Фёдора Абрамова в Верколе.

Библиотека ежегодно проводит Абрамовские встречи в день рождения писателя 28 февраля и вечера памяти 14 мая.

Тема «Абрамовских встреч» в этом году звучала так: «Великие поморы в истории России». В прозвучавших докладах шла речь о знаменитых земляках Фёдора Абрамова, родившихся на Русском Севере и принёсших славу нашему отечеству: о Михаиле Ломоносове, Иоанне Кронштадтском, Федоте Шубине, Степане Писахове, Борисе Шергине. Теме Поморья была посвящена

Пути

поиска:

СЛОВО

МОЛОДЫХ

ЧАС ТВОРЧЕСТВА

Год
Фёдора
Абрамова

и выставка живописи и графики «Северная практика». Ю. В. Башкирцев, доцент кафедры графики, представляя работы своих учеников, говорил о необыкновенной притягательности и очаровании Русского Севера, отразившихся в творчестве не одного поколения художников.

Одним из ярких абрамовских мероприятий в библиотеке стала конференция по незаконченному роману Фёдора Абрамова «Чистая книга». Основными участниками конференции были молодые люди, учащиеся ближайших школ и педагогического училища. Когда они выступали, взрослые участники конференции были до слёз растроганы и восхищены чистыми, юными душами, принявшими так близко к сердцу непростой роман Фёдора Абрамова. Говорили юные о том, что «Чистая книга» – это родник русского слова, первоисточник народного языка, что образ Махоньки, помогает понять ценность нашей исконно русской культуры. Один из выступающих после прочтения «Чистой книги» понял, что «объединить людей может только вера, потому что в Храме всё становится светлее». Слова юных читателей, почти детей, подтвердили убеждение Фёдора Абрамова, «жива Россия».

Имя Фёдора Абрамова объединяет вокруг библиотеки почитателей творчества писателя и сближает их между собой. Названную читательскую конференцию вёл профессор Университета культуры и искусств В. М. Акимов. Частыми гостями библиотеки бывают прозаики и поэты Н. М. Коляев, Н. Ф. Астафьев, Б. А. Алмазов, А. И. Рубашкин, Б. Н. Никольский, Л. Н. Гаврилов, Б. Г. Друян и многие другие. Успел увидеть библиотеку имени Фёдора Абрамова и лучший друг писателя художник Ф. Ф. Мельников. Встречались с читателями библиотеки преподаватели Санкт-Петербургского университета Н. С. Цветова и А. А. Митрофанова, кинорежиссёр Л. А. Боброва...

Дружим мы и с северянами, которые больше всех других чтят и прославляют имя своего земляка Фёдора Абрамова. Мы рады, что смогли немного помочь в создании нового библиографического словаря «Фёдор Абрамов», выпущенного Архангельской областной научной библиотекой имени Н. А. Добролюбова в 2007 году. Незабываемое впечатление осталось у всех библиотекарей и читателей от выступления Веркольского хора в библиотеке в год 85-летия со дня рождения Фёдора Абрамова, а также молебен в библиотеке, отслуженный отцом Феодосием из Веркольского монастыря. В Абрамовском фонде библиотеки существует специальный отдел «Поморье», в котором уже более 150 наименований различных книг, авторы которых уроженцы Архангелогородчины.

Юбилей Фёдора Абрамова сплотил истинных сынов и дочерей Отечества и привлёк к его книгам новых читателей. И это закономерно. Потому что обжигающе правдивая проза Абрамова не может оставить равнодушным ни одно читательское сердце, а его «прозрения и предостережения», обращённые к потомкам, сегодня, как никогда, необходимы нашему обществу.

Л. А. ВОЛОСЕНКО,
заведующая библиотекой
имени Фёдора Абрамова
г. Санкт-Петербург

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ –
КАРГОПОЛЬСКИЕ СМОТРИНЫ

Наши письма

ЕВГЕНИЙ ПЫШКИН (Вельск)

ПОПЫТКА ГОТИКИ

Миру достаточно ветра и звона цепей,
Готики леса, ветвями луну решетящего,
Странной земли, отрешённо сльвущей ничьей,
Снега грядущего и осени настоящего.

Там, где цветёт неизвестный науке цветок,
Мёд пахнет временем, торфом и безысходностью,
Но неизвестно, как пахнет, бродящий
в тумане святом,
И не имеет, наверное, срока годности.

Ветер качнёт образующиеся слова
Пальцами кисти изящной, рукою невидимой,
И шелохнётся, себя проверяя, листва,
Документальное мутное частное видео.

Несозерцательна тьма по ночам у меня,
С преобладающей над световой её скоростью;
Двинутся тени и мотыльки, но на отблеск огня,
Если подкинет ещё русоистика хрусткого хвороста.

НЕ ВЫРУБИШЬ ТОПОРОМ

Узнаю этот почерк, глумящийся над чистой
Бумагой, чья жизнь была без него пустой.
Узнаю эту рифму, свисающую со строки, –
Единственное неживое, вешающееся с тоски.
Как фамильную ступку, в которой слова толку,
Узнаю этот ритм по стёршемуся ярлыку.
По привычке в уме обкатывать, как свою,
Это пресную мысль безрадостно узнаю,
Что её, на бумаге доведённую до конца,
Никакой рукой, как морщину, уже не смахнуть
с лица.

ПОДСТРОЧНИК

Moj, j'aime les roses, epistolaires.
R. M. Rilke

Ветры, чьи тени легки и тихи
между словами и снами,
сами себе непременно стихи,
переводимые сами.

Чу! как неслышен немой перелёт
бабочки на медуницу
с клевера! вот, она перевернёт
эту негласно страницу...

МЕТАФОРА

Думал о чём-то другом, расходились круги
кольцами дыма и пристально расплывались
формы, лицо, не удерживаясь в овале,
струйкой текло в потолок с многопалой руки.

Веяло скудным теплом, поднимавшимся ввысь
медленным выдохом, облачком скрытого пара,
чем-то обыденным или полученным даром,
пахло душою, нанизанной тонко на мысль.

Будто кружилась в полуденной комнате пыль,
ночью на кухне при матовом свете кофейном
мягко в своей отстранённости и нелинейно
время сдавалось в немой стихотворный утиль.

ДМИТРИЙ КОЗЛОВ (Архангельск)

* * *

Карта города – как две руки старушки-
нищенки в морщинках тёмных улиц.
Как же мы заметили друг дружку
в этих перекрестках? Улыбнулись,

так, как будто что-то потеряли
и нашли, и в шуме городского
вечера единственное слово
на два голоса с тобою повторяли.

Улыбается старушка пёстрой пастве –
с паперти никто её не гонит.
Улыбается и держит наше счастье
в обращённых к небесам ладонях.

* * *

...Ниоткуда, с любовью, надцатого мартабря...

И. Бродский

Забываются сны, истлевают цветы и слова,
Города изменяют названья, а женщины лица.
Ни о чём не прошу, ни о чём, но, покуда жива,
Сохраняй наши письма – ни в чём не повинны
страницы!

Не читай, спрячь подальше от сердца, но только
не жги –
Для растопки каминов найдутся предметы дороже.
Унеси их с собой, если город захватят враги
И придётся бежать – пусть они станут лёгкою
ношей.

Спрячь при обыске их в груди самых ненужных
вещей –
Там, где их не коснутся чужие жестокие руки.
Не выбрасывай их в пору самых бессонных ночей,
Когда скрип тормозов у подъезда поёт и поёт
о разлуке.

И они отведут от тебя холод, скуку и страх –
Запрети своим детям срезать и отклеивать марки.
Сохрани их, прошу! Пусть на жёлтых тетрадных
листах
Мы с тобой обретаем бессмертье, как белые
статуи в парке.

ЮЛИЯ ПОЛЯКОВА (Северодвинск)

НЕ ТО ЧТОБЫ ДЕНЬ

Не то чтобы скорбно, а впрочем, не знаю –
Мне больно всегда, но всё это не страшно.
Не то чтобы помню, а не забываю,
И это, наверное, тоже не важно.

Не то чтобы день... ведь бывает и вечер.
Бывает, и сутками бьют по надежде.
Не то чтобы бьют, но уж точно не лечат.
И я заставаю душой где-то между.

Ну, где-то в реальности с вымыслом вместе,
Как будто душою я в радужной сказке.
И в комнату двери открою, как в детстве,
И ты тихо скажешь мне: «Доченька, здравствуй!»

Всё это, конечно, отчаянно глупо,
Не то чтобы глупо, но точно пустое.
Но сердце и разум срываются в ступор,
Когда в феврале наступает восьмое.

ЗНАЕШЬ, ПАПА...

Знаешь, папа, стало вдруг обидно,
Что тебе стихов не посвящала.
Мне, поверь, за это очень стыдно,
А сказать: «Прости...», так это мало.

Знаешь, папа, я храню открытку,
Но читать без слёз её не в силах.
Папа, ты прости мою улыбку,
Я под ней слезу свою укрыла.

Знаешь, папа, не за что гордиться...
Ты прости свою чудную «лялю».
Мне порой тревожно и не спится,
Но гордиться сможешь, обещаю.

ДАРЬЯ ЗАПЛАТИНА (Плесецк)

* * *

Тихо и медленно падает снег с небес,
В городе слышен стук золотых подков,
Звёздные лошади, лунный покинув лес,
Людам приносят тайны волшебных снов.

В гривах их бродит ветер больших дорог.
Сильные спины светятся серебром,
С ровным движением сотен бегущих ног
Слит воедино сбруи хрустальный звон.

Добрый и тёплый взгляд их хранит мечту,
Ласковым светом грусть прогоняя прочь,
Дарит покой, унося за собой суету,
В звёздное крошево грёз превращая ночь.

В лёгкой их поступи гордость, полёт и стать,
Яркие искры летят от копыт во тьме,
Если ты хочешь увидеть их, то оставь
Лунный кусочек сахара на окне.

И только потом, когда в доме замолкнет день,
Ты вдруг услышишь стук золотых подков.
Звёздные лошади с неба придут к тебе
И в благодарность подарят ключи от снов.

Катя
САМСОНОВА

MEMORYHOUSE

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

ЧАСТЬ I

Глава 1. Во сколько это случилось?

По моим часам – в семь вечера. Но по моим часам – значит, неправильно, ведь я каждое утро перевожу свои часы на произвольное время, поворачивая колёсико завода на любое количество оборотов вперёд или назад. Мои часы не для того, чтобы замечать время, а для того, чтобы не замечать его. Я изо всех сил противоречу времени. Чаще всего мне никуда не надо идти, соответственно, я никуда не могу опоздать. У меня никогда не запланировано никаких встреч, кроме встреч с собой, а это единственное, чего я не могу ни пропустить, ни отсрочить. Куда бы я ни шла – я встречаю себя, я вижу себя со стороны на площадях, на перекрёстках, в переулках и у окна. Какая-то часть меня везде успевает за несколько секунд до меня самой. Я насмотрелась на себя на всю жизнь.

Это был обычный день встречи с собой. Во время одного из моих монологических стеклянных дверей кафе открылась. Точнее, её открыл швейцар. В том кафе есть швейцар. Его никто не нанимал, он появился там сам, просто встал у входа, этот старик. Он открывал посетителям двери, они давали ему на чай.

Швейцар открыл дверь, человек протянул ему какую-то купюру. Дождь за стеклом заглушал шум кондиционера, а в момент, когда открывалась дверь, он заглушил даже негромкую музыку, и все обернулись к входу. Человек подошёл к стойке. Как только официантка спросила: «Что будете заказывать?» – взгляды посетителей отпустили его. Он заказал кофе, расплатился кредитной картой. Он прошёл к угловому столику, снял плащ и сел. Он то смотрел в окно, то закрывал глаза. Ему принесли кофе, он держал чашку левой рукой и придерживал дно правой.

В кафе играла музыка, композиция на клавишах и скрипке, и я подумала, что если бы к людям писали музыку, как к фильмам, то это была бы музыка к нему. Я заметила, что он закрывает глаза, когда скрипичная партия переходит в клавишную.

Я сфотографировала его, и он не заметил. Рука с чашкой немного дрожала, наверное, от напряжения. Он поставил чашку на стол.

Уже темнело, но швейцар, который уходил обычно гораздо раньше, всё ещё стоял возле дверей.

Сидеть в кафе допоздна было моей привычкой, даже моей необходимостью – так я бегала от своей квартиры.

Посетители кафе менялись, играла музыка. Когда уже ночью человек надел плащ и вышел, я вышла за ним. Он шёл по проспекту, он снова ничего не замечал. Я довела его до самого дома, дождалась, пока в одном из окон дома загорится свет, поймала такси и уехала.

Глава 2. Письма

Ты знаешь, мне жаль всех тех слов, которые я произносила когда-либо. Они разлетелись, как сухие листья. Я бы так хотела молчать, чтобы не бегать потом по улицам, хватая руками пустоту вместо слов. Я так устала гоняться за своими словами, а они всё летают в воздухе.

Теперь я осторожнее с ними. Я не говорю наугад, я провожу операцию над каждым словом. Каждое слово я режу скальпелем, и если после операции оно всё ещё может быть произнесено, то оно всё равно уже либо при смерти, либо под глубоким наркозом. Например, «чёрный кофе» или «проездной на месяц, пожалуйста». Эти слова умирают на последних звуках, и я говорю уже мёртвыми словами.

Поэтому я в основном молчу.

Мне кажется, слова, написанные на бумаге, отличаются от произнесённых слов. И мне кажется, вот эти мои слова – живы. Они живы сейчас, и я уверена, что они будут живы, когда ты будешь читать их.

Ты мог бы сохранить их. Мне не придётся бегать за ними, потому что я всегда буду знать, где они. На столе или в шкафу – это неважно. Они на бумаге, вот на этой бумаге, и, даже если их произнести вслух, они вернутся назад, они притянутся, как к гравитационному центру.

Здесь, в письмах, действует сила притяжения для слов. Теперь они живут у тебя.

Ты не мог бы сохранить их?

Через неделю мне пришёл ответ.

Конверт лежал у двери, и на нём был подписан только обратный адрес, даже только улица. Улица, на которой стоит дом человека из кафе.

Я распечатала письмо. Там был чистый лист, зернистая бумага молочно-белого цвета, и ни одного слова на нём.

Тогда я написала ещё одно письмо.

В моей квартире несколько телефонов, они никогда не звонят. Знаешь, когда лучше всего чувствуется тишина? Когда ты смотришь на телефон, который не звонит. Все сигналы, которые он мог бы издавать, преобразуются в концентрированную тишину, она застывает в кристаллы, она звучит в десятки раз мощнее, чем мог бы звучать телефонный сигнал.

Окружающая среда давит на меня так же, как окружающий четверг, окружающие пятница, суббота, воскресенье, понедельник и вторник.

Пожалуйста, сохрани мои слова.

В ответ мне пришло уже два чистых листа бумаги. Конверт был подписан так же. Вскоре я написала ему третье письмо.

Раньше у меня были корабли. Я грузила их мечтами и надеждами, и они уходили в плавание.

Все мои корабли разбились.

Ты часто смотришь в окно? У меня есть кладбище кораблей, я устроила его между стёкла-

ми своего окна, и так получается, что, когда я смотрю в окно – я смотрю на них. Если повезёт, то сквозь них.

Пожалуйста, сохрани мои слова.

Мне в ответ пришло три чистых листа бумаги. Я продолжала писать ему письма, мне приходили всё те же чистые листы, иногда приходило по одному листу, иногда по три. Вот на это письмо мне пришёл ответ в пять листов.

Как часто у тебя дома ломаются вещи? Ты чинишь их сам или вызываешь мастера? Может, ты выбрасываешь их?

Я сломалась. Я сломалась, но во мне нет функции автопочинки. Куда-то пропали все мои гаечные ключи, все мои отвёртки.

Иногда я представляю себе, как прихожу на приём к врачу. Он отправляет меня делать рентген. Я снимаю с себя всё металлическое, всю свою броню, все свои защитные магниты, я ложусь на специальный стол. Рентгеноаппарат видит меня насквозь. Через полчаса врач держит в руках готовый снимок.

Он говорит: «У Вас перелом духа».

Он долго смотрит на этот снимок, он говорит, что перелом сложный. Говорит, что у моего духа выбито несколько позвонков, и он опасается, что искусственные не приживутся.

Врач указывает мне на отдельные места снимка. Я вижу острые осколки вокруг перелома.

Я боюсь, операция не поможет – так давно мы смотрим на этот снимок. И если когда-то было ещё не поздно, то этот момент прошёл, всёросло как есть. Если бы это было что-то проще, чем дух, – можно было бы сломать это заново, как нос, чтобы потом вправить его.

Но дух – это почти как позвоночник. Позвоночник не ломают заново.

Пожалуйста, сохрани мои слова.

Глава 3. Было

Так было не всегда. Раньше я не бегала от своей квартиры, говорила без сожаления. Раньше я не стала бы слать писем случайным людям из кафе.

Тогда нас было двое; я поставляла миру рифмы, а он поставлял миру фотографии. Вокруг нас было столько неубитых медведей, что мы не знали, за кого взяться. Мы стреляли наугад и всегда попадали.

У него в кармане всегда была ручка, чтобы исправлять цифры на автобусных билетах. Он менял двойки на семёрки, пятёрки на тройки, тройки на девятки, он говорил мне: «Каждый сам кузнец своего счастья». Он исправлял цифры, и все билетки становились счастливыми.

Потом был коридор в больнице. Длинный светлый коридор в каком-то голубоватом свете. Всё очень медленно и тихо. Кто-то вышел на лестницу и возле двери выбросил защитную повязку, которую хирурги надевают во время операций. Поток воздуха с лестничной площадки подхватил её, я смотрела, как она опускается вниз. Мне кажется, я смотрела на это минуты три.

Когда я в последний раз шла из больницы, мне показалось, что воздух вокруг замёрз. Он был почти белый, он был почти как лёд. Сквозь него

было почти невозможно идти. Этот воздух пришлось разбивать на каждом шагу. Думаю, именно поэтому я шла к дому так долго. Было около одиннадцати, когда я вышла, и около четырёх утра, когда я зашла в квартиру и села на кухонный стол.

Послезавтра его увезут туда, где он родился, и закопают там.

Я немного посидела на столе и начала собирать вещи. Я сложила все наши книги в коробки и утром раздала их по библиотекам.

За двенадцать часов у меня получилось раздать всё, что было в квартире. Зачем мне нужны были все эти вещи, которые, в сущности, никогда мне не принадлежали и не будут принадлежать?

Из всего, что существует в этой вселенной, мне нужно было одно, и это у меня отняли.

Так зачем мне всё остальное?

Глава 4. Есть

Теперь у меня есть другая квартира, есть несколько телефонов, которые никогда не звонят, есть работа. Это снова слова, но уже не мои. Я исправляю чужие слова.

И ещё у меня есть жизнь, хотя я не испытываю в этом необходимости.

У меня есть его камера. Я не отдала её потому, что она не принадлежала не мне. Она не принадлежала ему, поэтому я не могла ей распоряжаться, как всеми остальными вещами из нашей квартиры. Иногда я снимаю на неё какие-нибудь предметы. Очень редко я снимаю на неё людей. Как, например, человека из кафе.

Я всегда печатаю свои снимки, поэтому у меня есть стопка фотографий размером 15×21. Эта стопка обычно лежит на полу возле дивана, чтобы её удобно было брать в руки. Сейчас фотография человека из кафе лежит сверху. Рядом на журнальном столике лежат его письма.

В последнем письме он нарисовал ноту на белом листе бумаги. Я пошла в музыкальный магазин и попросила продавца сыграть эту ноту на всех музыкальных инструментах, на каких он сможет. Он сыграл её на фортепиано, гитаре, губной гармошке, флейте и контрабасе. Я записала всё это на диктофон.

Потом через Интернет я нашла разных музыкантов и попросила их отправить мне эту ноту, сыгранную на их инструментах.

Таким образом, у меня есть записи ля-бемоль на гитаре, люте, скрипке, альте, виолончели,

Кате Самсоновой 20 лет. Она – студентка факультета филологии и журналистики ПГУ. Победитель ряда вузовских конкурсов. Участница недавнего литературного фестиваля в Каргополе. Год назад в «Двине» состоялась её дебют.

Живёт в Архангельске.

контрабасе, трубе, тромбоне, валторне, аккордеоне, кларнете, гобое, органе, фортепиано, губной гармошке, домре, арфе и саксофоне.

Я нашла фотографии этих инструментов, и теперь они тоже у меня есть. Они лежат в стопке сразу под фотографией человека из кафе.

Всё это есть у меня, хотя, в сущности, оно мне не принадлежит.

Разве что кроме ноты, потому что её у меня уже нельзя отнять.

Глава 5. Чуть больше, чем воспоминание

Вещи, которые у меня нельзя отнять, привлекают меня больше всего. Ноты, стихи, которые я знаю наизусть, картины, которые я помню, фильмы, которые меня задела, города, в которых я была, – всё это можно отнять у меня разве что вместе с жизнью. При этом они никогда не принадлежали мне.

Обычно людям хочется оставить какое-то вещественное доказательство связи с такими вещами. Для этого люди фотографируются с ними. Они фотографируются возле картин и с актёрами уличных театров. Фотографируются в музеях и замках. Рядом с памятниками и на площадях. Люди хотели бы отхватить кусок от всего. От площадей, от памятников, от замков и музеев, от актёров и от картин. Они растащили бы по кускам соборы Гауди, растащили бы целые города, если бы им позволили. Но им не позволяют, и они фотографируются.

Они фотографируются, но ровно ничего им не достаётся, кроме собственного довольного лица.

Я думаю, единственный способ оставить хотя бы лёгкий след, чуть больше, чем просто воспоминание, и чуть меньше, чем доказательство причастности, – это сделать фотографию от первого лица, простую и чистую фотографию объекта. А потом напечатать её. Я так и делаю.

Глава 6. Море

Море – это одно из таких явлений, которые у меня нельзя отнять.

Периодически я езжу на разные побережья разных морей и фотографирую их. Фотографирую их в штиль, и в шторм. Когда ясно и когда облачно. Утром, днём, вечером или ночью.

У меня есть снимки разных морей.

Завтра утром я лечу в Литву, к литовскому побережью Балтийского моря. Точнее, на Куршскую косу. Куршская коса тянется от российского Кранца до литовской Клайпеды, её длина – девяносто восемь километров.

Я еду в Картен, это такой небольшой город под Клайпедой. У меня есть билет до Клайпеды, а от туда я буду добираться до Картена на автобусе. Я ещё никогда не была там.

Я остановлюсь в гостинице. Это будет завтра.

Глава 7. Завтра перешло в сегодня

И вот, я стою у окна. Когда меня провожали до номера, я заметила, что часы в холле показыва-

ют 07:02. Это местное время, здесь оно реально и востребовано. Как бы я ни хотела избежать столкновений со временем, в дни моих путешествий мне приходится ему соответствовать. Меня успокаивает то, что это время условно. Здесь 07:02, значит, часы на площади, которую видно из окна моей квартиры в Риге, тоже показывают 07:02. Часы на вокзале в Кенигсберге тоже показывают 07:02, но часы на площади Белорусского вокзала в Москве показывают уже 08:02. А мои наручные часы показывают 15:03, и это случайно заданное время. Для путешествий у меня есть вторые часы, я ношу их на правой руке. Они показывают 07:02. 07:03.

Из окна моего номера видно Балтийское море.

Я оставлю вещи прямо у двери. Я возьму только рюкзак и пойду на побережье. Оттуда я пойду в центр города. А потом, может быть, съезжу в соседний город или деревню и вернусь в гостиницу только вечером. Чем позже, тем лучше.

Мне нравятся гостиничные номера, потому что от них не надо бегать. Они не предъявляют на тебя никаких прав. Сегодня ты, а завтра кто-то другой. Эти стены, оклеенные нейтральными обоями, одинаково рады всем, кто живёт в них. Они не успевают обрасти воспоминаниями, в них ты ещё ни разу не был счастлив или несчастлив долгое время. С ним ты ещё не связал никаких периодов своей жизни кроме того, что идёт сейчас, да и он обусловлен точными датами заселения и выписки. Они отобразятся в книге на регистрации.

25.09.04–27.09.04

Я иду к морю.

Глава 8. Картен

Был такой ветер, что сносило чаек. Они, как самолёты в плохую погоду, не могли зайти на посадку. Всё кружили над побережьем, зависали в воздухе, как парашютисты или хлопья снега.

Я фотографировала море, пальцы не слушались, я пила чай из термоса и отогревала руки в рукавах. Я сидела на перевёрнутой старой лодке.

Я прошлась вдоль по косе и вернулась.

Когда я вышла в город, часы на правой руке показывали 10:35. Часы на левой руке показывали 18:35.

Когда я приезжаю в другую страну, я всегда покупаю красивые книги. Обычно это такие издания, где много рисунков и мало текста. Потому что рисунки просто понять, а маленькие тексты просто перевести со словарем. Часто это детские книги.

Поэтому у меня есть книги на польском, чешском, немецком, английском, финском, норвежском языках и разные словари, чтобы переводить эти книги.

Ещё я всегда покупаю в других странах диски, альбомы местных музыкантов. Обычно это блюз или джаз.

Магазины здесь работают с одиннадцати часов.

Я иду завтракать в кафе, которое находится на пересечении старейших улиц Картена. О том, что эти улицы старейшие в Картене, говорит бронзовая табличка, установленная на одном из домов. В сущности, раньше Картен и был пересечением

этих двух улиц. Крестом, два из лучей которого указывали на море.

Это было 734 года назад. Теперь здесь много других улиц, некоторые из которых я планирую увидеть сегодня. В Картене проживает примерно двадцать девять тысяч пятьсот человек. Я думаю, сегодня я увижу как минимум триста из них.

Я думаю об этом, пока завтракаю. Потом я расплачиваюсь кредитной картой и выхожу из кафе.

Я иду в книжный магазин и покупаю там пять красивых книг и четыре открытки. Открытки я пошлю каким-нибудь незнакомым людям, а книги будут лежать у меня дома на полке. Каким-нибудь вечером я переведу их.

Музыкальный магазин находится напротив книжного. Я покупаю здесь семь дисков. Диски я обычно отбираю по жанрам, затем по обложкам, а затем по названиям композиций. Когда я возвращаюсь в свою квартиру, я слушаю их. Чаще они мне нравятся.

Я кладу их в рюкзак и ухожу гулять по городу. В этот раз я иду по другой улице. Она тоже приводит меня к морю.

На берегу молодой мужчина запускает змея. Ветер очень сильный, поэтому змей сразу поднимается ввысь. Мужчина садится на песок, и я фотографирую его. Потом я снова фотографирую море.

Потом я иду на морской вокзал, откуда на теплоходе еду в деревню Дарсола. Она находится на острове недалеко от Картена.

Под балконом одного из деревенских домов стоит катер.

У причала пришвартованы разноцветные лодки. Я фотографирую их тоже.

Я возвращаюсь в Картен, когда уже темнеет. Я немного стою у окна и ложусь спать.

На следующий день я просто гуляю по набережной и городу. На одной из улиц стоит подъёмный кран. На нём по-английски написано «Берегись поворота». «Я и так берегусь поворота», – думаю я.

Когда я прохожу мимо детской площадки, я замечаю, что на песке начерчено Lukas. Я фотографирую надпись, потому что я всегда фотографирую имена, начертанные на песке или выложенные из камней. Тогда получается, что надпись оказывается куда более долговечной, чем мог предположить тот, кто её сделал.

Потом я записываюсь в местную библиотеку и несколько часов рассматриваю разные книги в читальном зале.

Вечером я уезжаю.

Глава 9. Берегись поворота

Ночью я уже в своей квартире.

Я завариваю чай и сажусь на диван разбирать книги и диски. Книги я пока просто рассматриваю, потому что у меня ещё нет нужного словаря.

Музыку я включаю сразу. Первый диск – альбом «Atmintis», квартета Натаниэля Т. Они играют экспериментальный джаз. Время звучания диска – пятьдесят шесть минут и сорок три секунды. Эти пятьдесят шесть минут и сорок три секунды я смотрю в окно. Потом я ставлю в проигрыватель следующий диск. Это Solo Piano от

Матиаса Радиаса. Возникает музыка, а я беру в руки коробку от предыдущего диска. На обороте обложки напечатаны фотографии всех музыкантов квартета Натаниэля Т. Там написано, что все они родились в Клайпеде. Они посвящают этот альбом своему общему другу, который умер от рака в 2003 году. Если бы он был жив, на обложке было бы написано «Квintет Натаниэля Т.».

Я беру буклет от диска Solo Piano. Играет уже третья композиция с этого диска. Я смотрю название. Она называется «Die Ozeane», что в переводе с немецкого означает «Океаны». Это очень тревожная музыка. В последнее время мне нравится только такая музыка – тревожная или печальная.

Я разворачиваю буклет, возможно, там есть фотография Матиаса Радиаса. Фотография действительно есть, и это фотография человека из кафе.

.....

Это чёрно-белый снимок, на нём Матиас Радиас, человек из кафе, сидит у окна, опёршись рукой о стол. Рядом напечатана отдельная фотография его рук на чёрно-белых клавишах. Я долго смотрю на снимок и думаю, что это очень красивые руки.

Информация на обороте буклета говорит о том, что Матиас родился в Клайпеде. Что он жил в Германии и окончил консерваторию в Берлине. Этот диск выпущен в 2002 году. Тогда Матиасу было 23 года и он был одним из самых многообещающих композиторов Европы. Со своей концертной программой Solo Piano он побывал в семнадцати странах.

На полу возле дивана лежит стопка моих фотографий, и верхний снимок – фото Матиаса. Он сидит в рижском кафе и смотрит в окно. Он держит чашку правой рукой и придерживает дно левой.

Стопка писем, которая лежит на журнальном столике около дивана, – от него. Чистые листы – от него. Нота – от него.

И я пока не знаю, что мне делать со всем этим.

Глава 10. Что мне делать со всем этим

На следующее утро google выдал мне результат по запросу «Матиас Радиас». Сто тридцать пять страниц, семьдесят восемь фотографий и три видео.

Два из них – интервью Матиаса на немецком языке. Я не знаю немецкого. Третье видео – запись его концерта в Берлине.

Я включаю это видео.

Сорок пять минут я смотрю, как играет человек из кафе. Я смотрю, как его руки бегают по клавишам, смотрю, как он наклоняется к инструменту и вздрагивает.

Я думаю, что если человек может быть единым с чем-нибудь, то это единство сейчас передо мной.

Это как продолжение человека через предмет. Ведь руки Матиаса молчат. Они лишь передают

немую кардиограмму мыслей и чувств. Как азбука Морзе, информация доходит до фортепиано, и оно дает ей голос. Как сурдопереводчик для духа, инструмент выводит беззвучное на визуальный уровень.

Я смотрю все страницы, на которых упоминается Матиас Радиас. Самая поздняя из них – страница с записью концерта. Дальше – тишина.

ЧАСТЬ II

Глава 1. Матиас Радиас

Когда это случилось, я почти сразу сменил имя и фамилию. Какой смысл в том, чтобы быть Матиасом Радиасом, если я больше не тот, кем он был?

Как Матиас Радиас, я был многообещающим композитором. Многообещающим. Да, я наобещал многого. Вон они, стоят по углам комнаты, мои обещания.

Я помню, раньше перед сном я всегда подходил к входной двери, проверял, закрыта ли она. Я немного пригнулся и смотрел, видно ли ригель замка в щёлку между косяком и дверью. Если ригель блеснул – значит, замок закрыт. Теперь я так же проверяю свою большую апатию. Каждый день она на месте, сверкает в темноте, как лезвие. Значит, двери ко мне закрыты.

Я сменил имя, фамилию, гражданство, место жительства. Я сбегал от Матиаса, я даже стал выглядеть по-другому. Но каждый раз, когда я вижу в паспорте свою фотографию, рядом с которой указано моё новое имя, каждый раз, когда я смотрю на этот единственный свой снимок, я узнаю в себе кого-то другого. Кого-то другого, кого я уже встречал. Мне знакомо его лицо, мы с ним похожи. Но на внешности все сходства заканчиваются. Мне никогда не стать Матиасом, мне не стать тем, кем он хотел стать. Матиас остановился в декабре 2002 года, он не пошёл дальше. Он застыл, как в криогенной камере. Он никогда больше не проснётся.

Глава 2. Лукас Маттерас

Когда я стал Лукасом Маттерасом, я сжёг все фотографии Матиаса, я обрубил все его контакты с внешним миром. Я сделал так, чтобы все потеряли его.

Я приехал в Латвию и поселился в квартире в центре Риги. Я был с нуля, у меня не было никакой биографии. Там, за декабрем 2002 года, была только тишина и пустота.

Чтобы как-то закрыть эту пустоту, я решил создать ширму. Я купил себе фотоальбом. На обложке этого альбома надпись «Друзья». Я вклеил в этот альбом пятьдесят фотографий, на которых сняты 19 людей. Я не знаю ни одного из них. Я нашёл эти снимки на одном из сайтов по фотографии. Это портреты людей, сделанные их друзьями-фотографами. Я даже подписал имена людей на снимках. Мантас, Камиле, Джонас, Агнес, Лаура, Марк... Кто они?

Я не знаю.

Если ты решил похоронить кого-то, то надо

зарывать его глубоко. Неглубокая депрессия, как неглубокая могила, это не то, что нужно для покоя. А я уходил в глубину.

Я не хотел видеть ни единого напоминания о Матиасе. Отражения в зеркале мешали мне. Тогда я перебил все зеркала в своей квартире, я не хотел отражаться нигде, я хотел, чтобы случилось несчастье. Но несчастье уже случилось. Я не хотел отражаться нигде, но это было уже невозможно, ведь я нашёл отражения в сотнях чужих жизней. Через Матиаса, музыка которого через наушники и колонки отражается в незнакомых мне людях, через записи его концертов, через диски – проходит к чужому сознанию, к чужой памяти, через Матиаса в этих людях отсвечиваю и я, Лукас Маттерас. Я почти физически ощущаю эту связь.

Мне уже ничего не сделать с этим.

Глава 3. Декабрь, 2002

Декабрь 2002 года – это тот рубеж, за который Матиас не переступил.

Я всё думаю, в какой момент он перешёл в Лукаса Маттераса? В тот, когда смятый руль зажал его пальцы, или в тот, когда врач в больнице поставил диагноз «компрессионный перелом восьми пальцев»? Может быть, тогда, когда через месяц после аварии в одном из кабинетов прозвучало «необратимый паралич»? Наверное, всё-таки в этот момент. «Необратимый паралич» превратился в разряд, как шаровая молния он отражался от стен, от шкафов, от картины, от оконной рамы, от замочной скважины, от стульев и стола, от мигающей лампы, от досок паркета, от подставки для ручек, от радиоприёмника. Он набрал полную силу, он набрал тысячу вольт и ударил Матиасу прямо в сердце. Может быть, не в сердце. Может, в затылок или в висок. Но именно с этого момента Матиаса больше не стало. Скорее всего, так, но я не уверен. Ведь «необратимый паралич» – это всего лишь слова, они обозначают явление, наступившее раньше. Явление, ставшее следствием той секунды, когда руль автомобиля превратился в сработавший капкан.

Я всё не могу понять, кто из нас лежал в больнице – Лукас, который никогда не умел играть на фортепиано, потому что мизинцы, безымянные, средние и указательные пальцы обеих его рук парализованы, или Матиас, который ещё не знает, что никогда больше не сможет говорить? Кто мечтал об эвтаназии, лёжа на больничной койке, ещё Матиас или уже Лукас?

Я всё думаю об этом.

Глава 4. Письма

Мне стали приходиться письма. На конвертах подписан адрес, но нет имени адресата. Сначала я пытался понять, кому эти письма. Я боялся, что они предназначены Матиасу. Я боялся, что кто-то нашёл его след.

Я искал подвох в каждой строчке. Но я не нашёл его. Эти письма были действительно мне. Эти письма написаны Лукасу Маттерасу человеком, который даже не знает его имени. Я успоко-

ился. Я перечитывал их внимательно. В них было столько боли, что я не мог не ответить на них.

Я не мог не ответить, но и написать я ничего не мог. Во-первых, потому, что я почти не могу писать. Во-вторых, потому, что и говорить я не могу. Это передалось мне от Матиаса. Он тоже не умел говорить, то есть передавать свои мысли при помощи слов. Ни литовский, ни немецкий, ни английский, ни один другой язык мира не мог так же точно, как музыка, перевести его состояние. Но у Матиаса был переводчик, у него было фортепиано и способность говорить с ним.

Этого у меня нет.

Я посылал в ответ чистые листы. Я прикидывал примерно, сколько места занял бы тот или иной ответ на бумаге, зажав ручку между ребром ладони и большим пальцем, подписывал обратный адрес, только улицу, потому что я решил, что девушка и так поймёт, от кого это. Я складывал листы в конверт и отправлял с соседским мальчиком.

Глава 5. Когда она нашла следы

Я даже не испугался. Я не испугался потому, что она просто наткнулась на них. Она как будто ходила по снегу или песку и вдруг увидела их. Это была случайность. Это был случайный город и случайный магазин. Это был случайный диск и случайная кофейня. Это была случайная страна.

Именно поэтому я решил, что так и должно было быть.

Я долго бегал, я долго прятался. Меня нашли не тем путём, который я предполагал и которого я опасался. Если представить, что это было лото, то я должен признать результат игры, нравится он мне или нет.

Она нашла следы Матиаса, перешедшие в мои следы, несмотря на то, что она и не хотела этого. Судьба передаёт ход ей.

Когда она написала, что может зайти ко мне, я ответил: «Можешь». Когда она спросила, что принести к чаю, я ответил: «Аспирин».

Глава 6. Действия

Когда она пришла ко мне, я подумал, что где-то видел её. Это неудивительно, потому что я видел её в кафе, хоть и не заметил этого.

Я рассказал ей всё, что я помню о Матиасе. Всё, что я знаю о Лукасе. Всё, что я знаю об апатии и боли. Она знала о них не меньше, она знала, что слова здесь не работают. Поэтому она предложила мне действия.

Я был многообещающим композитором. Я наобещал многого. Мы собрали все мои обещания в сундук, мы поехали за город и выбросили этот сундук с утёса.

С 2002 года я мечтал об эвтаназии. Лукас Маттерас был эвтаназией для Матиаса Радиаса.

Эта эвтаназия не сработала. Матиас не умирал в Лукасе, как Лукас ни старался. Матиас лежал в коме внутри Лукаса.

Когда люди долго лежат в коме, их рано или поздно отключают от аппаратов, поддерживающих жизнь.

Только я, Лукас, всё не решался вытащить из себя все эти трубки, датчики и иголки. У меня не было такого рычага, дёрнув который я перестал бы существовать. Я не решался.

Я решил.

ЧАСТЬ III

Глава 1. Кто это был?

Теперь, когда нет ни Матиаса Радиаса, ни Лукаса Маттераса, когда я вспоминаю всё это, я стараюсь понять, с кем из них я была знакома? С Матиасом, от которого осталась только музыка, или с Лукасом, от которого осталась только фотография? Я думаю о том, может ли один человек переходить в другого, не меняя тела? В таком случае фотография, которая висит в чёрной рамке на моей стене, становится фотографией Матиаса. Я думала об этом долго и решила поверить тому, кого теперь уже нет.

Он говорил, что умер давно, ещё в 2002 году. Он умер, хотя физически оставался живым.

Теперь, когда он убил Лукаса, он отпустил Матиаса туда, куда тот должен был попасть ещё два года назад.

Теперь от Матиаса осталась только музыка. Эта музыка через колонки и наушники проходит в сознание сотен людей. Только теперь, когда Лукаса нет, когда зеркало не даёт искажений, отражается чистая картина. И на ней – Матиас. Матиас, каким он был за секунду до.

Глава 2. Untitled

У Лукаса Маттераса был альбом. Он назывался «Друзья». В этот альбом он вклеил фотографии девятнадцати случайных людей, взятых с сайта, посвящённого фотографии. Это портреты людей, сделанные их друзьями-фотографами. Он даже подписал их имена. На одном из этих снимков девушка с блокнотом и ручкой. На фото видно, что в блокноте записаны стихи.

Под фотографией написано: «Камиле».

Это я.

Валерий СИНЁВ

ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Соблюдены и в этом марше
 Порядок, чин и ритуал.
 Уже ушёл последний маршал,
 Пройдёт последний генерал,
 Потом в клину колонны станут.
 Смешав неброские чины,
 Досрочных выслуг капитаны
 И лейтенанты той войны,
 И сущих всех ещё на свете
 Единый сводный батальон
 Шагнёт к Москве-реке, как к Лете...
 И вот...
 На площадь выйдет он.
 Один. Отдельный. Одиночный.
 Её последний рядовой,
 Хлебнувший всю её заочно
 И только день – передовой,
 За все фронты её ответчик
 И за тылы её сполна...
 Пройдёт и скроется навечно...
 Тогда и кончится война.

Олеся НИКОЛАЕВА

МАЙОР

Назидательно говорит сыну майор: – Сынок,
 отправляйся-ка в армию – там спустят с тебя жирок,
 там тебя и вкрутую сварят, и пить дадут кипятком,
 чтоб словил ты кайф от устава, и толк, и ток!

Там тебя научат бриться до синевы
 и повыбьют шалость и дурость из головы,
 обомнут, обстругают, обещут, отрежут хвост:
 гладкий-гладкий весь – без сучка, без задоринки –
 прям и прост.

А как встанешь навтыжку, чтобы к ноге нога,
 мышца с мышцею в сговоре, кожа туга-туга,
 так ведь музыку сфер почувшь, и прок, и строй,
 чтоб завяли Гога с Магогой – народец злой.

Всё-то лучше, чем так – былинкой малой балдеть
 да поганкой бледной на пне трухлявом сидеть,
 среди геев шастать, шустрить шестёркой, бабла
 гнать пургу да фуфлю шобить да в сортире чужом
 искать,
 икать.

Ан – припомнишь после, как что – как маршировал,
 как во мраке на брюхе полз, землю-матушку целовал,
 «чёрный ворон» в траншее пел под шрапнельный
 шквал,
 как, очнувшись, понял, что Бог тебя «крышевал».

• Адрес редакции: Архангельск, пр. Новгородский, 32-710

• Почтовый адрес: 163004, Архангельск, а/я 45, журнал «Двина», М. К. Попову

• Тел./факс 28-63-64

• Http: //writers.aonb.ru/

Журнал зарегистрирован в федеральном государственном учреждении «Северо-Западное окружное межрегиональное территориальное управление Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций» ПИ № 3-5260.

При перепечатке ссылка на журнал «Двина» обязательна.

Рукописи внимательно рассматриваются, но заключения или рецензии авторам не выдаются. О возвращении рукописи автор заботится сам.

Рунет — о Великой Отечественной

Вот краткий перечень сайтов, которые необходимо посетить начинающему исследователю:

«Победа 1941–1945» – здесь собраны уникальные фотоматериалы из государственных архивов и частных коллекций. Посетитель сайта может проследить за развитием событий Великой Отечественной войны.

«ОБД «Мемориал» – обобщённый банк данных содержит информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и послевоенный период.

«Soldat.ru» – на сайте размещены Книги Памяти Архангельской, Ленинградской и других областей за период 1941–1945 гг., электронные справочники Красной армии: командный состав, полевые почты, дислокация госпиталей и запасных полков.

«Герои страны» – почти 12 700 человек были удостоены почётного звания Героя Советского Союза, 2630 воинов отмечены званием полного кавалера орденов Славы, а в последние годы появилось значительное количество Героев России.

«Военные мемуары Второй мировой» – сайт для тех, кто хочет сохранить память о ветеранах Великой Отечественной войны в местах их проживания: технология сбора и сохранения аудио- и фотомемуаров.

«Карты военных действий Второй мировой войны» – проект содержит карты военных действий Второй мировой войны из отечественных и зарубежных источников.

«Вторая мировая война. Каталог ресурсов» – масштабный портал, содержащий массу ссылок на всевозможные ресурсы, посвящённые Второй мировой войне, а также удобную поисковую систему.

«Военная литература» (militera.lib.ru) – один из самых крупных военно-исторических ресурсов на русском языке.

«ВМФ СССР. Вторая мировая война 1939–1945 гг.» – сайт, предлагающий исторические сведения и техническую информацию о советском Военно-морском флоте во время войны.

«Фронтовые письма» – это словосочетание, набранное в любом поисковике, открывает доступ к большому количеству ссылок на ресурсы, содержащие письма солдат и офицеров к родным и ответные послания, уходившие на передовую. Трогательные, пронзительные, эти короткие сообщения потрясают сочетанием видимой простоты и того страшного, почти неизбежного, что незримо присутствует за бытовыми вопросами, пожеланиями здоровья и счастья, признаниями в любви.

Николай КАЛИНИЧЕНКО

Сдано в набор 07.05.10

Подписано в печать 20.07.10

Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 7,44. Тираж 700.

Заказ 958.

Компьютерное обеспечение:

Н.А. Ермакова, Н.Г. Устюжанина,
 Г.Е. Владимирова, Е.И. Малышева.

Корректоры: А.С. Дерябина,
 С.В. Калинина, Ю.С. Кузнецова,
 Н.А. Низовцева.

Журнал набран, сверстан и отпечатан в ОАО «ИПП «Правда Севера», Архангельск, пр. Новгородский, 32